

**Московский
журнал
международного
права**

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца
№ 1 (85) 2012 январь-март

Содержание

Московскому журналу международного права – 20 лет

Поздравление от коллег из Санкт-Петербургского
государственного университета 4

От главного редактора: Московскому журналу
международного права 20 лет 6

Вопросы теории

Вельяминов Г.М. Глобализация: суть и динамика 8

Georgy M. Velyaminov Globalization: Essence and Dynamics 28

Гуреев С.А. Субъекты международного права 29

Sergei A. Gureev Subjects of International Law 48

Ашавский Б.М. О роли доктрины в современном
международном праве 49

Boris M. Ashavsky Role of the Doctrine in the Contemporary
International Law 54

Права человека

Саяпин С.В. Международный Комитет Красного Креста
и гражданские права человека (Часть 1) 55

Sergey V. Sayapin The International Committee of the Red
Cross and Civil Rights (Part I) 88

Международное гуманитарное право

- Пузырева Ю.В.* Историко-правовые аспекты становления и развития принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов 89
Yuliya V. Puzyreva Historical and Legal Aspects of Formation and Development of the Principle of Protection of Civilian Objects in Armed Conflicts 110

Право международной безопасности

- Ибрагимов А.М., Нуцалханов Г.Н.* К истории создания безъядерной зоны в Центральной Азии: характер международного сотрудничества в свете ее учреждения 111
Ahmed M. Ibragimov, Gamzat N. Nutsalhanov To the History of Establishing a Nuclear-free zone in Central Asia: the Character of International Cooperation in Light of its Formation 124
Синякин И.И. Односторонние действия государства, связанные с применением силы: международно-правовые вопросы 125
Ivan I. Sinyakin Unilateral Actions, Concerning Use of Force: International Legal Aspects 140

Международное экологическое право

- Копылов М.Н., Солнцев А.М.* Международно-правовая охрана экосистем водно-болотных угодий (к 40-летию Рамсарской конвенции 1971 г.) 141
Mikhail N. Kopylov, Alexander M. Solntsev The International Legal Protection of the Ecosystems of Wetlands (to the 40th Anniversary of the 1971 Ramsar Convention) 159

Международное морское право

- Йон М. Ван Дайк* Транзитный проход через международные проливы 160
Jon M. Van Dyke Transit Passage through International Straits ... 183

Международное космическое право

- Волынская О.А.* Инновации и космос: международно-правовые аспекты и опыт зарубежных стран 184

<i>Olga A. Volynskaya</i> Space and Innovations in the Context of Space Law	193
---	-----

Международное экономическое право

<i>Шугуров М.В.</i> Международно-правовое регулирование передачи технологий в условиях глобализации: состояние и перспективы	194
<i>Mark V. Shugurov</i> International Law Regulation of Technology Transfer of the Age of Globalization: State and Perspectives	216
<i>Тюрина Н.Е.</i> Понятие «международное торговое право»	217
<i>Nataliya Y. Tyurina</i> The Concept of International Trade Law	228

Международное частное право

<i>Дораев М.Г.</i> Суверенные фонды как субъекты международного рынка капиталов (правовые аспекты)	229
<i>Mergen G. Doraev</i> Sovereign Wealth Funds as Participant of International Capital Market: Legal Issues	240

Голоса молодых

<i>Акинфиева Т.В.</i> Собственность супругов по праву Испании	241
<i>Tatyana V. Akinfieva</i> Matrimonial Property Law in Spain	254
<i>Василенко Е.В.</i> О некоторых правовых аспектах международного управления природными ресурсами	255
<i>Ekaterina V. Vasilenko</i> Some Legal Issues in Natural Resources' International Management	269

Документы

Региональный уровень праворегулирования отношений государств в Арктике (комментарий)	270
Нуукская декларация по случаю Седьмой Министерской сессии Арктического совета 12 мая 2011 года, Нуук, Гренландия	298

Некролог

Памяти профессора Игнатенко Г.В.	305
---------------------------------------	-----

МОСКОВСКОМУ ЖУРНАЛУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА – 20 ЛЕТ!

**Коллективу редакции Московского журнала
международного права, главному редактору,
профессору Ю.М. Колосову**

**Уважаемые коллеги!
Уважаемый Юрий Михайлович!**

Сердечно поздравляем Вас с 20-летним юбилеем Вашего прекрасного детища – «Московского журнала международного права». 20 лет для научного журнала – возраст зрелости. Это означает, что научное издание состоялось, вписалось в научную среду международного права, нашло своих читателей и авторов. Ваш журнал стал первым специальным изданием по вопросам международного права в СССР и России. Вслед за «Московским журналом» появилась целая серия специальных изданий по проблемам международного права. Однако Ваш журнал ничуть не проиграл в этой ситуации, поскольку был и остается первым не только в хронологической последовательности, но и по занимаемому им месту в нашей научной периодике.

Журнал с успехом преодолел трудности, которые встречаются в жизни всякого периодического издания, а также сложности, связанные с формированием и распространением печатных изданий в перестроечные годы. В этих условиях журнал не только выжил, но и укрепил свои позиции: сперва появилось издание журнала на английском языке, а затем версия в сети интернет.

Нам импонирует политика журнала в формировании редакционного портфеля в отношении баланса теоретических и практических материалов; публикаций документов, материалов подготовленных маститыми учеными, молодыми специалистами. Важным с нашей точки

зрения является и то, что журнал трактует «международное право» широко, помещая на своих страницах материалы не только по международному публичному праву, но и по международному частному праву, а также по европейскому праву, актуальным вопросам международного сотрудничества.

Мы понимаем, что журнал – это детище коллективного труда. Вместе с тем очевидно, сколь велика роль в создании журнала, сохранении его жизнеспособности и укреплении авторитета его бессменного главного редактора – профессора Юрия Михайловича Колосова.

Желаем Вам, наши уважаемые коллеги, и впредь сохранять лидирующие позиции, не снижать ту высокую планку, которую Вы сами себе задали, расширять круг своих авторов, читателей и почитателей.

Здоровья Вам, успехов и благополучия.

С уважением,
Декан юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета, профессор Н.А. Шевелева

Заведующий кафедрой
международного права, профессор С.В. Бахин

Московскому журналу международного права – 20 лет

Уважаемые читатели, первый отечественный журнал международного права отмечает 20-летний юбилей...

Журнал профессиональный, а не глянцевый, в нем – не тусовка звезд эстрады, не попса «на потребу», не сплетни о личной жизни политиков и богатых. «Кто ж его читать будет? – говорили мне в «лихих девяностых».

Журнал читают те, кто интеллектуально богаче, кто имеет вкус к теории права, кому интересно разбираться в правовом измерении современных международных отношений, кто реально формирует международное правосознание, по крайней мере, русскоговорящей части нашей планеты.

В таком высокопрофессиональном журнале авторы и читательская аудитория – не только тесно взаимодействуют; они – вместе творят журнал; нередко это – одни и те же люди, которые всегда – читатели и иногда – авторы. Нас количественно мало, но качество нашего влияния на мир возрастает, с развитием принципа верховенства международного права в международных отношениях, с консолидацией международного правосознания, с возрастающей ролью международно-правовой доктрины в прогрессивном развитии международного права...

В журнале публикуются тексты новых международных договоров, других международно-правовых актов, в том числе не имеющих официального перевода на русский язык, с последующими комментариями к ним, что, несомненно, оказывает помощь читателям – быть осведомленными о том новом и значимом, что происходит в современных международных отношениях и международном праве.

В журнале часто публикуются статьи молодых ученых – это для них создана рубрика «Голоса молодых»; и это – вклад редколлегии в поддержание на должном уровне преемственности в российской науке международного права.

К сожалению, время от времени журнал вынужден публиковать некрологи... Известные юристы-международники ушли из жизни за прошедшие два десятилетия, и профессиональные, личностные напоминания о них на страницах журнала – это тоже пестование отечественной науки международного права.

Еще об одной значимой функции журнала... В современных условиях социально значима роль журнала как взыскательного радетеля международно-правовой науки, держащего высоко планку качества научных публикаций.

Главный редактор
профессор Ю.М. Колосов,
докт. юр. наук,
заслуженный деятель науки РФ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Глобализация: суть и динамика

*Вельяминов Г.М.**

Глобализация прежде всего – экономический, социальный и политический феномен. Это планетарно (глобально) ориентированная экспансия индивидов, коллективов, государств, международных образований и т.д. в сферах торговли, финансовых потоков, промышленности, коммуникаций, информатики, науки, техники, культуры, религии, преступности и т.д. Она регулируется международным правом главным образом лишь в сфере торговли – в ВТО. Одна из основных особенностей глобализации – ее выраженная неравномерность. Пик современной фазы глобализации пришелся на конец XX века. Теперь она характеризуется спадом.

Ключевые слова: глобализация; Pax Americana; мировая экономика; антиглобализм; международно-правовое регулирование торговой глобализации.

I. Сущность, особенности и перспективы современной глобализации

Понятия глобализации, ее истоков, сущности, перспектив, значения и т.д. – неоднозначны. Единственное, в чем, кажется, не может быть сомнений, это в том, что глобализация – понятие отнюдь не правовое, но социальное, экономическое и политическое. Автор исходит из следующего понимания феномена глобализации: это планетарно (глобально) ориентированная всесторонняя экспансия отдельных индивидов,

* Вельяминов Георгий Михайлович – д.ю.н., профессор, гл. научн. сотр. Института государства и права РАН; арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ.

коллективов, государств и межгосударственных объединений в сферах торговли, финансовых потоков, промышленности, коммуникаций, информатики, науки, техники, культуры, религии, преступности и т.д. с конвергенционным эффектом¹. Глобализация – явление далеко не новое, прослеживаемое в истории от Римской империи (*Pax Romana*) и до наших дней². Возникновение современной глобальной политики исследователи относят к XIV–XVII векам (начальная европейская экспансия). Х. Джеймс в книге «Конец глобализации» историю капитализма последних полутора столетий описывает как две больших волны глобализации в конце XIX и в конце XX века, а период с 1914 по 1970-е годы как распад мирового рынка³.

История глобализации по большей части, несомненно, есть история вестернизации. Всплеску современного витка глобализации кардинально способствовали распад колониальной системы, крушение социалистического межгосударственного сообщества, а также научно-техническая и коммуникационная революция. Эти стартовые не зависящие прямо от глобализации факторы стали ее мощной материальной базой, обеспечив беспрецедентные возможности как ее территориальных действительно глобальных масштабов, так и интенсивности и гигантских объемов торгово-промышленных и финансовых трансграничных трансферов. Но в территориальном, временном и объемном (по предметному охвату) аспектах, а также по воздействию на отдельные страны, регионы и человеческие сообщества и классы *развитие глобализации крайне неравномерно*.

Современная волна глобализации (со второй половины XX века) имела ряд характерных особенностей.

¹ См.: Г.М. Вельяминов. Международное экономическое право и процесс (Академический курс). М.: Wolters Kluwer, 2004. С. 16 (далее в сносках: Г.М. Вельяминов. Курс). См. также: Коммюнике глав государств и правительств «Группы 8-ми» (1999 г.). Дипломатический вестник. 1999. № 7. С. 29; Peter Melanczuk. «Globalization and the Future Role of Sovereign States» in *International Economic Law with a Human Face*. Ed. by F. Weiss, E. Denters and P. de Waart. Kluwer Law International. The Hague/Dordrecht/London, 1998, p. 43–65; Роберт Дж. Макчесни. В кн.: Ноам Хомский. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок (пер. с англ.). М.: Праксис, 2002. С. 19; Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура (пер. с англ.). М.: Праксис, 2004. С. 1, 31; Алекс Каллиникос. Антикапиталистический манифест (пер. с англ.). М.: Праксис, 2005. С. 22.

² See: P. Melanczuk. Op. cit. P. 50 etc.; Вельяминов Г.М. Курс. С. 16–18.

³ См.: А. Каллиникос. Указ. соч. С. 179.

Во-первых, локомотивом современного этапа построения глобализационной системы изначально стали США, что имеет исторические, идеологические, политические и экономические основы.

Как пишет известный американский политолог, профессор Массачусетского технологического университета Ноам Хомский: «В этой системе США по вполне очевидным причинам играют особую роль. По словам историка дипломатии Джеральда Хейнса, к тому же старшего историка ЦРУ, «после Второй мировой войны Соединенные Штаты ради собственной выгоды взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы»⁴.

В своем капитальном исследовании «Империя» Майкл Хардт (США) и Антонио Негри (Италия) пишут: «...в течение всего двадцатого столетия становилось все более ясно, что Соединенные Штаты... были автором откровенных империалистических проектов... как внутри страны, так и за рубежом. Образ американского правительства как мирового жандарма... сформировался не в 1960-е годы и даже не с началом «холодной войны», но восходя к периоду советской революции и, возможно, к еще более ранним временам... Мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта (под этим понимается постоянно отодвигаемая граница под натиском непрерывной экспансии. В истории США – это «дранг» на дикий Запад. – Г.В.) в открытое пространство имперского (имеется в виду американского. – Г.В.) суверенитета»⁵.

Идеологической базой глобально-имперских притязаний США служит мессианская (особенно со времен президента Вудро Вильсона) идея об исключительной демократическо-цивилизаторской миссии США – создания всемирного «*Pax Americana*». Вот что писалось еще в 1940 (!) году в редакционной статье влиятельного американского журнала «Форчун»: «Чтобы воспрепятствовать успехам современных деструктивных сил, угрожающих уничтожению всего того, за что человеческая раса боролась всю свою историю, гражданин США, когда он обретет себя в центре Атлантического мира, воспримет вызов судьбы и обратится к построению *Pax Americana*»⁶. Эта провиденциаль-

⁴ Н. Хомский. Указ. соч. С. 28–29.

⁵ Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя (пер. с англ.). М.: Праксис, 2004. С. 119, 174; см. также: Y. Sakamoto. Global Transformation, Tokyo, 1994. P. 3.

⁶ Цит. (в переводе с англ.) по кн.: The Pocket Companion, N.Y. 1940. P. 342–343. См. также: Ст. Кондрашев // «Время новостей». 12 марта 2004 г.; Д. Бабиш // «Время новостей». 2 ноября 2004 г.; Дж Кеннан // «Время новостей». 21 марта 2005 г.

ная идея явно владеет умами и современных, на самом высшем уровне американских строителей всемирной империи.

В политическом аспекте администрация США с 1990-х годов взяла откровенный курс на военно-стратегическое доминирование США в отношении любых стран. Об этом, наряду с другими авторами, особенно выразительно свидетельствует директор Института международных проблем Пекинского университета Цинхуа профессор Янь Сюэтуун: «Америка оказалась единственной сверхдержавой, стратегической целью которой является предотвращение попыток любой страны или группы стран бросить вызов ее доминирующей позиции. После завершения «холодной войны» различные администрации США в отчетах о проблемах национальной безопасности ясно указывали на главенство этой задачи, неоднократно подчеркивали необходимость сдерживания Китая и России»⁷. А вот и прямая иллюстрация соответствующего позиционирования администрации США – заявление б. президента Б. Клинтона, сделанное им перед Конгрессом при формировании стратегии национальной безопасности США: «Соединенные Штаты – единственное государство, способное проводить широкомаштабные и успешные операции вдали от своих границ... Экономическая политика должна обеспечить свободную торговлю и «свободный и равноправный доступ США к зарубежным рынкам». Американский народ и конгресс должны быть готовы «платить за сохранение такого лидерства – в долларах, политических усилиях, а иногда и жизнями американцев»⁸. Агрессия в Ираке, другие военные акции с участием США показали, что это не просто громкие слова.

Экономические интересы большого капитала США – главное содержание политики торгово-финансовой глобализации. Сегодня, как пишут солидные английские исследователи, «глобализацию производства осуществляют в значительной мере многонациональные корпорации... остающиеся стержнем современной мировой экономики»⁹. При этом около 25% всех, причем крупнейших, ТНК базируются в США¹⁰.

Все отмеченные факторы и послужили основанием провозглашения еще администраций Рейгана глобализации

⁷ «Время новостей». 27 мая 2003 г.; см. также: А. Каллиникос. Указ. соч. С. 75 – об усилиях «американского империализма, направленных на установление превосходства над другими великими державами».

⁸ «Российская газета». 1995. 4 мая.

⁹ Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч. С. 334.

¹⁰ World Investment Report UN; N.Y., 1997. P. 436.

в качестве внешнеполитического курса США¹¹. И это хорошо подтверждает резонность знака равенства между современной глобализацией и панамериканизмом.

Во-вторых, как логически вытекает из вышесказанного, *все реальные «успехи» глобализации сосредоточены практически в сфере экономического экспансионизма* (международная торговля, финансовые трансферы и инвестиции, промышленность). «Глобализация, конечно, представляет собой главным образом финансовый и экономический феномен»¹².

Что касается так называемой *«культурной глобализации»*, то наиболее известными ее символами, о чем образно пишут зарубежные исследователи, «являются кока-кола, Мадонна и новости на Си-Эн-Си... В конце концов, и Голливуд, и такие компании, как «Майкрософт» и АТ&Т, занимаются тем, что делают деньги». В глобальном пространстве массовой культуры преобладает культурная индустрия США¹³. Так называемая «культурная глобализация» по сути не более чем маргинальный продукт торговой экспансии.

Такой естественный и, с очевидностью, наиболее показательный элемент глобализации, как международная *миграция населения*, – нагляднейшее «человеческое измерение» глобализации – не только не развивается в более высоких масштабах, чем в прежние времена, но и эффективно подавляется в развитых странах. Если в торговле товарами и отчасти услугами «правит бал» концепция неолиберализма, открытости рынков, то рынок труда в развитых странах подвержен все более жесткому протекционизму, и о каком-либо «торжестве» глобализации в этой сфере говорить не приходится.

Социальная составляющая глобализации оценивается со знаком минус. Как пишет профессор Иллинойского университета (США) Роберт Макчесни: «Политика глобализации привела к значительному росту социального и экономического неравенства, к заметному росту

¹¹ См.: И.М. Кривогуз. Трансформации стран Северо-Атлантического региона. М., 2002. С. 54.

¹² Президент Международного Комитета Красного Креста С. Sommaragua. Time for Humanitarians to Get Buisness Involved // International Herald Tribune, 1999. Nov. 16 (цит. по: И.И. Лукашук. Глобализация, государство и право, XXI век. М.: Спарк, 2000. С. 2).

¹³ См.: Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Г. Перратон. Указ. соч. С. 386, 440, 515. См. также: Права человека и процессы глобализации современного мира. Отв. ред. Е.А. Лукашова. М.: Норма, 2005.

суровых лишений для беднейших наций и народов мира...»¹⁴. Об этом много пишут и иные авторы: «На наших глазах рождается мир, полный людей без надежды, часто движимых завистью и злобой, людей, которые ни во что не ставят свою собственную жизнь, а вашу и подавно. Может ли их заботить вопрос сохранения жизни на планете? Повсеместный рост населения в сочетании с непрерывно увеличивающимся разрывом между имущими и неимущими порождает все более число людей без надежды на будущее»¹⁵. При этом следует признать, что в рамках управляемой глобализации ничего не делается для улучшения такой ситуации. К примеру, в программном документе *United States Command, Vision for 2020, Febr. 1997*, констатировалось, что «глобализация мировой экономики продолжается, а пропасть между «имущими» и «неимущими» возрастает»¹⁶. Этот разрыв и есть питательная среда всплеска преступности, терроризма, наркомании и т.д.

С отрицательными социальными последствиями глобализации «успешно» конкурирует ее вредоносность для окружающей среды. «Последствия производства в сочетании с капиталистической или социалистической организацией экономики для окружающей среды были повсеместно и активно осознаны как ее деградация... И хотя произошел колоссальный рост численности всевозможных международных институтов, законов и соглашений... способность экономической глобализации создавать потенциальные риски и угрозу намного превышает возможности справиться с этими угрозами», – констатируют английские исследователи¹⁷. Даже от скромной попытки ограничить на многосторонней основе загрязненность атмосферы на основе Киотского протокола 1997 года – путем установления для стран-участниц квот на выброс парниковых газов – «благополучно» уклоняются самые главные загрязнители атмосферы – США и Китай.

Лакуны социальной и экологической составляющих глобализации компенсируются «с успехом» в **военной глобализации**, в которую, как отмечают исследователи, в наибольшей мере не столько формально, сколько практически вовлечено шесть стран: США, Великобритания, Япония, Франция, Швеция и Германия, каждая из которых по-своему

¹⁴ Р. Макчесни в предисловии к книге: Н. Хомский. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ Джоэл Крамер и Диана Олстед. Маски авторитарности (пер. с англ.). М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 405.

¹⁶ www.spacecom.af mil/uspace (цит. по: А. Каллиникос. Указ. соч. С. 170).

¹⁷ См.: Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч. С. 451–452, 487 и далее.

входит «в структуру мирового военного порядка... что имеет важные политические последствия, разрушающие само понятие независимой государственности»¹⁸.

В-третьих, важнейшей системообразующей особенностью процесса современной глобализации является его ярко выраженная управляемость. Процесс этот, хотя объективно и обусловлен общей интернационализацией жизни на планете и, казалось бы, стихичен, на самом деле умело канализируем в русло рыночной экономики на основах ее концептуально капиталистической, неолиберальной модели. «Глобализация далека от того, чтобы быть просто «вне контроля», а, напротив, является объектом новых форм многостороннего регулирования и многостороннего управления... представляет собой разные и осознанные политические или экономические проекты национальных элит и межнациональных социальных сил»¹⁹. Говоря проще, главной руководящей силой являются несомненно США, оплот международного мегакапитала.

Наиболее действенным и надежным методом управления является *право*. В наше время даже чисто силовые приемы, и то всячески стремятся облечь в правовые одеяния, и прежде всего, естественно, в международное право. Глобализация, однако, как таковая не может напрямую формировать право, ибо право есть выражение *государственной* воли, а международное право (в том числе его отрасль международное экономическое право) выражает *согласованные* воли государств²⁰, реально, увы, часто в зависимости от воли наиболее могущественных государств. В современном мире такое согласование происходит в ходе переговоров прежде всего в рамках международных организаций, а что касается основных глобализационных, а именно торгово-экономических отношений, – в рамках Всемирной торговой организации (ВТО).

Игровым полем реально «глобализационно» воздействуемого правотворчества является, таким образом, международное экономическое право, а точнее, его подотрасль – международное торговое право²¹, неслучайно и оформившиеся именно во второй половине XX века.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ Там же. С. 508–509.

²⁰ См.: Г.И. Тункин. Теория международного права. М., 1970. С. 239–342; Г.М. Вельяминов. Соотношение международного права и международного частного права // Московский журнал международного права. 2005. № 1. С. 7–9.

²¹ См. о понятиях МЭП и международного торгового права: Г.М. Вельяминов. Курс. С. 37–44, 154–156.

II. Доктринальные прогнозы

В контексте, в частности, определения перспектив воздействия глобализации на международное право принципиальное значение имеют научные оценки сущности и перспектив дальнейшего развития самой глобализации.

В науке существуют четыре основных направления.

Ортодокс-глобалисты (гиперглобалисты). Это Кенечи Омае, Дж. Редвуд, М. Фридман, П. Кеннеди, Л. Кан, А. Слотер²² и др. Глобализация рассматривается в качестве новой эры глобальной цивилизации, движущими силами которой являются капитализм и новые технологии; людские судьбы полностью зависят от порядков на мировом рынке. Конец национальных государств.

Трансформисты. Б. Аксфорд, Д. Хелд, Д. Гольдблатт, А. Макгрю, Дж. Перратон, Дж. Розенау, А. Гидденс²³ и др. Глобализация глубоко трансформирует мировую политику и государственную власть, общество, которые пытаются адаптироваться к более взаимосвязанному и быстро меняющемуся миру. «Множество глобальных потоков, структур, взаимодействий и взаимосвязей порождают структурное изменение организации социальных отношений и применения власти»²⁴. Будущее развитие, однако, неопределенно, ибо интеграции сопутствует фрагментация. Стабильность дальнейшего развития глобализации ставится под сомнение: «в современной экономической глобализации нет ничего беспрецедентного, и, кроме того, она не может быть продолжительной». Глобализация может развиваться не в одном лишь направлении и не с одним-единственным требованием – в совершенстве отрегулированным мировым рынком²⁵.

²² K. Ohmae. The End of the Nation State // Free Press, N4. 1995; J. Redwood. The Global Marketplace, L.: Harper Collins, 1993.

²³ B. Aksford. The Global System. Cambridge: Polity Press, 1995; D. Held. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge: Polity Press, 1995; см. также: Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч.; D. Goldblatt. Social Theory and the Environment. Cambridge: Polity Press, 1996; A. McGrew(ed). The Transformation of Democracy. Cambridge: Polity Press, 1997; J. Perraton. What are Global Markets? The Significance of Networks of Trade / R. Germain(ed). Globalization and its Critics Basingstoke. Macmillan, 1999; J. Rosenau. Government and Democracy in a Globalizing World // D. Archibugi, D. Held and M. Köler(ed), Re-imagining Political Community. Cambridge: Polity Press, 1998; A. Giddens. Beyond Left and Right. Cambridge: Polity Press, 1995.

²⁴ B. Axford. Op. cit (цит. по: Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч. С. 517).

²⁵ См.: Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ.соч. С. 13, 158 и т.д. Об этом же говорит по существу Н. James. The End of Globalization, Cambridge, M.A.,

Скептики. П. Хирст, Дж. Томпсон, Дж. Аллен, Р. Гилпин, К. Хартман²⁶, Н. Фергюссон и др. Глобализация – «миф». Фактически существуют три основных региональных блока, конфликт цивилизаций и маргинализация Юга. Власть национальных правительств остается неизменной и весьма сильной, интернационализация зависит от согласия и поддержки государств. Мир сегодня даже менее взаимозависим, чем в 90-х гг. XIX века.

«Антиглобалисты». Н. Хомский, Дж. Макчесни, А. Каллиникос, А. Бузгалов, П. Гован, Н. Кляйн²⁷ и др. Сам ярлык «антиглобализма» вполне можно уподобить «дурацкому» колпаку, который инквизиторы напяливали на еретиков перед их сожжением. Фактически же критика так называемых «антиглобалистов» направлена отнюдь не против объективного процесса глобализации, но против того, чтобы он проводился в корыстных интересах мегакапитала и против средств, которыми этот процесс управляется. Общим для этого движения является отнюдь не борьба против самого процесса глобализации, но сопротивление современной однобокой глобализации – «всеобщей товаризации и приватизации мира» (А. Каллиникос). При этом показательно, что сопротивление выражается *интернационально*, т.е. как раз глобально, хотя иногда и в форме уличных беспорядков.

Более точно т.н. «антиглобалисты» являются и называют себя *альтерглобалистами*. Диапазон и острота их критики весьма различны, к примеру от Норины Херц, которая не видит альтернативы капитализму, но недовольна его чрезмерной силой и влиянием на государство²⁸, и до британского политолога и философа А. Каллиникоса, исповедующего новую глобализацию в качестве экономической системы, зиждущейся на общественной собственности на основные производственные ресурсы, на демократическом планировании, что может быть достигнуто только посредством революционного преобразования²⁹.

1999, P. 2, 224 («Маятник медленно отходит от глобальности»).

²⁶ P. Hirst. The global economy myths and realities⁷ // International Affairs, 1997, 73; P. Hirst and J. Thompson. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996; J. Thompson and J. Allen. Think Global, then Think again: Economic Globalization in Context. 1997, Area, 29, no. 3; R. Gilpin. The Political Economy of International Relations. Princeton, University Press, 1987.

²⁷ Н. Хомский. Указ. соч.; Р.Дж. Макчесни. Указ. соч.; А. Каллиникос. Указ. соч.; P. Govan. The global Gamble. L., 1999; N. Klein. No Logo. Люди против брэндов. М., 2003.

²⁸ See: N Hertz, The Silent Takeover. L., 2001. С. 11.

²⁹ См.: А. Каллиникос. Указ. соч. С. 161 и далее.

III. Некоторые ориентиры

В порядке «творческого» отступления от темы глобализации нельзя, пожалуй, обойти и эпохального уникального социального феномена XX века. Несмотря на извращение по сути марксизма (хотя в чистом виде он вообще прагматически весьма сомнительно воплощаем), на чудовищные злодеяния большевистского режима с его «классовым» геноцидом русского народа; наперекор всему бессмысленному головоутиям, отбросившему на столетие назад эволюцию России, – «Великий эксперимент» построения некапиталистической, нерыночной, без частной собственности на средства производства, худо-бедно «плановой» экономики отнюдь не совершенно провалился. Напротив, показал, вопреки до нелепости неумелому руководству, необыкновенную живучесть. И пальма первенства в этом эксперименте, хоть и «со следами на глазах», но принадлежит нашему многострадальному народу. А опыт современного коммунистического Китая³⁰, руководство которого, преодолев и отбросив одиозно провальные большевистские методы, наглядно продемонстрировало всему миру, что авторитарная, но социально ориентированная власть, кроме застенков или лагерей смерти, может за считанные годы, не отказываясь от социалистических ориентиров, но используя рыночные рычаги, в разы повысить благосостояние населения огромной страны.

Можно, очевидно, сделать вывод, что рыночная экономика представляет собой реально наиболее эффективный мотор экономического прогресса. Важно, однако, кем и в чьих интересах используется этот мотор. На примере современного Китая видно, что мотор может успешно работать на пользу не только предпринимателей, но и целого социума страны. Этот же самый инструмент с не меньшим успехом, естественно, используется и Соединенными Штатами, причем и в широком понимаемых национальных интересах, однако в львиной доле – на пользу могущественных американских корпораций.

В глобальных же масштабах маховик свободного рынка ныне работает, увы, на увеличение судьбоносного разрыва между бедностью и богатством (или, во всяком случае, неэффективен в сокращении этого разрыва), на деградацию экологии, массовой культуры и т.п. Суть, возможно, даже не столько в противоречиях между капиталом и трудом,

³⁰ «Нынешний Китай – это не капиталистическое общество, – говорит современный классик китайской литературы Ван Мэн. – Власть и руководство партии играют в жизни государства решающую роль». («Время новостей». 22 декабря 2004 г.)

сколько между добром и злом³¹. Сказано: «не хлебом единым жить будет человек». Столь же непреходяще стремление к неограниченному обогащению (и к войне!), как и к социальной справедливости (и к миру!); последнее устремление звучит, в частности, и в марксизме, и в либерализме, и в религиях...

* * *

В виде вывода вслед за серьезными зарубежными исследователями надо отметить, что, несмотря на обширную и все растущую литературу, не существует ни убедительной теории глобализации, ни даже глубоко систематического анализа всех ее главных особенностей. Все же с учетом в самой общей форме изложенных выше оценок и перспектив глобализации представляется оправданным исходить из следующего.

Во-первых, современная управляемая глобализация, развивающаяся по рыночным неолиберальным лекалам, имеет следствием исключительно интенсивную интернационализацию торговли, производства и движения капиталов. Главный экономический и геополитический выигрыш от этого имели пока США, одержимые идеей построения глобального *Pax Americana*. В перспективе и Китай – пропорционально укреплению силы.

Во-вторых, для «человеческого измерения» характерны: вредоносное воздействие глобализации на последовательно прогрессирующий разрыв между богатством и бедностью, на обострение социального неравенства (особенно в глобальном плане между Севером и Югом), на интернационализацию и интенсификацию криминала. Глобализация губительно сказывается на окружающей среде. Миграция населения (в отличие от «миграции» товаров и капиталов) фактически, вопреки глобализационной логике, подавляется и ограничивается. В стороне от реальной глобализации остаются целые пласты цивилизации, особенно культура (кроме ее рыночной ипостаси), включая массовое образование и ликвидацию безграмотности. Более того, «растущий национализм и глобальные различия усиливают культурные различия и раздробленность мира»³².

³¹ Валерий Ковалев. Оптимальное развитие социума в условиях глобализации // Наука, культура, общество. 2005. № 1. С. 120–126. О базовом законе генетической дихотомичности человечества, о делении людей на эгоистов (капиталисты-эксплуататоры? – Г.В.) и альтруистов (работники-созидатели? – Г.В.).

³² Д. Хелд. Д. Гольдблатг, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч. С. 536.

В-третьих, учитывая параллельно с глобализацией протекающую регионализацию и даже далеко не преодоленный национализм, включая государственный, – перспективы и стабильный прогресс глобализации далеко не однозначны. Показателен прогноз группы английских ученых, сделанный в 1999 году. Наиболее вероятным представляется такой вариант развития: после сдвига в сторону более регулируемой формы глобализации переход к поверхностной глобализации (поскольку протекционизм, эксклюзивный регионализм и национализм одерживают верх), а затем – к более хищной форме неолиберальной экономической глобализации»³³. Увы, наблюдаемая агрессия главных глобализаторов и новые ее угрозы этот прогноз отчасти наглядно и с опережением оправдывают.

Наконец, в-четвертых, явственное воздействие управляемой глобализации на реальное многостороннее правотворчество в международном праве наблюдается только в сфере международной торговли, прежде всего промышленными товарами, а также в связанных с торговлей сферах защиты интеллектуальной собственности и инвестиций. Бурные глобализационные процессы в сфере трансферов капитала и интернационализации промышленности в основном остались, однако, вне многостороннего правового урегулирования. С крахом (1972 г.) Бреттон-Вудской системы валютные курсы, транснациональные трансферы капитала и т.д. на многостороннем международно-правовом уровне существенно не регулируются. Это же касается и сферы производства, международное сотрудничество в области которого осуществляется в основном транснациональными корпорациями. В условиях естественной заинтересованности государств в привлечении иностранных капиталов (долгосрочных, краткосрочных, инвестиционных, спекулятивных и т.п.) оказывается, видно, не востребованным развернутое международно-правовое обеспечение. Исключение составляют, пожалуй, прямые инвестиции, потребовавшие правовой защиты, что касается стран, где имеют место так называемые «некоммерческие» (политические) риски. Такая защита, причем сугубо в интересах инвесторов, осуществляется в рамках в основном двусторонних международных соглашений о поощрении и защите инвестиций (т.н. ВIT'ы – *bilateral investment treaties*), а также в относительно незначительной степени на базе Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (MIGA).

³³ Там же. С. 510.

IV. Неолиберализм как новое «вероучение» рыночной глобализации

Неолибералы «предлагают и даже требуют религиозную веру в непогрешимость неуправляемого рынка... альтернативы свободному рынку якобы нет... неолиберализм – это действительно «капитализм без перчаток». Он служит выражением эпохи, когда силы бизнеса стали могущественнее и агрессивнее, чем когда-либо прежде, и притом они встречаются с гораздо менее организованным сопротивлением... Как выразился неолиберальный гуру Милтон Фридман в своей книге «Капитализм и свобода», поскольку достижение прибыли есть сущность демократии, любое правительство, осуществляющее антирыночную политику, является антидемократическим...»³⁴.

Сакральность нового «вероучения», завоевавшего и многие ученые умы, действительно, впечатляюща: бог новой «религии» неолиберализма – Его Величество Капитал; храм – свободный рынок. Есть и свое «евангелие», откровенно излагающее догматы неолиберализма. Это так называемый «*Вашингтонский консенсус*», хотя консенсуса как такового формально нет. Словосочетание запущено было в оборот в 1990 году экономистом Джоном Вильямсоном для обозначения поистине «Вашингтонского», но лишь виртуального «консенсуса» великих мира сего – лиц, «принимающих решения» в отношении важнейших областей политики, т.н. «консенсуса» в неолиберальной программе, а по сути политики, проводимой США в большой степени через подконтрольные им международные учреждения в отношении более уязвимых сообществ. В самом сжатом виде суть «откровения»: либерализация цен и финансов, приватизация, дерегулизация экономики государством. (Прощай, достопочтенный Дж. М. Кейнс, «гвоздем» учения которого, нашедшего широкое признание в послевоенном мире, было утверждение, что стабильность капитализма зависит от государственного вмешательства в дело обеспечения занятости). В то же время исповедуются: финансово-бюджетная дисциплина с приоритетностью расходов на государственные нужды, либеральные налоговые реформы, обуздание инфляции; конкурентность валютных курсов; прямые иностранные инвестиции и «святая святых» – либерализация торговли³⁵.

³⁴ Р.Дж. Макчесни. Указ. соч. С. 11–12.

³⁵ См.: R. Broad and J. Cavanaugh. The Death of Washington Consensus in W. Bello et al., eds. Global Finance. 2000. P. 84; Н. Хомский. Указ. соч. С. 27–28; А. Каллиникос. Указ. соч. С. 9.

Но как выглядит в жизни эта торговая либерализация? Перефразируя Маяковского, поистине: кому бублик, а кому – дырка от бублика, это и есть мировая «неолиберальная республика»! Как считают наиболее трезвомыслящие зарубежные исследователи, преобладающая неолиберальная парадигма глобализации не столь безобидна, как полагают многие из ее самых горячих сторонников или критиков³⁶.

Впервые после окончания Второй мировой войны либерализация под флагом великой панацеи от всех бед – «свободной конкуренции» – стала стержнем Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), флаг этот и поныне развевается над ВТО. Между тем в действительности, свидетельствует профессор Н. Хомский, «конкуренция встречается на рынках довольно редко. Большая часть экономики контролируется огромными корпорациями, которые безраздельно господствуют на своих рынках»³⁷.

Под эгидой ГАТТ постепенно в интересах прежде всего главной послевоенной конкурентной силы – США, а затем и вместе с другими развитыми капиталистическими странами была во второй половине XX века осуществлена в рамках по сути всего капиталистического мира впечатляющая программа *правовой* либерализации импортных таможенных тарифов для *промышленных* (sic!) товаров. Средний уровень импортных пошлин на них с 1948 года к 1990-м годам был снижен в странах – участницах ГАТТ с 40% до менее 4% *ad valorem* (по стоимости). Однако изначально либерализация, провозглашаемая как всеобщее идеальное: *laissez faire, laissez passer* (свобода производить, свобода перевозить), получила весьма однобокий характер по следующей модели: страны бедные и слабые должны открыть свои рынки для промышленных товаров из богатых и сильных стран, а эти последние оставляют за собой право на протекционистскую защиту от аграрного, текстильного и т.п. возможного импорта из слабых стран. Мы называем такую модель либерализации *экстравертным либерализмом*, т.е. либерализмом, обращенным на либерализацию не собственного рынка, но зарубежного; иначе говоря, такая либерализация по своей сути есть особого рода протекционизм экспорта собственной продукции на иностранных рынках³⁸. Как пишет Н. Хомский, «...рыночная дисциплина для вас, но не для меня, за исключением тех случаев, когда «игровое

³⁶ См.: Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Указ. соч. С. 510.

³⁷ Н. Хомский. Указ. соч. С. 9.

³⁸ См. подробнее: Г.М. Вельяминов. Курс. С. 8–10.

поле» будет благоприятным для меня, что обычно бывает результатом широкомасштабного государственного вмешательства». Страстный поборник *laissez faire* Рейган на деле «...защитил американскую промышленность от конкуренции со стороны импортных товаров в большей степени, ...чем все его предшественники, вместе взятые»³⁹. Экономист Патрик Лоу «оценивает ограничительные последствия рейгановских мер как примерно в три раза превосходящие последствия аналогичных мер в других ведущих индустриальных странах»⁴⁰.

Можно задаться вопросом: почему же на такое *юридически* закрепленное неравное сотрудничество пошли более слабые и развивающиеся страны? Ответ прост: существует множество экономических и политических рычагов для этого. Очевидно, самый мягкий – угроза лишения кредитов, финансовой и гуманитарной помощи (хотя хорошо известно, что она в широких масштабах разворачивается верхушкой политической «элиты» многих получающих стран). «Долги развивающихся стран послужили рычагом для МВФ и МБРР, чтобы заставить правительства стран «третьего мира» в 1980-е годы принять неолиберальные программы «структурного регулирования», а крах коммунизма позволил США оказать регионам – преемникам в Восточной Европе и в бывшем СССР содействие в проведении «шоковой терапии»⁴¹. Добавим: в России, скорее, «шок без терапии». Мы и до сего дня не достигаем многих доперестроечных показателей.

А кроме того, лучше оставаться пусть и на вторых и третьих ролях участия в руководимых в основном США международных организациях (МВФ, МБРР, ГАТТ/ВТО и т.д.), нежели быть аутсайдерами или, того хуже, так называемыми странами-«изгоями».

Вот как предельно рельефно оценивает неолиберализм современный китайский историк Ван Хуэй: «...либеральная глобализация и «новая империя» – два различных на первый взгляд явления – формируют систему военных договоров, экономических объединений, международных политических институтов и вместе порождают мировой порядок, охватывающий политическую, экономическую, культурную и военную сферы. Этот порядок можно назвать «империей» или

³⁹ Н. Хомский. Указ. соч. С. 101–102.

⁴⁰ Patrick Low. *Trading Free*, Twentieth Century Fund, 1993 (цит. По: Ноам Хомский. Указ. соч. С. 102.)

⁴¹ W. Bello in W. Bello et al. *Dark Victory: The United States and World Poverty*. 2nd ed., L., 1999 (цит. по: Н. Хомский. Указ. соч. С. 10).

«неолиберальным империализмом». Такая оценка особо важна, учитывая, что никто уже не сомневается в том, что центр мировой политики XXI века будет располагаться в Азии. Но важно и то, что тот же Ван Хуэй утверждает, что «для жителей Азии современный национализм остается определяющим элементом национальной идеи»⁴². И это прямо относится к вопросу о перспективах глобализации.

V. Воздействие современной глобализации на международное экономическое право и ситуация России

Имея в виду сказанное выше как в отношении управляемой глобализации, так и ее концептуальной основы – *экстравертного неолиберализма*, можно *a priori* определить и вектор ее воздействия на международное экономическое право, а точнее, на его подотрасль – международное торговое право, в котором наиболее нагляден именно *правовой эффект* глобализации.

Столпом правового урегулирования международной торговли на сегодня остается структура ВТО и, главное, – комплекс действующих под ее эгидой свыше пятидесяти многосторонних соглашений, охватывающих в большей или меньшей мере весь спектр международной торговли.

Упорядочивающий и гармонизирующий правовой эффект этой системы несомненен. Это, с очевидностью, служило важным основанием усилий со стороны России по вступлению в ВТО. Само вступление России должно, очевидно, пониматься как осознание на государственном уровне полезности участия в этой организации. Определившись таким образом, следует полагать, российские правительственные структуры учитывали также и перспективы воздействия прогресса глобализации на развитие ВТО и ее правовой системы, в том числе и на Россию.

Что касается отечественной науки международного экономического права, мнения, однако, были изначально неоднозначны. Специально правовым аспектам деятельности ВТО посвящена монография С.А. Григоряна, который довольно пессимистично оценивал выгоды участия России в ВТО: «Нет оснований для априорных ожиданий, что вступление России в ВТО даже на относительно приемлемых условиях существенно поможет решить ее экономические проблемы. Возможно,

⁴² Газета «Время новостей». 22 сент. 2005 г.

наоборот»⁴³. Столь же скептически смотрит на дело и автор настоящих строк, видя место России в рамках торгово-финансовой глобализации и соответственно, что касается ВТО, в рядах «Юга»⁴⁴. С другой стороны, В.М. Шумилов весьма оптимистично прогнозировал как возникновение глобального экономического пространства, так и продолжение развития и укрепления права ВТО⁴⁵.

В связи с состоявшимся выбором России в пользу присоединения к ВТО, очевидно, уже неактуально искать подкрепление или опровержение этого выбора, в частности и в соответствующей научной апологии ВТО⁴⁶, хотя положительное сальдо эффекта для России от участия в этой организации далеко не безусловно положительно. Но это особая тема.

* * *

Самое же существенное – это уже отмеченная в самом начале этой статьи неравномерность динамики развития процессов глобализации. На конец XX века несомненно пришелся пик успехов торгово-финансовой глобализации, развивавшейся по лекалам неолиберальной парадигмы. Но столь же показательно, что уже и в то же самое время ведущие западные аналитики (Джеймс Гэлбрейт, Жак Сапир, Дороти Розенберг, Дэвид Котц и др.) недвусмысленно сигнализировали о кризисе, даже о провале неолиберального эксперимента в мировой экономике, об очевидном кризисе упомянутого выше «Вашингтонского консенсуса».

Ныне же речь уже прямо идет о том, что мир, похоже, стал свидетелем начавшегося процесса деглобализации. «Теперь мы знаем, что глобализация не является необратимой»⁴⁷. Еще симптоматичнее это

⁴³ С.А. Григорян. Всемирная торговая организация и интересы России. Международно-правовые аспекты. М.: Международные отношения, 2000. С. 221.

⁴⁴ См.: Г.М. Вельяминов. Курс. С. 33. Об этом же говорит и известный американский политолог профессор И. Валлерстайн из Йельского университета США: «Если России все же удастся вступить в ВТО, то ее место будет в так называемой большой двадцатке» – вместе с наиболее продвинутыми развивающимися странами – Индия, ЮАР, Бразилия, Китай и др. («Время новостей». 8 июня 2005 г.).

⁴⁵ См.: В.М. Шумилов. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М.: Международные отношения, 2003. С. 216–217.

⁴⁶ Самый, на наш взгляд, авторитетный американский правовой исследователь и апологет ВТО: John H. Jackson. *The World Trading System. Law and Policy of International Economic Relations*. MIT Press. Cambridge, Mass., London. England, 1999 и др. его работы.

⁴⁷ Мартин Гилман. Если они не договорятся // «Московские новости», 10 окт. 2011 г.

же иллюстрируется разразившимся в 2008 году *глобальным* кризисом с его неопределенным во времени вялотекущим спадом на грани новых катаклизмов. Очень показательно и то, что «все больше американцев выступают за выход США из ВТО»⁴⁸. Дух изоляционизма возвращается в Америку! Для прогресса глобализации не очень перспективно...

Библиографический список

Ван Мэн. Власть и руководство партии играют в жизни государства решающую роль». («Время новостей», 22 декабря 2004 г.)

Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс). М. 2004.

Вельяминов Г.М. Соотношение международного права и международного частного права // Московский журнал международного права. 2005, № 1.

Гилман, Мартин. Если они не договорятся // «Московские новости», 10.10.2011.

Григорян С.А. Всемирная торговая организация и интересы России. Международно-правовые аспекты. М.. «Международные отношения», 2000 г.

Алекс Каллиникос. Антикапиталистический манифест (пер. с англ.). Праксис, М., 2005.

Дж. Кеннан. «Время новостей», 21 марта 2005 г.

Валерий Ковалев. Оптимальное развитие социума в условиях глобализации // «Наука, культура, общество» 2005, № 1.

Коммюнике глав государств и правительств «Группы 8-ми» (1999 г.) Дипломатический вестник, 1999, № 7.

Джоэл Крамер и Диана Олстед. Маски авторитарности (пер. с англ.). Прогресс-Традиция, М., 2002.

Кривогуз И.М. Трансформации стран Северо-Атлантического региона. М., 2002.

Лукашук И.И. Глобализация, государство и право, XXI век. Спарк. М., 2000.

Роберт Дж. Макчесни. В кн. Ноам Хомский. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок (пер. с англ.). Праксис, М., 2002.

Права человека и процессы глобализации современного мира. Отв. ред. Е.А. Лукашова. Норма, М., 2005.

Роберт Райт. Новая перестройка// «Московские новости», 05.12.2011.

⁴⁸ Роберт Райт. Новая перестройка//«Московские новости», 05.12.2011.

- Тункин Г.И. Теория международного права. М, 1970.
- Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя (пер. с англ). Праксис, М, 2004.
- Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура (пер. с англ). Праксис, М., 2004.
- Ноам Хомский. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок (пер. с англ.). Праксис, М., 2002.
- Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М., Международные отношения, 2003 г. с. 216-217.
- B. Aksford. The Global System. Cambridge: Polity Press, 1995.
- W. Bello in W.Bello et al. «Dark Victory: The United States and World Poverty», 2nd ed., L., 1999.
- R. Broad and J. Cavanaugh. The Death of Washington Consensus in W. Bello et al., eds. Global Finance. 2000.
- A.Giddens. Beyond Left and Right. Cambridge: Polity Press, 1995.
- R. Gilpin. The Political Economy of International Relations. Princeton, University Press, 1987.
- D. Goldblatt. Social Theory and the Environment. Cambridge: Polity Press, 1996.
- P. Govan. The Global Gamble. L., 1999.
- D. Held. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge: Polity Press, 1995
- N. Hertz, The Silent Takeover. L., 2001.
- P. Hirst. «The global economy myths and realities»/International Affairs, 1997.
- P. Hirst and J. Thompson. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996.
- John H. Jackson. The World Trading System. Law and Policy of International Economic Relations. MIT Press. Cambridge, Mass., London. England, 1999.
- H. James. The End of Globalization, Cambridge, M.A., 1999.
- N. Klein. No Logo. Люди против брэндов. М. 2003.
- Patrick Low. Trading Free, Twentieth Century Fund, 1993.
- A. Mc.Grew(ed). The Transformation of Democracy. Cambridge: Polity Press, 1997.

Peter Melanczuk «Globalization and the Future Role of Sovereign States» in *International Economic Law with a Human Face*. Ed. by F. Weiss, E. Denters and P. de Waart. Kluwer Law International. The Hague/Dordrecht/London, 1998.

K. Ohmae. *The End of the Nation State*//Free Press, N 4, 1995.

J. Perraton. «What are Global Markets? The Significance of Networks of Trade», in R. Germain (ed). *Globalization and its Critics* Basingstoke. Macmillan, 1999.

The Pocket Companion, N.Y. 1940.

J. Redwood. *The Global Marketplace*, L.,Harper Collins. 1993.

J.Rosenau. “Government and Democracy in a Globalizing World”, in D. Archibugi, D. Held and M. Köler (ed), *Re–imaging Political Community*. Cambridge: Polity Press, 1998.

J. Thompson and J. Allen. “Think Global, then Think again: Economic Globalization in Context”. 1997, *Area*, 29,no. 3.

Y. Sakamoto. *Global Transformation*, Tokyo, 1994.

C. Sommaragua. *Time for Humanitarians to Get Business Involved*// *International Herald Tribune*, 1999. Nov. 16.

World Investment Report UN; N.Y., 1997.

Globalization: Essence and Dynamics (Summary)

*Georgy M. Velyaminov**

First of all the globalization is a social, economic and political phenomenon. It is a planetary (global) oriented universal expansion of individuals, collectives, states, international bodies etc. within the spheres of trade, financial flows, enterprises, communications, informatics, science, technology, culture, religion, criminality etc. It is legally and internationally regulated mostly only within the sphere of trade – WTO. One of the main characteristics of globalization is its obvious inconstancy. The peak of a morient phase of globalization was the end of 20th century. Now it is estimated to be on decline.

Keywords: Globalization; Pax Americana; World economy; Antiglobalism; International Law regulation of trade globalization.

* Georgy M. Velyaminov – Doctor of Laws, professor, leading researcher of the Institute of State and law, Russian Academy of Sciences; arbitrator of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation.

Субъекты международного права

Гуреев С.А.*

В статье обсуждаются актуальные теоретические и практические аспекты расширения круга субъектов международного права, характеризуются основные и производные (вторичные) субъекты международного права. Особое внимание уделено правосубъектности Европейского союза, который, по мнению автора, перерос рамки только международной организации и все больше выступает как единый субъект международного права *suī generis*.

Ключевые слова: субъекты международного права; государство; международные организации; Европейский союз.

Субъектами современного международного права являются:

- 1) государства;
- 2) межправительственные (межгосударственные) организации;
- 3) нации и народы, борющиеся за свою независимость (при определенных условиях);
- 4) государственно-подобные образования.

Отметим свойства субъектов международного права, общие для всех них:

– они не находятся под чьей-либо юрисдикцией и являются независимыми от других субъектов международного права;

– обладают комплексом прав и обязанностей, установленных для них международным правом, и несут в необходимых случаях международно-правовую ответственность;

– обладают способностью к самостоятельным международным действиям, в том числе устанавливать дипломатические или сходные с ними отношения, а также создавать нормы права путем участия в работе международных конференций и международных организаций.

Государство как субъект международного права

Основным субъектом международного права является государство, которое обладает в силу своего суверенитета всей полнотой власти на определенной территории. Признавая попытки некоторых

* Гуреев Сергей Александрович – д.ю.н., действительный член Международной академии наук высшей школы.

представителей доктрины расширить в современных условиях круг субъектов международного права, французский юрист-международник П.М. Депюи утверждает, что привилегия основного субъекта международного права безоговорочно сохраняется за государством¹. Государственный суверенитет означает территориальное верховенство государства и его независимость в международных делах. Так, в российской Конституции 1993 г. провозглашается суверенитет Российской Федерации на всей ее территории (п. 1 ст. 4). В п. «К» ст. 71 указано, что в ведении России находятся ее внешняя политика и международные отношения, международные договоры и вопросы войны и мира.

Вслед за суверенитетом такими признаками являются: постоянное население, определенное территорией независимо от размеров государства; правительство как система органов государственного управления, которые осуществляют достаточно эффективный контроль за управлением и представляют государство на международной арене; способность вступать в международные отношения, посредством которых государство осуществляет свои права и обязанности.

Вступая в межправительственные организации, государства передают им часть своих прав. Все государства, участвующие в международных отношениях, имеют следующие права:

- право на независимость от других субъектов международного права при осуществлении своих функций в международных отношениях;
- право вступать в международные отношения с другими субъектами международного права, в том числе дипломатические, консульские, экономические, иметь представительства при международных организациях, членами которых они являются;
- право создавать нормы международного права путем участия в международных конференциях и в международных организациях при подготовке и заключении международных договоров;
- право быть членом открытых международных организаций;
- право защищать свою правосубъектность и применять санкции к нарушителям международного права в соответствии с Уставом ООН, в том числе на коллективную и индивидуальную самооборону в случае вооруженного нападения.

Основные обязанности государств предусмотрены в Уставе ООН: не применять силу и не угрожать силой другим государствам; – не вмешиваться в дела других государств и т.д.

¹ Depuy P.M. Droit International Public. Dalloz, 2005. P. 29.

Институт международного правового признания сложился на основе международно-правовых обычаев. Признание вновь возникшего государства – это, как правило, добровольный акт другого государства. Единой формы признания нет. Признание может быть выражено путем передачи по дипломатическим каналам соответствующего решения компетентного органа, направления послания новому субъекту международного права. Признание может быть выражено также путем сообщения о готовности установить с другим государством дипломатические отношения. Согласно декларативной теории, которой мы придерживаемся, признание лишь констатирует факт возникновения нового государства и не влияет на его международную правосубъектность.

В соответствии с конститутивной теорией государство возникает как субъект международного права лишь с момента его признания другим государством. Такое решение вопроса означает, что вопрос о признании ставится в зависимость от других государств в нарушение принципа суверенного равенства государств.

Однако нельзя недооценивать значения признания, поскольку оно позволяет признаваемому государству реализовать свою международную правосубъектность в более полном объеме, вступать в международные организации. Существуют две формы международного признания: 1) фактическое (*de facto*) и 2) *de jure* (юридическое). Первая форма предполагает неполное признание (например, установление только торговых или консульских отношений), а вторая – полное признание (включая установление дипломатических отношений между двумя государствами).

Полагаем, что с позиций международного права не имеет значения проводимое некоторыми авторами различие между сложными государствами, к которым они относят федеративные государства, и простыми – унитарными² государствами. Это различие имеет принципиальное значение с точки зрения конституционного права, но не международного, поскольку субъектом международного права является, как общее правило, само федеративное государство в лице его органов власти и управления, а не субъекты федеративных государств. Что касается России, то ошибочным является, по нашему мнению, провозглашение в 1917–1918 гг. на территории Российской империи вместо унитарного и централизованного государства «особого рода» федерации – СССР,

² См., например: Международное право: Учебник. М., Юридическая литература, 2005. С. 79–80; Международное право. М., 2009 С. 123–131.

а также создание в составе РСФСР автономных республик. Это послужило, на наш взгляд, в дальнейшем основной причиной сепаратистских движений в некоторых республиках Российской Федерации в период распада СССР, грозивших разрушением единого государства. Некоторые националистически настроенные слои республик в составе России выражали намерение создать фактически конфедерацию вместо федерации, что создавало угрозу национальной безопасности России. Такая ситуация была сочувственно воспринята на Западе.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что во внутривластной сфере национальные интересы России состоят, в частности, в сохранении ее территориальной целостности и единства ее правового пространства. Активную роль в процессе приведения отдельных положений конституции республик в составе России в соответствие с федеральной конституцией России сыграли выводы и предложения российских юристов, специализирующихся в области международного и конституционного права³.

Большой вклад в процесс приведения положений конституции республик в соответствие с Конституцией 1993 г. внесли Конституционный суд и Генеральная прокуратура России. Так, в Определении от 27 июня 2000 г. Конституционный суд России, рассмотрев первоначальный текст Конституции Республики Татарстан, установил, что фундаментальные ее положения придают ей статус субъекта международного права и суверенного государства и основаны на суверенитете республики, которого у нее нет, и поэтому они утрачивают силу и не подлежат применению судами и другими органами.

В Определении Конституционного суда РФ (от 19 апреля 2001 г.) было установлено, что ряд положений конституций республик, признанных утратившими силу, продолжают действовать. Поэтому можно констатировать, что процесс приведения республиканских конституций в соответствие с положениями Федеральной конституции затянулся на многие годы и не завершен до настоящего времени.

Свою лепту в разъяснение статуса субъектов Российской Федерации внес российский законодатель в принятом Федеральном законе № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических

³ См., например: Чиркин В.Е. Государственная власть субъекта Российской Федерации // Государство и право. 2000. №10. С. 9–10; Гуреев С.А. Процесс строительства правового государства в России и международное право // Право и политика. 2002. С. 52–60.

связей субъектов Российской Федерации»⁴. В Законе предусматривается, что субъект Российской Федерации вправе устанавливать такие связи, как общее правило, только с субъектами иностранных федеративных государств или административно-территориальными образованиями других государств. Заключаемые ими соглашения согласно Закону независимо от формы, наименования или содержания не являются международными и не регулируются нормами международного права. Открытые некоторыми республиками в составе Российской Федерации представительства в зарубежных странах не являются согласно Закону дипломатическими.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что республики в составе Российской Федерации не являются государствами и субъектами международного права, и поэтому следует исключить из п. 2 ст. 5 Конституции России указание на то, что республики в составе Российской Федерации являются государствами. Основанием для такого предложения является, во-первых, п. 4 той же статьи, в котором прямо предусматривается, что во взаимоотношениях с федеральными органами власти все субъекты Российской Федерации являются равноправными; во-вторых, то, что указанное положение противоречит в целом всему содержанию Конституции 1993 г., и в частности ст. 73 в которой предусматривается следующее: «Вне пределов ведения Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Очевидно, что термин «вся полнота государственной власти» не равнозначен термину «суверенитет». И прискорбно, что это различие не всегда усматривается (отмечается, например, что в ст. 73 нашла закрепление формула политического государственного суверенитета с указанными в ней ограничениями⁵). В некоторых публикациях авторов вместо признания факта – отсутствия у республик в составе России, как и в других федерациях, государственного статуса – предпринимаются попытки признать *их государствами, не обладающими независимостью*⁶, либо классифицировать их в качестве субъектов федерации и государственных образований, обладающих всеми признаками го-

⁴ См.: «Российская газета», 1999 г., 16 января.

⁵ См.: Единая конституционная система Российской Федерации. Издание Государственной Думы России. М., 1994. С. 55.

⁶ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 92.

сударственной власти за исключением суверенитета⁷. В современную эпоху нет в мире государств с ограниченным суверенитетом, колоний, протекторатов, вассальных государств, характерных для феодальных времен. Еще в середине XX в. была разрушена система колоний и зависимых территорий. Поэтому невозможно представить себе государство, не обладающее суверенитетом над определенной территорией с проживающим на ней населением, как и государство с различной степенью независимости.

Заслуживают внимания и некоторые другие выдвинутые в российской доктрине предложения, в частности о сокращении общего числа субъектов Российской Федерации, а также о полном фактическом уравнивании статуса республик и статуса других субъектов.

Однако в Конституции Татарстана (с учетом последней редакции от 14 марта 2005 г.) провозглашается, что эта республика является демократическим правовым государством, *объединенным с Россией федеральной Конституцией Татарстана* и двусторонними договорами о разграничении предметов ведения и взаимного делегирования полномочий между органами государственной власти России и Татарстана. Совершенно очевидно, что эта формулировка, мягко говоря, является весьма неудачной. Известно, что Татарстан, согласно Конституции РФ, является одним из субъектов этой Федерации. Об этом, кстати, ничего не сказано в Конституции Татарстана.

Вопреки положению п.п. «к» ст. 71 Конституции РФ о том, что внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, ее международные договоры, вопросы войны и мира относятся к ведению Федерации, в ст. 15 Конституции Башкортостана указано, что Республика Башкортостан в соответствии с федеральным законодательством может участвовать в деятельности международных организаций, заключать договоры и соглашения с *органами власти иностранных государств*. Вопреки этим положениям в международных организациях вправе участвовать только субъекты международного права. Субъекты федеративных государств не вправе заключать такие международные договоры с иностранными государствами, поскольку эти вопросы отнесены к ведению Российской Федерации.

Субъектами международного права были штаты – члены конфедерации США и кантоны Швейцарии (до 1948 г.). Государства, входившие в конфедерацию, не создавали единой государственной территории.

⁷ См.: Основы государства и права: Учебное пособие / Под ред. С.А. Комарова. М., 1996.

Члены конфедерации могут создавать лишь координирующие органы по отдельным согласованным ими вопросам. Конфедерация – союз государств, созданный на временной основе, который, как показывает практика, либо распадается на отдельные самостоятельные государства, либо преобразуется в федерацию, т.е. в федеративное государство. Так, хотя Швейцария сохранила свое название «Швейцарская конфедерация», фактически она является федеративным государством.

Нации, борющиеся за свою независимость

При соблюдении определенных условий субъектами международного права могут быть признаны нации, борющиеся за свою независимость, которые иногда называют в международно-правовой литературе нациями, находящимися в «колониальной зависимости, но борющимися за независимость и создание суверенного государства». Это последнее определение, на наш взгляд, неудачно в современных условиях международной обстановки по той причине, что в середине XX в. большинство колоний получило в результате национально-освободительной борьбы независимость от бывших метрополий. Однако это, конечно, не означает того, что в настоящее время и в будущем не будут возникать новые государства, которые провозгласят себя независимыми.

В Устав ООН включена глава XI «Декларация в отношении самоуправляющихся территорий», а также глава XII «Международная система опеки», согласно которой ООН создает под своим руководством систему для управления территориями, которые могут быть включены в нее на основании соглашений. Так, в 1994 г. прекратило свое действие последнее соглашение об опеке США над островами Палау в Тихом океане. Вопросы о признании независимости в настоящее время ставят не колонии, а нации и народы, имевшие в прошлом государственность на территориях их постоянного проживания, но в дальнейшем по различным основаниям утратившие ее. К ним относятся, в частности, южноосетинский и абхазский народы, пережившие угнетение со стороны грузинского большинства в период включения их в состав меньшевистской Грузии после революции 1917 г., а затем в советский период, когда они были включены в состав Грузинской Советской Социалистической Республики на правах «автономных» образований.

Условием для признания наций и народов, борющихся за свою независимость, следует считать: создание народами, борющимися за свою

независимость, единых органов такой борьбы (центров борьбы и военных органов), осуществляющих эффективный контроль и управление на определенной территории, соблюдающих в ходе борьбы нормы международного права и представляющих свои народы на международной арене.

В качестве еще одного примера можно назвать арабский народ Палестины, представленный на международной арене Организацией освобождения Палестины (ООП – Палестинской национальной администрацией). ООП – участница многих международных конференций, широко признаваемая субъектом международного права.

Правомерность признания народа, борющегося за независимость, основана на провозглашенном в Уставе ООН принципе международного права – права наций на самоопределение. Согласно ст. 1 своего Устава Организация Объединенных Наций преследует, в частности, цель развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов. На этот принцип имеется ссылка в ст. 55 Устава ООН, а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и во многих резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Как показывает международная практика, рассматриваемый принцип международного права характеризуется многовариантностью своей реализации, достигая такого уровня, как создание государства.

В упомянутом курсе П.М. Депоу лишь кратко упоминаются национальные движения наряду с многонациональными предприятиями, неправительственными международными организациями, о которых сказано, что они обладают некоторыми качествами субъектов международного права⁸. С такой позицией трудно согласиться, поскольку ТНК и неправительственные международные организации неправомерно приравниваются к национально-освободительным движениям, которые в отличие от первых двух могут быть признаны субъектами международного права при определенных условиях.

Международные (межправительственные) организации

Производными, или вторичными, субъектами международного права являются межправительственные организации. Основное их отличие от государств – субъектов международного права заключается в том, что их международная правосубъектность является договорной,

⁸ См.: Р.М. Депоу. *Op. cit.* P. 29.

или уставной, т.е. она определяется их уставами или другими учредительными документами, в отличие от правосубъектности государств, являющейся универсальной, поскольку она вытекает из их суверенитета. Поэтому международная организация вправе заключать международные договоры или вступать в международные отношения со всеми субъектами международного права лишь в рамках ее компетенции, установленной ее учредительными документами.

Производный характер такой международной правосубъектности определяется тем, что она создается самими государствами, как правило, путем заключения договора особого рода – уставом, статутом, регламентом или другим уставным актом либо резолюцией другой международной организации. В случае если такая организация приобретает черты, обязательные для всех организаций подобного рода она может быть признана межправительственной. Так возникла, например, в 1963–1964 гг. Конференция ООН о торговле и развитии (ЮНКТАД). Однако наделение межправительственных организаций международной правосубъектностью, существенно повысившей эффективность их деятельности, произошло впервые в 1926 г., когда в соглашении со Швейцарией было признано право Лиги Наций заключать международные договоры.

Международная правосубъектность ООН была подтверждена в Консультативном заключении Международного Суда ООН от 11 апреля 1949 г. о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН, а также в Конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1985 г.

Термин «международная организация» может применяться как к межправительственным, так и к неправительственным международным организациям, хотя их правовой статус неодинаков по существу. Субъектами международного права являются только международные межправительственные организации (ММПО), которые представляет собой объединения нескольких государств, созданные в соответствии с международным правом на основе, как правило, международного договора для осуществления определенных целей, имеющие постоянные органы, обладающие международной договорной (уставной) правосубъектностью и автономной волей, отличной от воли каждого из ее членов.

Основными признаками межправительственной организации являются:

– членство в них, как правило, государств (в некоторых специализированных учреждениях ООН участвуют также самоуправляющиеся территории – Фарерские острова, Британские Виргинские острова – которые рассматриваются не как полноправные члены этих организаций, а лишь как ассоциированные члены. Они не подписывают учредительные договоры, не могут быть избранными в органы этих учреждений, не участвуют в голосованиях. Полноправными членами в некоторых международных организациях являются, например, Продовольственная и сельскохозяйственная организация и Организация экономического сотрудничества и развития);

– соответствие деятельности международной организации основным принципам и нормам международного права и ее возникновение, как правило, на основании международного договора;

– четко определенные цели создания международной организации и вопросов, которые государства-члены передают ей для организации сотрудничества в определенных областях;

– наличие у международных организаций постоянных органов: высших (ассамблея, конференция), исполнительных органов (как правило, Совет), административных (секретариат во главе с генеральным секретарем, комитеты, комиссии);

– международная правосубъектность, объединяющая в себе правоспособность и дееспособность и право организации разрабатывать различные документы. Решения, принимаемые высшими органами ММПО, – это правила, которые имеют рекомендательный характер. В них отражается автономная воля международной организации, отличная от воли каждого государства-члена.

Международные неправительственные организации не являются субъектами международного права, поскольку в них участвуют не государства, а юридические лица (общественные организации) различных государств. Поэтому они являются субъектами внутреннего права государства, в котором они зарегистрированы, или государства, в котором находится главный орган неправительственной международной организации. Предоставление консультативного статуса некоторым неправительственным международным организациям в ООН не дает оснований для признания их субъектами международного права.

Имеются случаи, когда неправительственные международные организации преобразовывались в межправительственные организации. Так, Интерпол возник вначале в качестве международной

неправительственной организации – Международной комиссии уголовной полиции (Вена, 1923 г.), которая в 1949 г. получила консультативный статус при ЭКОСОС ООН, а в 1982 г. – статус межправительственной организации. Международный Комитет Красного Креста (МККК) приближается по статусу к международной неправительственной организации. По мнению некоторых авторов, в дальнейшем целесообразно рассмотреть вопрос о преобразовании МККК в межправительственную организацию в связи с выполнением им большой и важной работы, особенно во время вооруженных конфликтов.

Проблема международной правосубъектности государственно-подобных образований

В историческом прошлом субъектами международного права признавались «вольные города», входившие в Ганзейский союз, а также Данциг, Краков (в XIX в.) Западный Берлин (в XX в.). В настоящее время к таким образованиям многие авторы относят город-государство Ватикан и Мальтийский орден (полное его название – Суверенный военный орден св. Иоанна Иерусалимского, Родосского и Мальтийского). Формирование Ватикана как субъекта международного права имеет свою историю. Известно, что одним из постулатов Римско-католической церкви является не содержащееся в христианском вероучении, в том числе в Евангелиях, положение о том, что Иисус Христос пришел на землю якобы не только как духовный царь, на что справедливо указывают православные церкви, но и как земной. Поэтому Римско-католическая церковь всегда претендовала не только на большие богатства, но и на признание за ней четко определенной земной территории, а также признание римского папы наместником бога на земле. Такой территорией до объединения Италии в 1870 г. была Папская область. Будучи не способной смириться с ее утратой в ходе объединения Италии, Святейший престол добивался восстановления своей земной территории, и эта задача была им решена в 1929 г., когда итальянское правительство, руководимое Б. Муссолини, в Латеранском договоре признало за папским престолом право на небольшую территорию (несколько десятков гектаров) в пределах Рима – город Ватикан. И именно он может рассматриваться в определенной степени как субъект международного права. Притязание Святейшего престола на единое наместничество (представительство) на земле римского папы было и остается до сих пор одним из фундаментальных положений,

с которым также не согласна Русская православная церковь и другие православные церкви.

Можно сделать следующие выводы в отношении признания международной правосубъектности Ватикана:

– Ватикан не обладает основными признаками государства, поскольку вряд ли 30 с небольшим гектаров земли в Риме можно рассматривать как «государственную территорию». В Ватикане нет постоянно проживающего населения. Находящиеся здесь лица, выполняющие определенные функции, имеют гражданство соответствующих государств;

– Ватикан, не претендующий на статус государства, может условно рассматриваться как «государственно-подобное образование». Это подтверждается сложившейся международной практикой: Ватикан – участник многих универсальных международных договоров, особенно в области защиты прав человека, член некоторых специализированных учреждений ООН (МОТ, ФАО, ЮНЕСКО и др.); имеет статус наблюдателя в ООН и дипломатические отношения со многими государствами;

– в то же время следует признать, что международная правосубъектность Ватикана в связи с его спецификой имеет ограниченный характер.

Еще большим анахронизмом является упомянутый Мальтийский орден. Само его полное название свидетельствует о том, что Орден обладал в прошлом территориями, однако окончательно утратил их после изгнания его с последней территории войсками Наполеона Бонапарта.

В российской доктрине нет единого мнения по вопросу о международной правосубъектности Мальтийского ордена: одни авторы отрицают, а другие признают его, но с большими оговорками. В пользу признания Мальтийского ордена субъектом международного права можно сослаться на дипломатические отношения Ордена со многими государствами и на признание дипломатического иммунитета штаб-квартиры Ордена в Риме и личных привилегий и дипломатических иммунитетов Великого Магистра Ордена.

Проблема международной правосубъектности индивидов и юридических лиц

В российской и зарубежной литературе обсуждается вопрос о международной правосубъектности индивидов и юридических лиц. Некоторые авторы пытаются обосновать тезис о расширении круга субъектов международного права в современных условиях путем включения

в их число неправительственных международных организаций, транснациональных компаний (ТНК) и индивидов. Отмечается что в XXI в. (т.е. уже в настоящее время. – С.Г.) расширен объем правосубъектности индивидов и будет признана правосубъектность других коллективных образований⁹. С этим утверждением трудно согласиться, поскольку у всех указанных образований отсутствуют вышеназванные признаки субъектов международного права.

Что касается ТНК, то эти хозяйствующие субъекты, пытающиеся повысить свой уровень в силу их экономической мощи и значительной доли участия в международных частноправовых экономических отношениях, также не обладают признаками субъекта международного права и представляют собой с правовой точки зрения субъектов внутригосударственного права государства, в котором зарегистрированы ТНК или находятся их главные органы. Эти государства и регулируют их деятельность на своих территориях¹⁰.

В зарубежной литературе довольно осторожно подходят к обоснованию международной правосубъектности индивидов, пытаются более детально разобраться с этой проблемой и вообще с понятием «субъект международного права»¹¹. Так, во французском курсе международного права отмечается, что в настоящее время наблюдается существенная эволюция в отношении признания определенной международной правосубъектности индивидов – физических лиц, что является якобы важнейшей чертой современного международного права. Одновременно делается вывод о том, что индивиды приобрели фундаментальные, но в основном специфические права лишь в ограниченной сфере, в частности в случае согласия государства-участника предоставлять своим гражданам право обращаться с жалобой на нарушение их прав человека в международные инстанции: (например, в Европейский суд по правам человека и др.). По мнению П.М. Депои, речь идет о значительном феномене, который является центром тяжести всей международной юридической системы. В этом случае не только сами государства, но и физические лица получили в международных судебных учреждениях право требовать соблюдения их прав. Следует, однако, обратить внимание на справедливую и объективную оценку

⁹ См., например: Международное публичное право / Под. ред. К.А. Бекяшева. М., 1999. С. 106.

¹⁰ См.: Международное право: Учебник / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 135.

¹¹ См.: Depeu P.M. Op.cit. P. 28–30.

французским ученым положений о возможности обращения граждан в Европейский суд по правам человека. По его мнению, эти положения не получили универсального признания в общем международном праве и являются лишь региональными нормами, действующими в Совете Европы и Организации американских государств. Французский юрист-международник включил в свой курс (часть I: «Субъекты международного права»): государство (гл. 1); «Право международных организаций» (гл. 2); индивиды в области защиты прав человека (гл. 3). Он оговаривается, правда, что «можно говорить лишь осторожно о правосубъектности индивидов в международном праве». С другой стороны, П.М. Депюи справедливо считает важным и новым фактором положения о международной уголовной ответственности индивидов, виновных в совершении таких преступлений, как агрессия, геноцид, грубые нарушения законов и обычаев ведения военных действий, применимых к вооруженным конфликтам и преступлениям против человечности.

Приводимые некоторыми авторами аргументы в пользу признания международной правосубъектности в рассмотренных случаях недостаточны, на наш взгляд, по тем же причинам, на которые мы ссылались раньше: индивиды и юридические лица не могут быть приравнены по их статусу к четырем видам субъектов международного права. Однако следует прислушаться к мнению П.М. Депюи, который указал на то, что целесообразно говорить, с одной стороны, о качествах субъекта международного права, а с другой – об «актерах», т.е. действующих лицах в международных отношениях, которыми можно было бы считать, например, и неправительственные международные организации, и индивидов как носителей определенных прав и обязанностей и субъектов ответственности в международных отношениях (например, преступники, совершившие тяжкие военные международные преступления либо преступления против мира и человечности). Однако носителями таких прав, обязанностей и ответственности в аспекте международного публичного права не могут быть ТНК, которые несут только частноправовую материальную ответственность за причиненный их действиями ущерб на основании норм национального права соответствующего государства.

Что же касается прав человека в аспекте их международной защиты, то необходимо, по мнению П.М. Депюи, помнить о том, что индивид традиционно занимает подчиненное в классическом международном

праве место. Основная защита прав индивидов должна исходить от государства его гражданства или основного местопребывания с учетом, конечно, международных конвенций, посвященных правовому положению индивидов (конвенции о правовом положении женщины, замужней женщины, ребенка и др.). Личность – это в значительной степени не субъект, согласно этим конвенциям, а объект, т.е. то, на что направлено международно-правовое регулирование с целью создания единого образного правового режима.

Европейский союз – субъект международного права *sui generis*

На основе рассмотрения истории возникновения и функционирования Европейского союза можно отметить, что в официальных документах о создании Европейского союза нет прямых указаний на его правовую природу. Однако представляется очевидным, что эту интеграционную группировку, состоящую ныне из 27 европейских государств, можно безусловно квалифицировать как международную, межгосударственную организацию¹². Об этом свидетельствует тот факт, что предшественники Европейского союза – Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЭЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом), как и Европейский союз, возникли на основании следующих международных договоров, учредивших эти международные организации, соответственно: Парижского договора от 10 августа 1952 г., Римских договоров от 25 марта 1957 г. и Договора о Европейском союзе 1991 г. (вступил в силу 1 ноября 1993 г.). В настоящее время это Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.), который вступил в силу с 1 января 2010 г. С момента вступления в силу Маастрихтского договора о Европейском союзе, объединившем три сообщества в Европейский союз с едиными институтами, был сделан шаг в направлении экономического и валютного союза и введения единого европейского гражданства.

Европейский союз выполняет поставленные перед собой задачи главным образом путем проведения общей политики во все более возрастающем количестве областей (сельское хозяйство, рыболовство, транспорт, окружающая среда, внешняя торговля, координация экономической политики, региональная политика, таможенная политика,

¹² См.: Европейский союз – ваш сосед. Европейская комиссия. 1995.

обеспечение безопасности, разработка долгосрочной политики в области обороны, взаимодействие в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, разоружение и контроль за ним, нераспространение ядерного оружия). Согласование общей политики ведет к передаче Европейскому союзу государствами-членами части их суверенитета по многим важным вопросам.

Следует отметить, что в отличие от других международных организаций Европейский союз создан на основании договоров, предписывающих обязательный или рекомендательный характер актов, принятых Советом ЕС. Положения учредительных договоров и принятых на их основе актов включаются в национальное законодательство государств-членов¹³. Как и другие международные организации, Евросоюз имеет четко установленную структуру главных органов (институтов): Совет (министров), Европейская комиссия, Европейский парламент, Суд Европейского союза, Европейский совет, Счетная палата, Европейский центральный банк.

Европейский союз, по нашему мнению, перерос рамки только международной организации. Практика показывает, что он все больше выступает не как международная организация, а как единый субъект международного права *sui generis* по вопросам согласованной общей политики. Поэтому Европейский союз нередко является участником международных отношений и международных договоров, заменяющим отдельные государства-члены. В соответствии с Ломейской конвенцией Европейский союз заключил международные соглашения об оказании помощи и торговле с большим числом стран Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона. ЕС установил и поддерживает отношения более чем со 100 государствами, участвует в работе ОЭСР, имеет статус наблюдателя в ООН. Россия аккредитовала посла при Европейском союзе, а в феврале 1994 г. Европейская комиссия открыла свое представительство в Москве. Обсуждается вопрос о заключении нового договора о сотрудничестве Европейского союза с Россией. Все вышеизложенное свидетельствует о признании международным сообществом Европейского союза как своеобразного субъекта международного права. Следует отметить, что в работах, посвященных Европейскому союзу и правовым проблемам его функционирования, почти

¹³ Второе немаловажное отличие Европейского союза от большинства международных организаций – его наднациональный характер. Это означает, что законодательные акты, принимаемые Советом, являются актами прямого действия внутри ЕС.

не уделяется внимание вопросу о его правовом статусе как субъекте международного права на международной арене¹⁴. В некоторых работах смешиваются понятия «право Европейского союза» и «европейское право»¹⁵, хотя «право Европейского союза» не идентично праву всех европейских стран, поскольку многие из них не являются членами ЕС (например, Швейцария, Сербия, бывшие республики СССР, расположенные в Европе). Поэтому адекватным названием в рассматриваемом случае нам представляется термин «право Европейского союза».

В российской литературе справедливо отмечается, что при создании трех первоначальных сообществ, а затем и Европейского союза были избраны уже оправдавшие себя на практике привычные для них международные механизмы международного права в форме международных организаций, с добавлением к ним элементов наднациональности. Право Европейского союза совмещает в себе видоизмененные черты как внутрисударственного, так и международного права.

Исследователи опыта Европейского союза отмечают, что международно-правовые методы, т.е. заключаемые между государствами-членами соглашения по некоторым вопросам, взаимодействуют с элементами национальной государственности и создают принципиально новое наднациональное право Европейского союза¹⁶. Государственные элементы, проявляющиеся в наднациональности, совершенствуются и укореняются, заменяя постепенно международные элементы.

Европейский союз как субъект международного права в определенной степени занимает, по нашему мнению, место между межправительственной организацией и государственно-подобным образованием, о чем шла речь в предыдущих главах, а также имеет черты, сходные с конфедерацией и в определенной степени с федерацией. Согласно Договору о функционировании Европейского союза (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.¹⁷) ЕС может быть наделен в определенных областях исключительной компетенцией, что означает его исключительное право принимать законы и другие обязательные акты. Государства-члены в этих случаях не могут сами осуществлять подобные действия, если только они не уполномочены на это Европейским

¹⁴ См., например: Т.К.Хартли. Основы права Европейского союза. Москва – Будапешт, 1958 г.

¹⁵ См. например: Европейское право. Отв. редактор Л.М. Энтин. М.: Норма-Инфра, 2000.

¹⁶ См. подробнее: Кашкин С.Ю. Право Европейского союза в вопросах и ответах: Учебное пособие. М., 2006. С. 58–69.

¹⁷ Вступил в силу 1 января 2010 г.

союзом или не проводятся в целях претворения в жизнь его актов. Европейский союз располагает исключительной компетенцией в следующих областях: а) таможенный союз; б) установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка; в) денежная политика в отношении государств-членов, денежной единицей которых является евро; г) сохранение морских биологических ресурсов в рамках общей политики в отношении рыболовства; д) общая торговая политика.

Европейский союз располагает также исключительной компетенцией по заключению международных соглашений, когда такое заключение предусмотрено в законодательных актах Европейского союза или когда оно необходимо для обеспечения права Союза реализовать свою внутреннюю компетенцию, или в той мере, в какой оно способно затрагивать «общие правила»¹⁸ или изменять их действие (ст. 2 и 3).

Совместная компетенция ЕС и государств-членов распространяется на следующие основные сферы: а) внутренний рынок; б) социальная политика, относящаяся к аспектам, определенным в договоре; в) экономическое, социальное и территориальное единство; г) сельское хозяйство и рыболовство, за исключением морских биологических ресурсов; д) окружающая среда; е) защита потребителей; ж) транспорт; з) трансъевропейские сети; и) энергосбережение; к) свобода, безопасность и правосудие; л) общие проблемы безопасности в сфере здравоохранения.

В Договор о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора) включен раздел V «Общие положения о внешнеполитической деятельности Союза и специальные положения об общей внешней политике и безопасности». В соответствии с этим разделом компетенция ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности охватывает все сферы внешней политики, а также весь комплекс вопросов, относящихся к безопасности Союза.

В 2009 г. было выражено несогласие с мнением о том, что создание поста президента ЕС свидетельствует о движении Евросоюза к федеративному государству – своеобразным «Соединенным Штатам Европы»¹⁹. По мнению эксперта, создание поста президента ЕС объясняется лишь стремлением персонифицировать Европейский союз, сделать его для граждан более очевидным. Что же касается должно-

¹⁸ «Общие правила» – правовые нормы, действующие в рамках Союза в целом, в отличие от национальных правил отдельных государств-членов.

¹⁹ См.: «Российская газета». 30 октября 2009 г.

сти президента Евросоюза, то президент Евросоюза будет исполнять в основном представительские функции.

Библиографический список

Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996.

Гуреев С.А. Процесс строительства правового государства в России и международное право // Право и политика. 2002. С. 52–60.

Европейское право. Отв. редактор Л.М. Энтин. М.: Норма-Инфра, 2000.

Кашкин С.Ю. Право Европейского союза в вопросах и ответах: Учебное пособие. М., 2006. С. 58–69.

Международное право: Учебник. М., Юридическая литература, 2005.

Международное публичное право / Под. ред. К.А. Бекяшева. М., 1999.

Международное право: Учебник / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010.

Основы государства и права: Учебное пособие / Под ред. С.А. Комарова. М., 1996.

Чиркин В.Е. Государственная власть субъекта Российской Федерации // Государство и право. 2000. №10. С. 9–10

Хартли Т.К.. Основы права Европейского союза. Москва – Будапешт, 1958 г.

Deputy P.M. Droit International Public. Dalloz, 2005.

Subjects of International Law (Summary)

*Sergei A. Gureev**

The article deals with theoretical and practical aspects of defining subjects of international law, characterizing main and secondary subjects of international law. The article considers issues of legal personality of states, nonstate actors, individuals and legal entities. Special attention is paid to legal personality of the European Union, which is constantly attaining features of a legal person *sui generis*.

Keywords: subjects of international law; state; international organizations; European Union.

* Sergei A. Gureev – Doctor of Laws, effective member of the International Higher Education Academy of Sciences.

О роли доктрины в современном международном праве

*Ашавский Б.М.**

В статье обсуждаются актуальные теоретические и практические аспекты роли доктрины в современном международном праве. С одной стороны, доктрина рассматривается автором как система взглядов и концепций о сущности международного права в конкретных исторических условиях. С другой, – учения наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций анализируются как вспомогательное средство для определения правовых норм.

Ключевые слова: доктрина международного права; кодификация международного права; определение правовых норм; наиболее квалифицированные специалисты по публичному праву различных наций.

Понятие доктрины в международном праве неоднозначно. Так, в Словаре международного права говорится о том, что термин «доктрина международного права» в широком смысле означает систему взглядов и концепций о сущности международного права в конкретных исторических условиях, а в узком – научные труды юристов-международников¹. Далее сказано о том, что доктрина международного права является вспомогательным источником международного права². В современную эпоху с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку доктрина может использоваться лишь в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм, а не как источник международного права, пусть даже к вспомогательный. Для подтверждения этой мысли, как правило, используют один и тот же аргумент: подпункт «d» пункта 1 статьи 38 Статута Международного суда. Действительно, это единственный международно-правовой документ договорного характера, в котором содержится, хотя и в общем виде, легальное основание для такого вывода. В ст. 38, в частности, закреплено, что международные конвенции, международный обычай, общие прин-

* Ашавский Борис Матвеевич – к.ю.н., с.н.с., ведущий научный сотрудник Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем, профессор ДА МИД России.

¹ Словарь международного права. М., 1986. С. 76.

² Там же.

ципы права и сразу же следует сказать, что содержащаяся в этой статье оговорка не случайна и имеет принципиальный характер, поскольку в ст. 59 закреплено, что. Иными словами, решения Суда не создают норм общего международного права. То, что в ст. 38 говорится о специалистах по не вызывает сомнений в том, что речь, в силу контекста, идет о специалистах по То же самое, по той же причине относится и к : имеются в виду И в том, и в другом случае иных толкований не возникает. Бесспорно также и то, что необходимость в определении может возникнуть и возникает лишь в отношении обычных норм международного права. Причем «определение» в данном случае означает необходимость как установить существование таких норм, так и уточнить их содержание. Как писал известный австрийский профессор А. Фердросс, доктрина служит «для уяснения сомнительных положений (международного. – Б.А.) права»³.

Немецкий юрист-международник В. Витцтум считает, что доктрины в первую очередь «служат тому, чтобы доказать существование практики, имеющей обязательную силу»⁴.

«Доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» подразумевают научные труды наиболее известных и авторитетных юристов-международников из различных государств. Это научные авторитеты в своих странах и за рубежом, авторы курсов международного права, специальные докладчики Комиссии международного права ООН, признанные специалисты по отдельным международно-правовым проблемам.

Однако, если выйти за рамки Статута Международного суда и оценить значение и роль международно-правовой доктрины более широко, некоторые утверждения, которые прозвучали выше, оказываются не столь однозначными и бесспорными.

А. Фердросс приводил мнение Блюдорна, который полагал, что международное право по преимуществу является «правом ученых». Соглашаясь с ним в том, что «отдельные авторы в области международного права оказали большое влияние на образование позитивного международного права», он считал, что «их теории не могут рассматриваться как самостоятельный источник (международного. – Б.А.) права». Тем более не согласился он с утверждением Блюдорна, согласно

³ Фердросс А. Международное право. Пер. с немецкого / Под ред. и с пред. д.ю.н. Г.И.Тункина. М., 1959. С. 165.

⁴ Международное право / В.Витцтум и др. Пер. с немецкого. М., 2011. С. 98.

которому в качестве источников права следует рассматривать заключения научных объединений (Institut de droit international, International Law Association), поскольку, как правило, в задачу таких заключений «не входит установление позитивного международного права, а лишь содействие его дальнейшему развитию»⁵. По мнению не менее известного английского юриста-международника Я. Броунли, «по некоторым вопросам отдельные авторы оказали на (международное. – Б.А.) право формирующее воздействие»⁶. Он называет среди них Жиделя, Холла, Оппенгейма, Хайда, Гугенхейма, Фердросса, Руссо, Ваттеля, Кальво, Хакворта, Филимора и Финлея. Тем не менее для него «совершенно очевидно, что оценка доктринальных концепций зависит от субъективных факторов, что отдельные авторы отражают в своих трудах национальные и иные пристрастия и что, кроме того, некоторые ученые-юристы усматривают свою задачу в пропаганде новых и более правильных взглядов, а не в пассивном описании существующего международного права»⁷. В то же время «при всей необходимости осторожного подхода мнения специалистов по (международному – Б.А.) публичному праву используются широко»⁸.

В. Витцтум считает что «значение *научной доктрины* проистекает из ее исторической роли. Однако международно-правовые концепции ученых различных стран и культурных сообществ в настоящее время с трудом согласуются друг с другом. Следствием является возрастающее значение коллективных мнений и коллективных заявлений международных ассоциаций юристов»⁹. Среди таких организаций он называет Институт международного права и Ассоциацию международного права. Здесь он вступает в определенное противоречие с приведенным выше мнением А. Фердросса.

Как отмечал профессор Г.И. Тункин, «в XIX и даже в начале XX века многие юристы (-международники. – Б.А.) рассматривали международное право как в значительной мере «доктринальное» право, «право ученых». Они приписывали науке международного права не только роль его констататора, но и роль создателя его норм»¹⁰.

⁵ Фердросс А. Указ. соч. С. 165.

⁶ Броунли Я. Международное право. Пер. с английского / Под ред. и со вступ. статьей члена-корреспондента АН СССР Г.И. Тункина. М., 1977. С. 54.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же.

⁹ Международное право. В.Витцтум и др. С. 98.

¹⁰ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 211.

В период, когда международное право преимущественно было правом обычным, доктрина международного права играла гораздо большую роль, нежели в современных условиях, в которых международное право стало в основном договорным и роль международно-правовой обычая значительно уменьшилась.

Тем не менее выводы Г.И. Тункина по этому вопросу не теряют своей актуальности. В частности, о том, что «мнения авторитетных специалистов по международному праву различных стран являются ныне одним из средств установления наличия или отсутствия тех или иных норм международного права, а также их толкования»¹¹. Важно понимать также, что доктрина хотя и не является частью процесса образования международно-правовых норм, но оказывает на него определенное влияние. Она играет значительную роль в процессе кодификации международного права, при формировании международно-правовой позиции государства по тем или иным вопросам. Например, при подготовке и в процессе работы международных конференций и организаций.

Таким образом, доктрина играет определенную роль не только в процессе применения международного права, но и в процессе его развития.

Международное право и научные представления о нем (концепции и доктрина в целом) тесно взаимосвязаны. Континуум оценок его роли в современном мире простирается от полного отрицания до явно-го завышения. То же самое можно сказать и относительно оценок роли доктрины международного права. В этих условиях более чем необходим реалистичный подход. Он несомненно должен найти отражение прежде всего в концепции внешней политики Российской Федерации и, что еще важнее, в самой внешней политике России. Международное право, являясь регулятором международных отношений, выполняет две неразрывно связанные и взаимопроникающие функции: стабилизирующую и созидательную. Оно закрепляет уже сложившиеся отношения, а также служит их изменению или перестройке¹². При этом необходимо учитывать объективные пределы его действия, связанные со спецификой создания и действия международно-правовых норм, особенно в таких областях, как поддержание международного мира и безопасности, в которых многое зависит от соотношения сил в мире.

¹¹ Тункин Г.И. Там же.

¹² Тункин Г. Разрядка напряженности и международное право // Коммунист. 1974, № 11. С. 111.

Доктрина международного права может оказывать существенное воздействие на его развитие. Поддерживая основные принципы и нормы, выступая против отживших концепций, доктрина может внести значительный вклад в развитие международного права.

Библиографический список

Броунли Я. Международное право. Пер. с английского / Под ред. и со вступ. статьей члена-корреспондента АН СССР Г.И. Тункина. М., 1977.

Международное право / В.Витцтум и др. Пер. с немецкого. М., 2011. Словарь международного права. М., 1986.

Тункин Г. Разрядка напряженности и международное право // Коммунист. 1974., № 11. С. 111.

Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

Фердросс А. Международное право. Пер. с немецкого / Под ред. и с пред. д.ю.н. Г.И.Тункина. М., 1959.

Role of the Doctrine in the Contemporary International Law (Summary)

*Boris M. Ashavsky**

The article deals with theoretical and practical aspects of the role of the doctrine in the contemporary international law. On the one hand, the author considers the doctrine as a system of views and purposes of international law in concrete historical conditions. On the other hand, the author analyzes the role of the teachings of the most highly qualified publicists of the various nations as subsidiary means for the determination of rules of law.

Keywords: the doctrine of international law; codification of international law; the determination of rules of law; the most highly qualified publicists of various nations.

* Boris M. Ashavsky – Ph.D. in Law, professor of the Diplomatic Academy, MFA Russia; principle researcher at the center of International law and security of the Institute of Contemporary International Studies.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Международный Комитет Красного Креста и гражданские права человека (Часть 1)

*Саяпин С.В.**

На протяжении значительного периода своей истории Международный Комитет Красного Креста (МККК) традиционно воздерживался от обращения к международному праву прав человека по причине того, что это право часто считают политизированным. Однако меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в которых МККК осуществляет свою гуманитарную деятельность, побудил организацию обратиться – в ограниченном объеме – к определенным нормам международного права прав человека (МППЧ), чтобы повысить уровень защиты, предоставляемой МККК. Данная статья посвящена нормам международного права о гражданских (личных) правах человека, к которым МККК может обращаться в своей гуманитарной деятельности, а также порядку применения этих норм в практике МККК.

* Саяпин Сергей Вячеславович – докторант кафедры германского и международного уголовного права, уголовного процесса и современной юридической истории Берлинского университета имени Гумбольдта. Он также является Ответственным за программу для академических кругов в Региональном представительстве Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Центральной Азии.

Автор предпринял максимальные усилия для того, чтобы соблюсти предельную точность при толковании документов МККК. Однако взгляды и идеи, изложенные в данной статье по рассматриваемым в ней вопросам, необязательно отражают официальную позицию МККК как организации. Автор выражает признательность Татьяне-Марии Комерзан, переводчику Регионального информационного центра МККК (Москва), за содействие в работе над рукописью настоящей статьи. sergey.sayapin@yahoo.com.

Ключевые слова: гражданские (личные) права человека; международное гуманитарное право (МГП); международное право прав человека (МППЧ); Международный Комитет Красного Креста (МККК); право на жизнь; право на недискриминацию; право на физическую и психологическую неприкосновенность; процессуальные гарантии; свобода передвижения.

На протяжении значительного периода своей истории Международный Комитет Красного Креста (МККК) традиционно воздерживался от обращения к международному праву прав человека по причине того, что это право часто считают политизированным. Однако меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в которых МККК осуществляет свою гуманитарную деятельность, побудил организацию обратиться – в ограниченном объеме – к определенным нормам международного права прав человека (МППЧ), чтобы повысить уровень защиты, предоставляемой МККК. Данная статья посвящена нормам международного права о гражданских (личных) правах человека, к которым МККК может обращаться в своей гуманитарной деятельности, а также порядку применения этих норм в практике МККК.

1. Введение

По аналогии с договорными нормами гуманитарного права, которые явились ответной реакцией международного сообщества на ужасы войны¹, современный миропорядок, частью концепции которого является право прав человека, возник из стремления «избавить грядущие поколения от бедствий войны» и «вновь утвердить веру в... достоинство и ценность человеческой личности»². Как ни парадоксально, пути развития этих двух отраслей права, которые в силу своей природы могли бы идти рука об руку, очень скоро разошлись – и даже сейчас, спустя десятилетия, не прекращаются дебаты по вопросу их взаимосвязи. Немного найдется таких вопросов, которые исследователи гуманитарного права и права прав человека изучают столь глубоко и тщательно, сколь глубока взаимосвязь между этими двумя отраслями права. Много трудов посвящено сходствам и различиям между

¹ См. Женевскую конвенцию об улучшении участи больных и раненых воюющих армий на поле боя 1864 г.

² Устав Организации Объединенных Наций (1945 г.), преамбула, мотивировки 1 и 2.

гуманитарным правом и правом прав человека³. Международные экспертные органы, действующие в сфере международного права прав человека (МППЧ), неоднократно ссылались – скорее опосредованно, нежели напрямую – на источники международного гуманитарного права (МГП)⁴. Международные и национальные судебные органы тоже уделили большое внимание этому вопросу⁵. Однако до настоящего времени непрекращающееся скрупулезное обсуждение этого вопроса не привело к согласованным выводам относительно того, каким образом следует совместить нормы МГП и МППЧ, количество которых весьма велико, с тем чтобы наиболее эффективно выполнить общую задачу этих двух отраслей права, заключающуюся в защите человеческого достоинства.

Примечательно, что после Второй мировой войны, когда вносились изменения в три уже существовавшие на тот момент Женевские

³ Обзор этой темы можно найти в следующих работах (на английском языке): Eide, 'The Laws of War and Human Rights - Differences and Convergences', in Swiriarski (ed) *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet* (Geneva: Martinus Nijhoff, 1984) 675; Hampson, 'Human Rights and Humanitarian Law in Internal Conflicts', in Meyer (ed) *Armed Conflict and the New Law, Vol. II: Effecting Compliance* (London: BICCL, 1993) 53; Rehnquist, *All the Laws but One, Civil Liberties in Wartime* (New York: Vintage, 1998); Vinuesa, 'Interface, Correspondence and Convergence of Human Rights and International Humanitarian Law', in Fisher and McDonald (eds) *Yearbook of International Humanitarian Law, Vol. I* (The Hague: T.M.C. Asser Press, 1998) 69; Provost, *International Human Rights and Humanitarian Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); and Lubell, 'Challenges in Applying Human Rights Law to Armed Conflict', (2005) 87 *International Review of the Red Cross* 737

⁴ См., например, Замечание общего порядка 29 Комитета по правам человека «Отступление от прав в связи с чрезвычайным положением» (статья 4), CCPR/C/21/Rev.1/Add. para.3; Concluding Observations of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights: Israel, 31 August 2001, E/C.12/1/Add.69 (на англ. яз.).

⁵ Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правомерности угрозы ядерным оружием или его применения (1996 г.; 226, пункт 25); Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории (2004 г.); Basak, 'Abu Ghreib, das Pentagon and die deutsche Justiz. Zur Zuständigkeit der deutschen Strafverfolgungsbehörden für Kriegsverbrechen im Irak nach dem Inkrafttreten des VStGB', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 85; von Braun, 'Die Strafverfolgung von Menschenrechtsverbrechen aus der Praxis: Entwicklung, Struktur und Leistungsfähigkeit des Sondergerichts in Osttimor', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 93; Heintze, 'Las Palmeras v Banaca-Velasquez und Bankovic v Loizidou? Widersprüchliche Entscheidungen zum Menschenrechtsschutz in bewaffneten Konflikten', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 177.

конвенции (ЖК)⁶ и разрабатывалась новая – четвертая Женевская конвенция⁷, наблюдались явные признаки возможного сближения МГП и МППЧ⁸, даже если, возможно, это широко и не афишировалось. В тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г. признавались реалии вооруженных конфликтов⁹, а что касается Женевских конвенций, то существовала возможность включения в них общей преамбулы, в которой содержится ссылка на то, что «уважение к личности и достоинству людей является основополагающим принципом, который является обязательным даже в отсутствие каких-либо договорных обязательств¹⁰». Однако различия в позициях делегатов Дипломатической конференции в том, что касается общего подхода к включению ссылки на права человека¹¹, привели к тому, что от преамбулы отказались вообще. При этом в самих Конвенциях¹² все же было сохранено достаточно четкое обозначение прав лиц, пользующихся защитой. На более же позднем этапе, когда разрабатывались дополнительные протоколы (ДП), было

⁶ ЖК I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1949 г.); ЖК II об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (1949 г.); ЖК III об обращении с военнопленными (1949 г.).

⁷ ЖК IV о защите гражданского населения во время войны (1949 г.).

⁸ Best, *War and Law since 1945* (Oxford: Clarendon Press, 1997) at 70.

⁹ Мотивировка 3 преамбулы Резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, А/810, гласит, что «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения» (курсив автора).

¹⁰ Возможно, в формулировке предполагалось четко указать обычно-правовой характер нормы, требующей уважения личности и человеческого достоинства – см. Примечания и предложения, представленные МККК вниманию правительств государств, которые получили от Федерального совета Швейцарии приглашение на Дипломатическую конференцию, состоявшуюся в Женеве 21 апреля 1949 г. (см. in Pictet (ed), *Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field* (Geneva: ICRC, 1952) at 21).

¹¹ Best, *supra* n. 8 at 71 and 72.

¹² См., например, ст.6 ЖК I; ст.6 ЖК II; ст.6 ЖК III; и ст.7 ЖК III, согласно которым «ни одно специальное соглашение не должно наносить ущерба положению больных и раненых, а также санитарного и духовного персонала, установленному настоящей Конвенцией, не ограничивать прав, которые она им предоставляет». В последующих статьях также упоминается о правах, «которые им обеспечивает настоящая Конвенция» (курсив автора).

решено, что уместно включить в текст этих документов более явные ссылки на право прав человека¹³.

За десятилетия, прошедшие с окончания Второй мировой войны, некоторые правозащитные организации стали опираться как в своих действиях, так и при принятии решений¹⁴ на МПП в гораздо большей степени, нежели МККК мог себе позволить опереться на теорию и практику МППЧ. Учитывая принципиальное стремление МККК сохранить свой уникальный характер, причины, по которым он обычно держался в стороне от политизируемого МППЧ, вполне убедительны. Однако постоянное взаимное влияние, которое оказывают друг на друга МПП и МППЧ с точки зрения содержания их норм, с одной стороны, а также меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в условиях которых действует МККК, в том числе и ситуации, порог насилия в которых ниже, чем тот, при котором применяется МПП, с другой стороны, побудили МККК к разработке ряда руководящих документов и директив, касающихся обращения к МППЧ в подобных ситуациях¹⁵. Сейчас эти документы служат руководством как для сотрудников штаб-квартиры МККК, так и для сотрудников, работающих на местах. В самом недавнем и наиболее полном руководящем документе – Doctrine DOCT/63-2006/1 “The Invocation of International Human

¹³ Ст. 72 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 г.), и мотивировка 2 преамбулы Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (1977 г.) (ДП II).

¹⁴ См., например, the Case 11.37, Juan Carlos Abella v Argentina Report No. 55/97 (1997) (La Tablada case), в частности, пп. 157-68.

¹⁵ Среди этих документов, в частности, DOCT/34-1985/5 (8 July 1985): ‘Les garanties judiciaires ‘reconnues comme indispensables par les peuples civilisés au sens de l’article 3 commun des Conventions de Genève’; DOCT/50-1988/5 (29 September 1988): ‘L’attitude du CICR en cas de grève de la faim en milieu carcéral’; DOCT/4-1993/1 (1 May 1993): ‘L’action du Comité international de la Croix-Rouge face aux situations de violence interne’; DD/DIR YS/SEM/ (29 August 1994): ‘Lignes directrices du CICR concernant la diffusion des droits de l’homme’; DOCT/56-1996/1 (29 May 1996): ‘Intervention du CICR dans le domaine judiciaire pour la protection de toutes les personnes soumises à une forme quelconque de détention ou d’emprisonnement’; DOCT/15-2005/10 (11 April 2005): ‘Les démarches du CICR en cas de violations du droit international humanitaire ou d’autres règles fondamentales qui protègent la personne humaine en situation de violence’; DOCT/28-2003/5 (8 May 2003): ‘Lignes directrices sur les disparus’; and DIR0862 (28 June 2005): ‘A Guide for Dialogue on the Use of Force, Victim Assistance and Detention in Internal Disturbances and Other Situations of Internal Violence’.

Rights Law by the International Committee of the Red Cross” («Обращение МККК к нормам международного права прав человека») обобщается соответствующий опыт и формулируется «общий подход», в рамках которого указываются те права человека, на которые МККК может ссылаться, и условия, при которых он может это делать¹⁶. Ожидается, что такой институциональный подход МККК позволит организации «по необходимости использовать права человека в своей гуманитарной деятельности, не занимаясь при этом правозащитной деятельностью и сохраняя, таким образом, свой уникальный характер»¹⁷.

У МККК нет ни правового, ни институционального обязательства в том, что касается призывов к добросовестному применению МППЧ, а также в том, что касается деятельности в этом направлении. Соответственно, МККК может решить не ссылаться непосредственно на ту или иную норму МППЧ, если он придет к выводу, что подобная ссылка может иметь отрицательные последствия для его оперативной деятельности, и в конечном итоге навредить интересам лиц, которым организация стремится оказать помощь и предоставить защиту. В подобных случаях МККК предпочтет использовать формулировки общего характера, такие как «принципы гуманности» или «международно признанные нормы». То есть МККК обычно не работает с нормами прав человека в строгом смысле этого понятия, а, скорее, дополняет или подкрепляет аргументацию, которой он руководствуется в своей оперативной деятельности и которая преимущественно основана на МГП, ссылками на отдельные источники МППЧ¹⁸, применимые в конкретной ситуации.

В документе ДОСТ/63-2006/1 содержится четкий список категорий нарушений прав человека, на которые МККК с полным основанием может реагировать в рамках своего мандата и для пресечения

¹⁶ В терминологии данного руководящего документа «обращение» обозначает любую прямую ссылку МККК на документы, правила или нормы «мягкого права» МППЧ в тексте представлений организации, направляемых в результате нарушений, а также в информационной деятельности, которая не связана напрямую с реакцией на конкретное нарушение, см. ДОСТ/63-2006/1 (25 August 2006): ‘The Invocation of International Human Rights Law by the International Committee of the Red Cross’, at 24.

¹⁷ Ibid. at 1.

¹⁸ В исследовании МККК «Обычное международное гуманитарное право. Нормы» отмечается, что в отношении интерпретации основополагающих гуманитарных норм, ссылки на право прав человека могут использоваться «для поддержки, подкрепления и разъяснения аналогичных принципов гуманитарного права». (См.: Жан-Мари Хенкерс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы, МККК, Москва 2006 г. С. 381).

которых существуют схожие положения МГП¹⁹. Как будет показано ниже, список нарушений, на которые МГП может реагировать в своей деятельности, в основном включает в себя «ядро» МППЧ – так называемые неотъемлемые права²⁰. Эти права являются основополагающими для защиты человеческой жизни и достоинства, которая является частью мандата МККК. Следовательно, предполагается, что надлежащие ссылки на соответствующие договоры по МППЧ могут действительно укрепить возможности МККК в том, что касается реагирования (путем конфиденциального диалога, а также путем распространения соответствующей информации и знаний среди различных категорий лиц²¹) на гуманитарные проблемы населения, которому организация стремится предоставлять помощь и защиту²².

Автор полагает, что лучше всего официальная позиция МККК по рассматриваемым в данной статье вопросам отражена в официальных публикациях организации (в том числе и на интернет-сайтах), а также в заявлениях, сделанных в рамках международных форумов, таких как сессии Генеральной Ассамблеи ООН или ее бывшей Комиссии по правам человека (ныне Совет по правам человека) или Международные конференции Красного Креста и Красного Полумесяца. По этой же причине в данной статье содержится большое количество ссылок на официальные и научно-исследовательские публикации (включая исследование «Обычное международное гуманитарное право. Нормы» и отдельные номера *Международного журнала Красного Креста*) и приводятся цитаты руководителей МККК там, где это уместно.

¹⁹ Согласно определению, используемому в руководящем документе ДОСТ/15-2005/10: «основополагающие нормы, защищающие лиц в ситуациях насилия». Текст на английском языке см. в “Action by the International Committee of the Red Cross in the Event of Violations of International Humanitarian Law or of other Fundamental Rules Protecting Persons in Situations of Violence” (2005), 87 International Review of the Red Cross 393.

²⁰ ДОСТ/63-2006/1, supra n. 16 at 24 and 25 (на англ. яз.).

²¹ В данном случае «распространение соответствующей информации и знаний среди различных категорий общества» означает информационно-просветительскую работу с молодежью (программа «Исследуя гуманитарное право» и программа сотрудничества со средними учебными заведениями), с научно-академическими кругами (программа сотрудничества с высшими учебными заведениями), с вооруженными силами (программа сотрудничества с вооруженными силами), а также с полицией и силами безопасности (программа сотрудничества с полицией и силами безопасности). Не вызывает сомнения, что из них в наибольшей степени перекликается с ППЧ программа сотрудничества с полицией и силами безопасности (см., в особенности: К. Ровер. Служить и защищать. МККК, М., 2006, 2-е изд.).

²² ДОСТ/63-2006/1, supra n.16 at 24.

В связи с ограниченным объемом настоящей статьи мы сосредоточим внимание на гражданских (личных) правах человека. См. статью о применении норм о социальных и экономических правах человека в практике МККК в № 2 *Московского журнала международного права* за 2012 г.

2. Право на недискриминацию

В условиях вооруженного конфликта обеспечение эффективности правовой защиты человека уже само по себе является сложной задачей. Как пишет Хэмпсон, вооруженные конфликты, как международные, так и немеждународные, имеют последствия для каждого вида прав человека в индивидуальном порядке²³. Еще сложнее обеспечить защиту группам лиц (а порой и всему населению), которые затронуты вооруженными конфликтами, то есть обеспечить гуманное обращение с категориями лиц, пользующихся защитой (например, раненые и больные, лица, потерпевшие кораблекрушение, военнопленные и гражданские лица).

Принцип недискриминации, вытекающий из общего принципа равенства²⁴, является всеобъемлющим правом, которое неотделимо от соблюдения иных прав человека и в таковом качестве лежит в основе иных гуманитарных норм²⁵. Фактически лица, пользующиеся защитой по МГП, могут в полной мере воспользоваться своим статусом только при условии соблюдения их права на недискриминацию. Это право, являющееся аналогом запрещения какой-либо дискриминации, содержащегося в МГП, включено в Устав ООН и основные договоры в области МППЧ²⁶.

²³ Hampson, 'The International Law of Armed Conflicts: Myth, Reality or Possibility?', in Vijapur (ed), *Essays on International Human Rights* (Essex: University of Essex, 1997) 1 at 4.

²⁴ Данный принцип следует отличать от принципа равенства сторон в спорах юридического характера, рассматриваемых судом. Этот принцип означает равенство людей как субъектов применимого права, в том числе и международного, или равную возможность для людей пользоваться защитой положений применимого права, в том числе и международного. См., например, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (выделено автором). По вопросу интерпретации равенства как проявления справедливости см.: Лейст. *Сущность права: проблемы теории и философии права* (М.: Зерцало-М, 2002), 169-71.

²⁵ See DOCT/63-2006/1, *supra* n. 16 at 24

²⁶ Ст. 1(3) Устава ООН; ст. 2(1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) (1966 г.); ст. 2(2) и 2(3) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) (1966 г.); ст. 14 Европейской конвенции

Хотя право на недискриминацию не перечислено среди неотъемлемых прав в статье 4 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), в этой статье запрещаются отступления от принципов недискриминации. Кроме того, запрет на дискриминацию²⁷ содержится в статье 26 МПГПП, а также в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним. Кроме того, практикой государства в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, устанавливается запрещение проводить неблагоприятное различие, основанное на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии или вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, рождения или иного статуса или на каких-либо других подобных критериях²⁸. В отличие от ППЧ, в котором, как правило, люди рассматриваются как индивиды, МГП рассматривает людей (раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, военнопленных или гражданских лиц) как «группы», члены которых имеют схожие потребности в гуманитарном плане. Следовательно, предполагается, что ссылка на «права человека в период вооруженных конфликтов²⁹» применительно как к группам лиц, пользующихся защитой, так и – в соответствующих случаях – к отдельным лицам, должна всегда, в том числе и в практике МККК, сопровождаться ссылкой на принцип недискриминации.

3. Посягательство на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность или достоинство лиц

Вооруженные конфликты ставят под угрозу в первую очередь право на жизнь. Широко известен тот печальный факт, что начиная со времен Второй мировой войны нападения на покровительствуемых лиц

о защите прав человека (ЕКЗПЧ) (1950 г.) и Протокола № 12 к ней (4 ноября 2000 г.); ст. 2 Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.); ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛВФРД) (1966 г.); ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛВФДОЖ) (1999 г.); ст. 2 (1) Конвенции о правах ребенка (КПР) (1989 г.).

²⁷ См., в частности, общую ст. 3 ЖК; ст. 13 и 16 ЖК III; ст. 75 (1) ДП I; а также ст. 4 (1) ДП II.

²⁸ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы (МККК, М., 2006), норма 88. С. 393.

²⁹ Это выражение дословно воспроизводит название Резолюции XXIII Международной конференции ООН по правам человека (Тегеран, 12 мая 1968 г.).

стали все чаще происходить во время современных военных действий, что вызывает все большее беспокойство. Как пишет Саммерфилд, «речь идет либо о случаях порожденной безответственностью анархии на поле боя, либо об умышленном распространении террора, использовании принуждения, воздействуя страхом, преднамеренном нарушении основополагающих прав человека, имеющихся у гражданского населения. Жестокость, выходящая за пределы человеческого понимания, часто методично применяется, чтобы насадить террор как метод контроля за населением в целом»³⁰. Жизни и здоровью лиц угрожают неизбежные нападения, незаконное использование оружия, суммарные казни, невозможность получить медицинскую помощь в надлежащем объеме – не говоря уже о тех опасностях, которые еще менее контролируемы, таких как инфекционные заболевания или стихийные бедствия.

Помимо того, что они являются серьезными нарушениями прав человека, умышленные посягательства на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность или достоинство лиц, пользующихся защитой, а порой и угрозы прибегнуть к таким актам являются также и военными преступлениями. Таким образом, элементы ряда явных нарушений, перечисленных в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1, рассматриваются ниже с сравнительной точки зрения – параллель проводится между МППЧ и МГП.

А. Убийство / уничтожение / суммарные казни и любые иные посягательства на право на жизнь

Право на жизнь является самым основным из прав человека³¹. Его основополагающая сущность отражена в том факте, что оно включено во все списки неотъемлемых прав³², содержащиеся в важнейших договорах в области МППЧ. В соответствии с этими положениями

³⁰ Summerfield, 'Assisting Survivors of War and Atrocity: Notes on 'psycho-social' issues for NGO workers', in Commins (ed), *Development in States of War*, selected articles from *Development in Practice* (Oxford: Oxfam, 1996) 85 (на английском языке).

³¹ Harris, O'Boyle, and Warbrick, *Law of the European Convention on Human Rights* (Oxford: OUP), Oxford University Press, 2nd edn by Harris, O'Boyle, Bates and Buckley, forthcoming 2009, at 37. По поводу права на жизнь см. также: O'Boyle, 'The Use of Lethal Force under Article 2 of the European Convention on Human Rights', Council of Europe DH-ED-COLL (90); Ramcharan (ed), *The Right to Life in International Law* (Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985).

³² Ст. 4 (2) МППЧ; ст. 15 (2) ЕКЗПЧ; ст. 27 (2) Американской конвенции о правах человека (Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика). В Африканской хартии не содержится положений об отступлении от прав человека в случае чрезвычайного положения.

ни в одной чрезвычайной ситуации, в том числе и при вооруженном конфликте, произвольное лишение жизни не является оправданным.

В отличие от других источников МППЧ, в которых такого уточнения не дается, в ЕКЗПЧ в отношении гарантии соблюдения права на жизнь четко указывается, что «это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий...»³³. Так как «правомерные военные действия» не считаются нарушениями права на жизнь и, следовательно, нарушениями МГП, в силу того что они не являются произвольными, чрезвычайную важность приобретает определение их противоположности – «неправомерных действий». В своем заявлении по этому вопросу Международный Суд ООН высказался следующим образом: «Тем не менее понятие произвольного лишения жизни в таком случае определяется применимым *lex specialis*, а именно правом, применимым в период вооруженного конфликта и предназначенным регулировать порядок ведения военных действий»³⁴. Действия, нарушающие МГП, которые ведут к гибели одного или более человек – и также являются актами произвольного лишения жизни, нарушающими МППЧ, – можно по сути разбить на три категории: i) нападения неизбирательного характера; ii) нападения несоразмерного характера; iii) ненадлежащее применение оружия. Первые две категории охватывают нападения на гражданских лиц, в то время как третья применима в отношении комбатантов (в международных вооруженных конфликтах) или лиц, принимающих участие в военных действиях (в немеждународных вооруженных конфликтах).

МГП запрещает умышленные нападения на гражданских лиц и лиц, которые не принимают участия или прекратили участие в военных действиях. Это правило установлено как норма обычного права, применимая во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов³⁵. Следовательно, любое умышленное нарушение этой нормы является преднамеренным убийством. Запрет на убийство гражданских лиц уже содержался в Кодексе Либеры³⁶. В статье 3,

³³ Ст. 15 (2) ЕКЗПЧ (выделено автором).

³⁴ Консультативное заключение МС ООН о правомерности угрозы или применения ядерного оружия (см. выше п. 25).

³⁵ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 89. С. 397-401.

³⁶ Ст. 23 и 44. Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов (Кодекс Либеры).

общей для всех Женевских конвенций, запрещается «посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства», а во всех положениях, охватывающих вопросы серьезных нарушений Конвенций, среди таких нарушений упоминается «преднамеренное убийство»³⁷. Что касается различий в терминологии, как отметил Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), «между терминами «умышленное убийство» и «убийство» не существует различия, которое бы влияло на их смысл»³⁸. Оба термина обозначают одно и то же нарушение МГП и, следовательно, могут использоваться на взаимозаменяемой основе.

Для того чтобы действие или бездействие квалифицировалось как убийство, должна быть установлена связь между смертью жертвы и незаконными действиями нарушителя. Кроме наиболее очевидных случаев, когда результат (смерть жертвы) оказывался незамедлительным и вышеописанная связь была очевидной, следующие действия расценивались как убийство:

- 1) убийство захваченного в плен лица из состава вооруженных сил противника или гражданского жителя оккупированной территории, который подозревается в шпионаже или военной измене, вина которого не была доказана в суде;
 - 2) сокращение пайков военнопленных, ведущее к тому, что они голодают;
 - 3) дурное обращение с военнопленными в нарушение законов и обычаев войны, ведущее к их смерти (например, форсированные марши при недостаточном продовольственном и медицинском обеспечении);
- убийство без справедливого судебного разбирательства³⁹.

³⁷ Ст. 50 ЖК I; ст. 51 ЖК II; ст. 130 и 147 ЖК III.

³⁸ *The Prosecutor v Zejnir Delalic and Others, Judgment IT-96-21-T (1998)*, at paras 422-3. Различие между двумя понятиями является чисто лингвистическим. В другом своем решении Судебная камера постановила, что «элементы преступления «убийство» согласно ст. 3 Устава аналогичны элементам «преднамеренного убийства», содержащимся в ст. 2 Устава, за исключением того, что, согласно ст. 3, речь может идти не только о преступлении, направленном против «покровительствуемого лица», но и против лица «не принимающего активного участия в военных действиях» (см.: *The Prosecutor v Dario Kordic and Mario Cerkez, Judgment, IT-95-14/2-T (2001)*, at para. 233.

³⁹ Dörmann (with contributions by Doswald-Beck and Kolb), *Elements of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court: Sources and Commentary* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003) at 40 and 41.

В свою очередь, запрет на осуществление нападений, которые, как можно ожидать, попутно повлекут за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить, также признан как обычная норма МГП, применимая во всех вооруженных конфликтах. Этот принцип основан на обширной практике государств и соответствующих решениях международных судебных органов⁴⁰, закреплён в ДП I⁴¹ и исправленном Протоколе II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия (1980 г.)⁴². Он также вытекает из принципа гуманности, который в прямой форме упомянут в преамбуле ДП II⁴³. Следовательно, любая смерть, наступившая в результате несоразмерного нападения, должна расцениваться как произвольное лишение жизни, то есть убийство.

Помимо норм, предоставляющих защиту гражданским лицам, МГП также устанавливает нормы защиты комбатантов (или же, если речь идет о немеждународных вооруженных конфликтах, лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях) от нападений, осуществляемых с применением запрещенных видов оружия или оружия, на применение которого наложены ограничения, а также от ненадлежащего применения разрешенных видов оружия⁴⁴. Эта защита проистекает из принципа, восходящего к Санкт-Петербургской декларации 1868 г., заключающегося в том, что запрещается исполь-

⁴⁰ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 14. С. 59-64.

⁴¹ Статья 51, п. 5, пп. b и ст. 57 ДП I.

⁴² Статья 3, п. 8 Протокола о запрещении или ограничении применения мин, миноловушек и других устройств 1996 г. (Протокол III).

⁴³ Bothe, Partsch and Solf (eds), *New Rules for Victims of Armed Conflicts: Commentary on the Two 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1982) at 678.

⁴⁴ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Нормы 70–76. С. 303–378. В исследовании среди запрещенных видов оружия отдельно выделяются яд, биологическое и химическое оружие, разворачивающиеся и разрывные пули, оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений необнаруживаемыми осколками, мины-ловушки и наземные мины, а также зажигательное и ослепляющее лазерное оружие. Что касается ядерного оружия, то в исследовании приводится ссылка на соответствующее Консультативное заключение МС ООН и не даются дальнейшие комментарии на эту тему – лишь принимается «к сведению мнение Суда» (с. 326).

зовать средства и методы войны, которые способны нанести чрезмерные повреждения, причинить излишние страдания или делают смерть неизбежной. Хотя государства согласны с самим принципом, отсутствует общее определение видов оружия, к которым этот принцип относится. В частности, выдвинут аргумент, что страдание, которое не обусловлено военной необходимостью, нарушает эту норму. Некоторые государства выдвигают идею о том, что необходимо соблюсти баланс между военной необходимостью, с одной стороны, и повреждениями или страданиями, которые, как можно ожидать, будут причинены неприятелю, с другой стороны, и что при этом в случае, если повреждения или страдания будут несоразмерны ожидаемому военному преимуществу, их следует считать чрезмерными. Другая группа государств упоминает в числе критериев оценки того, наносит ли оружие чрезмерные повреждения / причиняет чрезмерные страдания, наличие альтернативных средств нанесения ущерба неприятелю⁴⁵.

В. Попытки и иные виды дурного обращения

Запрет на пытки или иные формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является еще одним основополагающим правом человека, защита которого предусмотрена в МППЧ, и МГП, и международным уголовным правом⁴⁶. Все соответствующие договоры в области прав человека запрещают подобное дурное обращение, так как оно нарушает неотъемлемое право человека, а пытки также нарушают нормы обычного международного права⁴⁷. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания была принята в 1984 г.⁴⁸. Этот запрет, закрепленный уже в Кодексе Либера⁴⁹, был также включен в ЖК⁵⁰ 1949 г., Дополнительные протоколы⁵¹

⁴⁵ Там же. С.308.

⁴⁶ МККК использует общий термин «дурное обращение» применительно как к пыткам, так и к иным видам дурного обращения, запрещенным международным правом, включая жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство обращение, посягательства на человеческое достоинство и физическое либо моральное принуждение.

⁴⁷ See Meron, *Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law* (Oxford: Oxford University Press, 1989) at 95ff.

⁴⁸ См.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

⁴⁹ Ст. 16 Кодекса Либера.

⁵⁰ Ст. 12 ч. 2 ЖК I; ст. 12 ч. 2 ЖК II; ст. 17 ч. 4, ст. 32, ст. 87 ч. 3 и ст. 89, ЖК III.

⁵¹ Ст.75 п. 2 ДП I; ст. 4 п. 2 ДП II.

к ним, а также в Устав Международного военного трибунала⁵², а впоследствии – в Уставы МТБЮ⁵³, Международного трибунала по Руанде (МУТР)⁵⁴ и Римский статут Международного уголовного суда (Статут МУС)⁵⁵.

Положения указанных выше документов служат доказательством развития юридического понятия пыток с течением времени⁵⁶, соответственно развивалась также судебная практика международных уголовных судов. В делах Делалича и Фурунджия МТБЮ счел, что определение пыток по Конвенции 1984 г. стало частью обычного международного права и в равной степени применимо согласно МПГ, тогда как в деле Кунарача (2001 г.) судьи отказались от этой точки зрения. Суд квалифицировал пытки как умышленное причинение в результате действия либо бездействия сильной боли либо страданий, физических или душевных, с целью получить информацию либо признание, или наказать, запугать либо принудить к чему-либо пострадавшее либо третье лицо, или осуществлять дискриминацию по какому-либо признаку в отношении пострадавшего либо третьего лица⁵⁷. Следовательно, суд счел, что участие официального лица в процессе пытки не является обязательным элементом преступления.

В соответствии с применимым международным правом позиция МККК по данному вопросу ясна: организация решительно отвергает идею любого применения пыток и иных форм дурного обращения⁵⁸.

⁵² Ст. 6 (b) Устава Международного военного трибунала (1945 г.) (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/LEBEDEVA/LAW.HTM>).

⁵³ Ст. 2 (b) и ст. 5 (f) Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (1994 г.) <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.

⁵⁴ Ст. 4 (a) и (e) Устава Международного трибунала по Руанде (1994 г.) <http://www.un.org/ru/law/ict/charter.shtml>.

⁵⁵ Ст. 7(1) (f); 8 (2) (a) (ii) и (c) (i), Статут МУС (1998 г.) [un.org › ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).

⁵⁶ См., например, в той части, которая касается МППЧ, *Selmouni v France* 1999-V; 29 EHRR 403 at para 101.

⁵⁷ *The Prosecutor v Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic, Judgment, IT-96-23-T and IT-96-23/1-T* (2001 г.), at para. 485.

⁵⁸ См.: К. Дрёге. «Поистине лейтмотив...»: запрещение пыток и других форм дурного обращения в международном гуманитарном праве, *Международный Журнал Красного Креста*, т. 89, № 87, сентябрь 2007 г.; Branche, “Torture of Terrorists? Use of Torture in a “War Against Terrorism”: Justifications, Methods and Effects: the Case of France in Algeria, 1954-1962”, (2007) 89 *International Review of the Red Cross* 543; Reyes, “The Worst Scars are in the Mind: Psychological Torture”, (2007) 89 *International Review of the Red Cross* 591; Sivakumaran, “Torture in International Human Rights and

Учитывая, что ценность, заложенная в уважении человеческого достоинства, намного превосходит любые аргументы, которые приводятся в оправдание пыток, организация рассматривает запрет на пытки, содержащийся в международном праве, как абсолютный и не допускающий совершенно никаких исключений. Позиция МККК по вопросу пыток и иных форм дурного обращения принимает во внимание следующие факторы и аргументы⁵⁹:

- 1) во-первых, споры вокруг понятия «порога» пыток. Те, кто выступает за применение определенных форм дурного обращения, регулярно ставят под вопрос определение пыток, сужая его и ограничивая его нанесением тяжелых телесных повреждений. Они заявляют или подразумевают, что действия, которые не влекут повреждений такой степени тяжести, то есть не достигают «порога», обозначенного в этом узком определении, правомерны и разрешены. Однако стандарты, согласованные на международном уровне, гораздо жестче, когда речь идет об определении действий, которые являются гуманными и законными и которые таковыми не являются. Международное право (равно как и законодательство большинства стран) запрещает такой широкий спектр действий, как посягательства на личное достоинство; посягательства на жизнь, здоровье и благополучие; любые формы нападения, сопряженные с непристойными действиями; любую степень жестокости; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; физическое или моральное принуждение; запугивание; нанесение увечий или любая форма телесного наказания;
- 2) во-вторых, те, кто выступает за применение дурного обращения, перечисляют разрешенные методы, исключая при этом другие. Однако простого составления списка методов, которые разрешены или запрещены, недостаточно, чтобы определить, имело ли место дурное обращение. Методы должны оцениваться с учетом всех обстоятельств, при которых они применяются. Последствия дурного обращения могут быть

International Humanitarian Law: The Actor and the Ad Hoc Tribunals', (2005) 18 Leiden Journal of International Law 541.

⁵⁹ См.: Aeschlimann, 'Torture: the need to move forward', available at: [http://www.icrc.org. Web/Eng/siteeng0.nsf/html/torture-editorial-240605](http://www.icrc.org/Web/Eng/siteeng0.nsf/html/torture-editorial-240605) [last accessed 2 February 2009].

разными в зависимости от душевного здоровья, физических сил, культурного фона, возраста, пола пострадавшего лица и обстоятельств, в которых имеет место дурное обращение. Другие факторы, такие как период времени, в течение которого применяется тот или иной метод, и их сочетание также имеют значение. В одних случаях одно-единственное действие может стать пыткой. В других дурное обращение может явиться результатом ряда методов, применяемых на протяжении продолжительного периода, которые, если их рассматривать по отдельности и вне контекста, могут показаться безобидными;

- 3) в-третьих, степень страдания, которые причиняет дурное обращение, часто приуменьшается. Последствия пыток и иных форм дурного обращения могут быть исключительно психологическими или же как физическими, так и психологическими. Эксперты утверждают, что психологический вред, причиняемый дурным обращением, часто превосходит физическую боль. Последствия для психики человека, вынужденного наблюдать за тем, как пыткам подвергается член его семьи, или человека, подвергающегося сексуальному насилию, могут быть столь же травмирующими, сколь и для его физического состояния, или даже в большей степени;
- 4) наконец, сторонники ограниченного применения пыток часто играют на чувстве обеспокоенности общественности ситуацией в сфере безопасности, чтобы оправдать применение дурного обращения во время допросов. Речь идет о так называемом аргументе «бомбы замедленного действия». Однако многие эксперты ставят под вопрос ценность информации, полученной под пыткой или вследствие применения иных форм дурного обращения. Более того, чувства унижения и обиды, которые отдельные люди и целые сообщества испытывают в результате такого обращения, могут привести к эскалации насилия. В прошлом в тех случаях, когда пытки допускались, это создавало атмосферу, в которой запрет на них оказывался ослабленным и в конечном итоге подорванным. Для того чтобы не становиться на этот скользкий путь, следует неукоснительно соблюдать полный запрет на пытки.

Принципиальные аргументы МККК в пользу неприемлемости пыток⁶⁰ можно кратко изложить следующим образом.

- 1) Пытки и дурное обращение нарушают основополагающие принципы гуманности и уважения человеческой жизни и достоинства, которые должны соблюдаться при любых обстоятельствах.
- 2) Пытки и дурное обращение запрещаются везде и всегда. Это одно из основных положений как международного, так и национального законодательства.
- 3) Страдания, причиняемые пытками и иными формами дурного обращения, могут иметь весьма тяжелые последствия для лиц, которые им подверглись, причем эти последствия могут не прекращаться годами. Физический и психический вред, причиненный этим лицам, может быть таковым, что им потребуется долгосрочная реабилитация.
- 4) Имидж государства, в котором применяется дурное обращение, на международной арене, вероятнее всего, пострадает, что повлияет на авторитет государства и его возможность устанавливать отношения с другими государствами.
- 5) Применение пыток и других форм дурного обращения может отрицательно сказаться на готовности населения сотрудничать с властями. Применение дурного обращения может даже ослабить позиции тех, кто его применяет, разжигая недовольство и обиду среди тех, кого пытаются таким образом обуздать.
- 6) Любое применение пыток и иных форм дурного обращения подрывает почву под запретом этой практики, что может повлечь за собой более широкое ее применение.
- 7) Специалисты расходятся во мнениях относительно эффективности пыток и иных форм дурного обращения и выражают серьезные сомнения в ценности полученной таким образом информации.

⁶⁰ «МККК признает применение пыток и других форм жестокого обращения недопустимым ни при каких обстоятельствах. МККК считает, что принцип уважения человеческой жизни и достоинства категорически отвергает возможность использования методов жестокого обращения»: в статье «Какова позиция МККК по вопросу применения пыток и других форм жестокого обращения?» (<http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/6DKFFN>).

Соответственно, МККК стремится предотвратить пытки и положить конец пыткам и всем иным видам дурного обращения, осуществляя с этой целью деятельность в области предоставления защиты различным категориям населения. В частности, у МККК имеется мандат на посещение военнопленных (в эту категорию могут входить так называемые «незаконные комбатанты», захваченные в плен в ходе вооруженных конфликтов, связанных с «войной против терроризма»), интернированных гражданских лиц и так называемых лиц, содержащихся под стражей по соображениям безопасности. Посещения проводятся с целью мониторинга условий их содержания под стражей (интернирования) и обращения с ними⁶¹. По итогам этих посещений МККК ведет с властями конфиденциальный диалог, целью которого является обеспечение гуманного обращения с лицами, содержащимися под стражей. При необходимости МККК ведет диалог с администрацией пенитенциарных учреждений, с тем чтобы она провела расследование случаев пыток и дурного обращения, которые, согласно поступившим заявлениям, имели место, и, если они действительно имели место, наказали виновных и приняли меры для предотвращения повторения таких случаев в будущем.

Учитывая, что такие преступления распространены как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, МККК также ведет активную деятельность, направленную на предотвращение конкретных видов дурного обращения, таких как нанесение увечий, незаконные медицинские или научные эксперименты⁶², изнасилование и иные формы насилия на сексуальной почве⁶³.

Наконец, МККК считает важным принцип невыдворения, который запрещает передавать лицо в то место, где оно может быть подвергнуто пыткам или иному виду дурного обращения⁶⁴. Этот принцип про-

⁶¹ См.: Pejic, 'Procedural Principles and Safeguards for Internment/Administrative Detention in Armed Conflict and Other Situations of Violence', (2005) 87 *International Review of the Red Cross* 375.

⁶² Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 92, с. 409-412. См. также Grodin and Annas, 'Physicians and Torture: Lessons from Nazi Doctors', (2007) 89 *International Review of the Red Cross* 635.

⁶³ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 93, С. 412-417. По вопросу сексуального насилия во время вооруженных конфликтов см. Quénivet, *Sexual Offenses in Armed Conflict and International Law* (New York: Transnational Publishers, 2005).

⁶⁴ На этот принцип также можно ссылаться в связи с нарушениями права искать убежища в другой стране и возвращаться в страну происхождения, которые перечислены

чно укоренен в МППЧ⁶⁵. МККК сталкивается с вопросами, имеющими отношение к принципу невыдворения, в различных ситуациях. В частности, это происходит в случаях посещения лиц, лишенных свободы в связи с вооруженным конфликтом, в том числе и непосредственно перед их освобождением и репатриацией: если они выражают обеспокоенность в связи с возвращением на родину, МККК доводит вызывающие озабоченность вопросы до сведения удерживающих властей и напоминает им об их обязательствах, вытекающих из соблюдения принципа невыдворения⁶⁶.

С. Негуманные условия содержания под стражей и/или условия, не отвечающие международно признанным стандартам

Согласно МППЧ, ненадлежащие условия содержания под стражей могут расцениваться как негуманное или унижающее достоинство обращение⁶⁷. Норма, предусматривающая надлежащие условия содержания, в том числе обеспечение продовольствием и водой, для военнопленных, давно существует в МГП – она упоминается в Кодексе Либера⁶⁸, Брюссельской декларации⁶⁹ и Оксфордском руководстве⁷⁰. Эта норма также была включена в статью 7 Гаагского положения и статьи 25–32 Третьей Женевской конвенции. Положения статей 76,

в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 под номером 16 и отнесены к нарушениям норм, связанных с передвижением.

⁶⁵ См. ст. 3 Конвенции против пыток и дело *Soering v UK* A161 (1989); 11 EHRR 43.

⁶⁶ См. следующее заявление Жияра: «Международное гуманитарное право, право беженцев и право прав человека являются взаимодополняемыми отраслями права, которые призваны служить общей цели – защите жизни, здоровья и достоинства людей. Они составляют сложную структуру взаимодополняемых гарантий защиты, и принципиально важно, чтобы мы поняли взаимосвязь между ними». Заявление на Всемирной конференции судей, специализирующихся в области права беженцев, которая прошла в Стокгольме 21-23 апреля 2005 г. (см. Statement at the International Association of Refugee Law Judges World Conference, Stockholm, 21-23 April 2005 <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/6t7g86?opendocument>).

⁶⁷ См.: Rodley, *The Treatment of Prisoners in International Law*, 2nd edn (Oxford: Clarendon Press, 1999) at chapter 9.

⁶⁸ См. ст. 76 Кодекса Либера.

⁶⁹ Ст. 27 Проекта Международной декларации о законах и обычаях войны (Брюссельской декларации). Военный сборник, 1875. № 2. С. 153–160.

⁷⁰ Ст. 69 Руководства, принятого Институтом международного права (Оксфордское руководство), Оксфорд, 9 сентября 1880 г. (см. Schindler and Toman (eds), *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents*, 3rd edn (The Hague: Martinus Nijhoff, 2004) at 238).

85, 87, 89–92 и 142 Четвертой Женевской конвенции распространили действие этой нормы также и на гражданских лиц, лишенных свободы в связи с международным вооруженным конфликтом.

Сегодня в рамках посещений лагерей для военнопленных, лагерей для интернированных гражданских лиц и мест содержания под стражей МККК осуществляет мониторинг условий содержания и, при необходимости, дает рекомендации по их улучшению. Как сказал президент МККК Якоб Келленбергер:

«Условия, в которых содержатся заключенные, могут сами по себе стать показателем того, насколько гуманно с ними обращаются. Лицам, лишенным свободы, должны быть созданы надлежащие условия содержания, включая нормальное питание и доступ к питьевой воде, приемлемые санитарно-гигиенические условия, квалифицированное медицинское обслуживание и возможность достаточного по продолжительности пребывания на свежем воздухе. Условия содержания во многих странах мира по-прежнему остаются крайне неудовлетворительными и даже опасными для жизни. МККК отмечает ухудшение условий в учреждениях содержания под стражей в последние годы. Удерживающие власти, вероятно, не имеют возможности обеспечить удовлетворительные условия содержания заключенных. или им недостает для этого политической воли. Государства должны немедленно приступить к решению этих серьезных проблем, а международное сообщество, организации, занимающиеся вопросами развития, и финансовые учреждения – оказать им необходимую поддержку.

Среди задержанных существуют такие группы лиц, совершение насилия в отношении которых наиболее вероятно. По этой причине они нуждаются в особой защите. Государства должны принимать меры по защите женщин, находящихся в учреждениях содержания под стражей, от изнасилований, принуждения к занятию проституцией и других проявлений сексуального насилия. Следует уделять особое внимание вопросам питания и медицинского обслуживания беременных женщин, а также детей, находящихся в местах содержания под стражей со своими матерями. Необходимо также учитывать особые потребности несовершеннолетних, представителей этнических меньшинств, пожилых и немощных граждан»⁷¹.

⁷¹ Выступление президента МККК Якоба Келленбергера на 61-й сессии Комиссии ООН по правам человека, 16 марта 2005 г. (http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/B6FZT?OpenDocument&style=custo_print)

В соответствии с этим заявлением МККК на практике обращается к вопросам соблюдения следующих обычных норм МГП, целью которых является обеспечение прав и защиты лиц, лишенных свободы в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов:

- 1) лицам, лишенным свободы, должны предоставляться кров, а также продовольствие и вода в достаточном количестве и соответствующая медицинская помощь⁷²;
- 2) женщины, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, отдельных от помещений, предназначенных для мужчин, за исключением случаев, когда семьи содержатся вместе; женщины должны находиться под непосредственным надзором женщин⁷³;
- 3) дети, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, отдельных от помещений для взрослых, за исключением случаев, когда семьи содержатся вместе⁷⁴;
- 4) лица, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, находящихся достаточно далеко от зоны военных действий и предоставляющих гарантию в отношении здоровья и гигиены⁷⁵;
- 5) запрещено отнимать у лиц, лишенных свободы, их личные вещи⁷⁶;
- 6) личные данные лиц, лишенных свободы, должны быть зарегистрированы⁷⁷;
- 7) во время международных вооруженных конфликтов МККК должен регулярно предоставляться доступ ко всем лицам, лишенным свободы, для того, чтобы проверить условия их содержания и восстановить связь между этими лицами и их семьями⁷⁸;

⁷² Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 118. С. 546. Кроме этого, право на получение крова, продовольствия и воды в достаточном количестве, а также соответствующей одежды, медицинской помощи и иных предметов, необходимых для выживания, упомянуто в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 применительно к ситуациям оккупации.

⁷³ Там же, норма 119. С. 550.

⁷⁴ Там же, норма 120. С. 552.

⁷⁵ Там же, норма 121. С. 555.

⁷⁶ Там же, норма 122. С. 557.

⁷⁷ Там же, норма 123. С. 560.

⁷⁸ Там же, норма 124 (А) . С. 563.

- 8) во время немеждународных вооруженных конфликтов МККК может предложить свои услуги сторонам в конфликте, с тем чтобы провести посещения всех лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом, с целью проверить условия их содержания и восстановить связь между этими лицами и их семьями⁷⁹;
- 9) лицам, лишенным свободы, должно быть разрешено переписываться с их семьями при соблюдении разумных условий, связанных с частотой переписки и необходимостью цензуры со стороны властей⁸⁰;
- 10) гражданским интернированным лицам и лицам, лишенным свободы в связи с немеждународным вооруженным конфликтом, должны быть разрешены, насколько это практически возможно, свидания, особенно с близкими родственниками⁸¹;
- 11) личные убеждения и религиозная практика лиц, лишенных свободы, должны уважаться⁸²;
- 12) военнопленные должны быть незамедлительно освобождены и репатрированы после окончания активных военных действий⁸³;
- 13) гражданские интернированные лица должны быть освобождены сразу же, как только прекратится действие причин, обусловивших их интернирование, но самое позднее – в кратчайшие по возможности сроки после окончания активных военных действий⁸⁴;
- 14) лица, лишенные свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом немеждународного характера, должны быть освобождены сразу же, как только прекратится действие причин, обусловивших лишение свободы⁸⁵.

⁷⁹ Там же, норма 124 (В) . С. 564.

⁸⁰ Там же, норма 125. С. 568.

⁸¹ Там же, норма 126. С. 571.

⁸² Там же, норма 127. С. 573. Запрещение необоснованно ограничивать право военнопленных отправлять их религиозные обряды также содержится в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 применительно к ситуации оккупации. См. там же, норма 104.

⁸³ Там же, норма 128 (А). С. 575. Нормы, перечисленные в сносках 83–85, связаны с освобождением лиц, содержащихся под стражей, но для удобства отнесены к условиям содержания.

⁸⁴ Там же, норма 128 (В) . С. 575.

⁸⁵ Там же, норма 128 (С) . С. 575. Следует также отметить, что нормы 125-8 упоминаются и в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 в связи с нарушениями целостности

4. Нарушение надлежащей правовой процедуры

Гарантии надлежащей правовой процедуры, которые играют важнейшую роль в МППЧ, также составляют основу МГП как свода правовых норм, имеющих защитное действие. В чрезвычайных обстоятельствах вооруженного конфликта очень важно, чтобы существовала база для компетентного и, насколько это возможно, беспристрастного судебного пересмотра принятых решений, а также возможность для лиц, пользующихся защитой в соответствии с МГП, довести обстоятельства своего конкретного случая до соответствующих органов власти, с тем чтобы последние приняли во внимание их аргументы. МККК придает особое значение двум аспектам надлежащей правовой процедуры: возможности судебного пересмотра оснований для содержания под стражей и соблюдение правовых и иных процессуальных гарантий.

А. Произвольный или незаконный арест или задержание (включая тайное содержание под стражей или содержание под стражей без разглашения информации о месте содержания)

Произвольное содержание под стражей запрещено договорами в области прав человека⁸⁶ и МГП⁸⁷. В МГП определяются основания для содержания под стражей и указываются соответствующие процедуры как для международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, а в праве прав человека защита лиц, содержащихся под стражей, находит дальнейшее закрепление, так как в судебной практике его контрольных органов уточняется понятие «произвольное» или «незаконное содержание под стражей»⁸⁸ и прописываются дальнейшие защитные меры. Оба этих аспекта будут вкратце освещены ниже.

семьи.

⁸⁶ Ст. 9 ВДПЧ, ст. 9 (1) МППП, ст. 5 ЕКПЧ, ст. 7 (3) Американской конвенции, ст. 6 Африканской хартии.

⁸⁷ Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 99. С. 439.

⁸⁸ Как правило, если для ареста или задержания не имеется правовых оснований, они рассматриваются как произвольные (например, содержание под стражей после истечения вынесенного ранее приговора или содержание под стражей вследствие несоблюдения судебных или иных процессуальных гарантий). Арест или задержание может быть законным по национальному законодательству, но при этом все равно рассматриваться как произвольное, если оно несоразмерно по отношению к достижению правомерной цели, служащей общественным интересам. В целом понятие «произвольный» в отношении ареста или задержания «считается шире, нежели

В условиях международных вооруженных конфликтов лица могут законно содержаться под стражей на обозначенных в четырех ЖК основаниях, которые излагаются ниже.

- 1) В Первой Женевской конвенции регулируются вопросы, касающиеся содержания под стражей или задержания медицинского и духовного персонала в связи с вооруженным конфликтом⁸⁹;
- 2) Во Второй Женевской конвенции регулируются вопросы, связанные с содержанием под стражей или задержанием медицинского и духовного персонала госпитальных судов⁹⁰.
- 3) В Третьей Женевской конвенции определяются условия, при которых военнопленные могут быть интернированы на время активных военных действий⁹¹, а также рассматриваются вопросы, связанные с дисциплинарными санкциями, судебными расследованиями и репатриацией тяжело раненных или больных военнопленных⁹²;
- 4) Согласно положениям Четвертой Женевской конвенции, единственным основанием для интернирования или принудительного поселения покровительствуемых лиц в определенном месте может служить то, что это совершенно необходимо для безопасности державы, во власти которой они находятся, или оккупирующей державы⁹³. В деле Делалича МТБЮ истолковал статью 42 в том смысле, что она разрешает интернирование только при наличии «серьезных и правомерных» оснований полагать, что лица, которые интернируются, могут представлять серьезную угрозу для безопасности державы, во власти которой они находятся, занимаясь, например, саботажем или шпионажем⁹⁴.

понятие «незаконный». См., например: *Albert Womah Mukong v Cameroon* (458/1991), CCPR/C/51/D/458/1991; 2 IHRR 131 (1994) at 12.

⁸⁹ Ст. 28, 30 и 32 ЖК I.

⁹⁰ Ст. 36 и 37 ЖК II.

⁹¹ Ст. 21 и 118 ЖК III.

⁹² Ст. 90, 95, 103 и 109 ЖК .

⁹³ Ст. 42 и 78 ЖК IV.

⁹⁴ *The Prosecutor v Zejnil Delalic, Zdravko Mucic also known as “Pavo”, Hazim Delic Esad Landzo also known as “Zenga”, Judgment, IT-96-21-A (2001)*, at paras 576 and 577. По вопросам других ограничений, связанных с содержанием под стражей, содержащихся в МПТ, см. сноски 83–85.

Что касается немеждународных вооруженных конфликтов, основания для содержания под стражей определяются в соответствии с национальным законодательством (в первую очередь военными уставами и наставлениями, административным и уголовным правом и процедурами), а также с международными договорами в области прав человека⁹⁵.

С 1949 г. право прав человека сделало важный шаг вперед (в особенности это касается судебной практики его контрольных органов) в отношении процедур, необходимых для предотвращения произвольного лишения свободы. В частности, МППЧ устанавливает обязательство информировать арестованное или задержанное лицо о причинах ареста или задержания на языке, который он или она понимает (i); обязательство незамедлительно доставить к судье лицо, арестованное по уголовному обвинению (ii); обязательство предоставить лицу, лишённому свободы, возможность оспорить законность содержания под стражей (iii). Хотя обязательства i) и ii) не указаны как неотъемлемые ни в международных, ни в региональных договорах в области прав человека, из соответствующей судебной практики следует, что их действие ни при каких обстоятельствах не может быть полностью приостановлено; отступления от обязательства ii) невозможны⁹⁶.

В. Несоблюдение процессуальных или иных гарантий

Требование соблюдения судебных и иных процессуальных гарантий означает в первую очередь соблюдение права на справедливое судебное разбирательство. Право на справедливое судебное разбирательство является основополагающим правом человека, прописанным во всех основных источниках МГП⁹⁷, а также в обязательных к исполнению и декларативных документах в области МППЧ⁹⁸. Нарушение права покровительствуемого лица на справедливое судебное разбирательство наказуемо как деяние, являющееся серьезным нарушением

⁹⁵ Более подробно вопрос освещен в: Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 99. С. 443.

⁹⁶ Там же. С. 445-6 и 447-8.

⁹⁷ Ст. 49 ч. 4 ЖК I; ст. 50 ч. 4 ЖК II; ст. 102-8 ЖК III; ст. 5 и ст. 66-75 ЖК IV; ст. 71 п. 1 и ст. 75 п. 4 ДП I; ст. 6 п. 2 ДП II; ст. 17 п. 2 Второго протокола (1999 г.) к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

⁹⁸ Ст. 41 п. 1 МППП; ст. 40 (2) (b) (iii) КПП; ст. 6 (1) ЕКПЧ; ст. 8 (1) Американской конвенции; ст. 7 Африканской хартии; ст. 18 ВДПЧ; ст. 19 (е) Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. (http://www.ciet.org.ua/docs/sbornik/507-509_3_4_1990.doc) и ст. 47 Хартии основных прав Европейского союза (2000 г.) (<http://www.portalzakona.ru/zakonoproekti/vtoroe51700chtenie.html>)

ем по смыслу положений Третьей и Четвертой ЖК и ДП I⁹⁹. Статья 3, общая для всех Женевских конвенций, запрещает при немеждународных вооруженных конфликтах вынесение или приведение в исполнение приговора без предварительного разбирательства в надлежащем образом учрежденном суде. Лишение права на беспристрастное судебное разбирательство также квалифицируется как военное преступление в Статуте МУС, Уставах МТБЮ, МУТР и Специального суда по Сьерра-Леоне¹⁰⁰. С другой стороны, это право указано в тех же самых источниках как одна из процессуальных гарантий, которые предоставляются лицам, предстающим перед этими судами¹⁰¹.

Право на беспристрастное судебное разбирательство является по своей природе составным. Оно включает в себя ряд конкретных процессуальных элементов, которые уравнивают друг друга, – предполагается, что их сочетание в своей совокупности позволит обеспечить лицу, которое вовлечено в административный или уголовный (реже – гражданский) процесс, судебную процедуру, которая по большей части будет справедливой и обоснованной. Считается, что это право включает в себя как минимум следующие компоненты¹⁰²:

- 1) судебное разбирательство в независимом, беспристрастном и надлежащем образом учрежденном суде;
- 2) презумпция невиновности и наличие основных требований к предъявляемым доказательствам;
- 3) безотлагательное информирование обвиняемого о характере и причинах предъявляемого ему обвинения;
- 4) необходимые права на защиту и средства защиты;
- 5) личная (индивидуальная) уголовная ответственность¹⁰³;
- 6) проведение суда без неоправданной задержки;

⁹⁹ Ст. 130 ЖК III; ст. 147 ЖК III и ст. 85, п.4, пп. е ДП I.

¹⁰⁰ Ст. 8 (2) (a) (vi) и ст.8 (2) (c) (iv) Статута МУС; ст. 2 (f) Устава МТБЮ; ст. 20 (2) Устава МУТР; ст. 17 (2) Устава Специального суда по Сьерра-Леоне.

¹⁰¹ Ст. 67 (1) Статута МУС; ст. 21 (2) Устава МТБЮ; ст. 20 (2) Устава МУТР; ст. 17 (2) Специального суда по Сьерра-Леоне.

¹⁰² Более подробно этот вопрос освещается в: Жан-Мари Хенкерцс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 100. С. 450–473. По вопросу осуществления гарантий справедливого судебного разбирательства в условиях немеждународных вооруженных конфликтов см.: Sayarin, 'The Application of the Fair Trial Guarantees to Alleged Terrorists in Non-International Armed Conflicts', (2004) 3 *Humanita* res Vo»lkerrecht - Informationsschriften 152 at 157-9.

¹⁰³ Жан-Мари Хенкерцс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 102. С. 476-77.

- 7) допрос свидетелей обвиняемым;
- 8) право на помощь переводчика;
- 9) присутствие обвиняемого на суде;
- 10) запрещение принуждения обвиняемых к даче показаний против самих себя или к признанию себя виновными;
- 11) открытое судебное разбирательство;
- 12) уведомление осужденных об имеющихся у них средствах судебной защиты и сроке их использования;
- 13) non bis in idem.

Признавая важность права на беспристрастное судебное разбирательство для сохранения целостности и достоинства человеческой личности, МККК сделал ряд официальных заявлений по этому вопросу, в том числе по случаю учреждения МУС и по случаю 30-й годовщины ДП 1977 года к ЖК¹⁰⁴.

5. Нарушение норм, связанных с передвижением

Произвольные перемещения лиц или произвольное изгнание

Как международные, так и основные региональные договоры в области права прав человека устанавливают нормы, регулирующие свободу передвижения и свободу выбора местожительства¹⁰⁵. Кроме того, они также ограничивают возможность государств на законных основаниях высылать со своей территории иностранцев¹⁰⁶. В отличие от большинства положений права прав человека, проанализированных выше, данные нормы не являются неотъемлемыми и могут быть в разумных пределах ограничены в случае чрезвычайной ситуации в государстве.

¹⁰⁴ См. например: «Учреждение Международного уголовного суда», 52-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, Шестой комитет, пункт повестки дня 150; и заявление МККК, сделанное в Нью-Йорке 23 октября 1997 г. (см. <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/>); «Учреждение Международного уголовного суда» – заявление МККК на 56-й Генеральной Ассамблее ООН, Нью-Йорк, 12 ноября 2001 г., 57jnsj?opendocument – на английском языке); <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/57tc4k?opendocument>; «Право войны выдержало серьезное испытание временем» – редакционная статья Филиппа Шперри, директора Управления международного права и сотрудничества внутри Движения, МККК, от 1 июня 2007 г. (<http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList99/1214252548B1EA6FC32572F1004A0603>).

¹⁰⁵ Ст. 12 МПГПП; ст. 2 и ст. 3 Протокола № 4 к ЕКПЧ; ст. 22 Американской конвенции; ст. 12 Африканской хартии.

¹⁰⁶ Ст. 13 МПГПП; ст. 4 Протокола к ЕКПЧ; пп. 5 и 9 ст. 22 Американской конвенции; ст. 12 (5) Африканской хартии.

Однако по сути эти нормы ППЧ совпадают с нормами МГП, так как запрещение депортации или насильственного перемещения гражданских лиц издавна считается серьезным нарушением законов и обычаев войны. Это запрещение содержится уже в Кодексе Либера, в котором указывалось, что «частных лиц... не увозят против их воли в дальние края»¹⁰⁷. В Уставе Нюрнбергского трибунала «увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории» квалифицировался как военное преступление¹⁰⁸. Позднее, в Четвертой Женевской конвенции и ДП I к ней¹⁰⁹, депортирование или перемещение гражданского населения оккупированной территории по причинам иным, нежели безопасность данного населения или настоятельная военная необходимость, было квалифицировано как серьезное нарушение. Согласно Статуту МУС, «перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории» квалифицируется как военное преступление при международных вооруженных конфликтах¹¹⁰.

Применительно к немеждународным вооруженным конфликтам используется несколько другая терминология: ДП II запрещает «перемещение» гражданского населения¹¹¹. Это же запрещение, только сформулированное языком международного уголовного права, содержится в статье 8 (2) (e) (viii) Статута МУС. Кроме того, следует отметить, что депортация или перемещение гражданского населения является преступлением против человечности по смыслу Уставов МТБЮ и МУТР, а также Статута МУС¹¹².

Явное отступление от запрета на перемещение гражданских лиц, которое применяется в случаях, где под угрозу поставлена безопасность гражданских лиц или существуют настоятельные причины военной необходимости, – эвакуация. Это отступление от запрета действует до тех пор, пока существуют причины, которыми оно вызвано, согласно положениям МГП. Данное отступление от нормы прописано

¹⁰⁷ Ст. 23 Кодекса Либера.

¹⁰⁸ Ст. 6 (b) Устава МВТ.

¹⁰⁹ Ст. 147 ЖК IV; ст. 85, п. 4, пп. а ДП I.

¹¹⁰ Ст. 8 (2) (b) (viii) Статута МУС.

¹¹¹ Ст. 17, п.1 ДП II.

¹¹² Ст. 5 (d) Устава МТБЮ; ст. 3 (d) Устава МУТР; ст. 7 (1) (d) Статута МУС.

в Четвертой Женевской конвенции и ДП II¹¹³. Возможность эвакуации предусмотрена также во многих наставлениях для ВС и в законодательстве многих государств¹¹⁴.

Позиция МККК по вопросу депортации и перемещения гражданского населения в полном объеме учитывает применимые нормы МГП. Ее можно обобщить следующим образом¹¹⁵:

- 1) вооруженные конфликты являются одной из основных причин перемещения гражданских лиц;
- 2) МККК рассматривает лиц, перемещенных внутри страны (ВПЛ) в первую очередь как гражданских лиц. В этом качестве ВПЛ пользуются защитой МГП и являются одной из основных категорий лиц, подпадающих под действие мандата МККК. В соответствии с принципом беспристрастности МККК уделяет первоочередное внимание лицам, находящимся в наиболее уязвимом положении;
- 3) МГП, положения которого являются юридически обязательными к исполнению как для государств, так и для негосударственных акторов, является действенным инструментом для решения большинства проблем, связанных с перемещением внутри страны в ситуациях вооруженного конфликта;
- 4) МККК содействовал разработке «Руководящих принципов по вопросу о перемещении лиц внутри страны»¹¹⁶ (инициатива Франсиса Денга, представителя Генерального секретаря по вопросу о внутренне перемещенных лицах) и оказывает содействие при их распространении и использовании;
- 5) основная ответственность за решение проблем, связанных с перемещением лиц внутри страны, и за предоставление защиты и помощи ВПЛ лежит на органах власти государств;

¹¹³ Ст. 49 ч. 2 ЖК IV; ст. 17 п. 1 ДП II.

¹¹⁴ Жан-Мари Хенкерцс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы. Норма 129. С. 587-9.

¹¹⁵ См.: 'War and displacement: key points. Respecting the rights of civilian populations in armed conflict and other situations of violence is the best prevention against displacement. No affected person should be left unattended and all should benefit from protection and assistance in accordance with their needs', 16 March 2007, available at: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/5dhd4v?opendocument> (на англ. яз.)

¹¹⁶ См.: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instreet/RGuidingPrinciplesonInternalDisplacement.html>

- 6) МККК стремится сохранить условия, способствующие тому, чтобы люди оставались в своих домах, обеспечить защиту тем лицам, которые были вынуждены покинуть свои дома, и при необходимости содействовать их возвращению. Чтобы удовлетворить потребности пострадавших, МККК ведет конфиденциальный диалог со всеми сторонами в конфликте;
- 7) будучи одной из крупнейших гуманитарных организаций, работающих с ВПЛ, МККК стремится улучшить основанную на принципе взаимодополняемости координацию практической деятельности между составными частями Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, ООН и неправительственными организациями, выполняя в то же время свою роль нейтрального и независимого посредника в ситуациях вооруженного конфликта.

Более недавний пример: МККК приветствовал принятие Рекомендаций по вопросу о перемещении внутри страны населения в случае вооруженного конфликта, которое состоялось на десятом семинаре, проведенном совместно с Департаментом по политическим вопросам Комиссии Африканского Союза 27 мая 2008 г.¹¹⁷ На семинаре были подробно рассмотрены такие вопросы, как правовая база и мандат международных правительственных и неправительственных организаций, ведущих деятельность в пользу ВПЛ, а также наиболее действенные способы добиться того, чтобы оперативная деятельность наилучшим образом удовлетворяла имеющиеся потребности в области защиты и помощи. По итогам работы семинара были сделаны следующие выводы:

- i. Правовая база, разработанная на международном, региональном и национальном уровне, должна лежать в основе любого политического и практического решения проблем, с которыми сталкиваются лица, перемещенные внутри страны, а также и сообщества, принимающие ВПЛ.
- ii. Наилучшим методом решения проблемы перемещения является превентивная деятельность. Участники семинара подчеркнули важность того, чтобы государства – члены Африканского Союза приняли меры для того, чтобы повысить эффективность действий, направленных на достижение этой цели.

¹¹⁷ См.: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/7g8hfy?opendocument>.

- iii. Насильственного перемещения лиц следует избегать, как этого требует международное право, за исключением случаев, когда оно вызвано соображениями настоятельной военной необходимости или защиты самих гражданских лиц.
- iv. Важно, чтобы в будущей Конвенции о предоставлении защиты и помощи лицам, перемещенным внутри своих стран в Африке, сохранялись и укреплялись уже действующие нормы международного права, действующие в отношении перемещения внутри страны.
- v. Основная ответственность за решение проблем, вызванных перемещением внутри страны, и за обеспечение защиты и помощи ВПЛ лежит на сторонах в конфликте, так как большинство этих лиц являются гражданами стран, в пределах территории которых они оказались перемещены.
- vi. Трудности, с которыми сталкиваются ВПЛ, следует рассматривать в более широком контексте трудностей, которые испытывает все население, затронутое этим феноменом, признавая при этом, что у ВПЛ имеются особые насущные потребности гуманитарного характера, а также потребности в защите и что их перемещение может иметь серьезные последствия для принимающего их населения. Следовательно, государства – члены Африканского Союза и иные субъекты гуманитарной деятельности должны при решении проблем, связанных с перемещением лиц внутри страны, применять комплексный подход, учитывая насущные потребности как перемещенных лиц, так и принимающего их населения.
- vii. Все меры, принимаемые для оказания помощи перемещенным лицам, должны определяться на основе оценки потребностей этих лиц, учитывающей потребности как в области защиты, так и в области помощи. Это необходимо, чтобы принять надлежащие меры, исходя из конкретных выявленных потребностей.
- viii. Ввиду масштабного характера проблемы перемещения внутри страны, не позволяющего ни одной организации решить ее исключительно своими силами, для обеспечения комплексного решения данной проблемы необходимо делать упор на эффективной координации деятельности организаций,

работающих в этой области, взаимодополняемости их усилий и укреплении этой деятельности.

- ix. Необходимо создавать условия для возвращения и реинтеграции в общество ВПЛ; речь идет не только о принятии необходимых мер социально-экономического характера, но и о создании атмосферы уважения прав гражданских лиц, предусмотренных в МГП и МППЧ.

В заключение участники выразили пожелание, чтобы данные рекомендации были доведены до сведения глав государств и правительств на специальном саммите Африканского Союза, запланированном на конец 2008 г. для их рассмотрения подкомитетом по вопросу беженцев, возвращенцев и ВПЛ Комитета постоянных представителей.

6. Заключение

В последнее десятилетие МККК чаще, чем когда-либо до этого, ссылался на МППЧ, и эти ссылки носили скорее прямой, нежели косвенный характер. Можно ожидать, что эта новая тенденция повлечет за собой два вида последствий для МККК. С одной стороны, МППЧ, несомненно, может помочь делу повышения эффективности защиты и помощи, которые МККК оказывает жертвам вооруженных конфликтов, благодаря международно-правовому характеру (речь идет как о обычном, так и о договорном праве) ряда прав человека (особенно неотъемлемых). С другой стороны, МККК следует проявлять бдительность, чтобы не поставить под угрозу особый характер организации, что может произойти в случае непоследовательного использования риторики прав человека, которое может, в свою очередь, привести к тому, что МККК начнут путать с правозащитными организациями. При ссылках на МППЧ, даже если число и характер таких ссылок будут ограниченными, сотрудники МККК должны не забывать, что они представляют организацию, которая по своей природе несколько отлична от организации, которая существовала пять, а то и три года назад. Поэтому, возможно, возникнет необходимость в предоставлении партнерам организации соответствующих разъяснений причин, по которым организация, которая на протяжении своей истории была связана с МГП, теперь в своей практике ссылается также и на право прав человека. Полагаю, что МККК может в достаточной степени снизить вероятность утраты им своего особого характера в силу вышеизложенных причин, если организация будет должным образом вести информационную

работу со всеми своими партнерами на местах, как на уровне руководства, так и на уровне исполнителей, а также если МККК, памятуя о своей роли хранителя МГП, будет следить за развитием норм МППЧ, чтобы своевременно отражать в МГП произошедшие в МППЧ изменения и нововведения.

The International Committee of the Red Cross and Civil Rights (Part I) (Summary)

*Sergey V. Sayapin**

Throughout a considerable part of its history, the International Committee of the Red Cross (ICRC) has customarily refrained from invoking international human rights law, for reason of this law's alleged politicisation. However, the changing character of armed conflicts and other situations of violence where the ICRC is currently operating have prompted it to set a framework for making some limited use of selected and applicable human rights, for the purpose of reinforcing the protection and assistance it provides. This article examines the norms of international law representing civil rights, which the ICRC may invoke in its humanitarian action, as well as the conditions for their invocation in the ICRC practice.

Keywords: civil rights; international humanitarian law (IHL); international human rights law (IHRL); International Committee of the Red Cross (ICRC); right to life; right to non-discrimination; right to physical and psychological integrity; procedural guarantees; freedom of movement.

* Sergey Sayapin – Dr. iur. candidate at the Humboldt-Universität zu Berlin's Chair for German and International Criminal Law, Criminal Procedure and Contemporary Legal History. He also is Responsible for the Programme for the Academic Circles at the Regional Delegation in Central Asia of the International Committee of the Red Cross (ICRC). Whilst the author has made every effort to ensure maximum accuracy in the interpretation of ICRC documentation, this article may not necessarily reflect the ICRC's institutional views. The author is grateful to Tatyana-Maria Komerzan, translator at the ICRC Regional Communication Support Centre (Moscow), for her assistance in the preparation of this article's manuscript. sergey.sayapin@yahoo.com.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Историко-правовые аспекты становления и развития принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов

*Пузырева Ю.В.**

Статья посвящена историко-правовому анализу вопроса возникновения и развития одного из специальных (отраслевых) принципов международного гуманитарного права – принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. На основе рассмотрения международных соглашений, существующих мнений философов, историков, ученых-международников по данному вопросу анализируется формирование принципа защиты гражданских объектов в контексте развития непосредственно международного публичного права. Рассмотрен современный вклад мирового сообщества в прогрессивное развитие норм о защите гражданских объектов в период вооруженных конфликтов, а также уделено внимание конфликту в Ливии с позиции нарушений норм о защите гражданского населения и гражданских объектов силами НАТО.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; принцип международного гуманитарного права; вооруженные конфликты; защита гражданских объектов; культурные ценности; развитие международных норм.

Вопрос о возникновении международно-правовых норм, регламентирующих защиту гражданских объектов в период вооруженных

* Пузырева Юлия Владимировна – к.ю.н., преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России. yuliya_dugina@mail.ru.

конфликтов, достаточно дискусионен. По мнению Б.М. Таубе, право войны уходит своими корнями в Средние века, поэтому именно в данный период произошла «...выработка известной юридической нормировки для самых насильственных средств разрешения международных конфликтов»¹. Он также полагает, что в Средневековье по вопросу принципа защиты гражданских объектов существовали лишь отдельные нормы и научные высказывания².

Согласно позиции профессора С.А. Егорова, «зарождение принципа проведения различия между военными и гражданскими объектами и направления военных действий строго против военных объектов (именуемого нами как принцип защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов) происходило в XVIII в. под влиянием идей выдающихся мыслителей»³. В своем известном труде «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо высказал мысль о том, что «война есть отношение между государствами, а не частными лицами»⁴, и, следовательно, как это справедливо констатирует английский юрист Л. Оппенгейм, военные действия должны вестись лишь между комбатантами, гражданское население и гражданские объекты не должны подвергаться вооруженному нападению⁵. Широкое признание среди большинства европейских авторов идея Ж.-Ж. Руссо получила только во второй половине XIX в., то есть более ста лет спустя после ее провозглашения. Это привело к тому, что со второй половины XIX в. началось конвенционное закрепление норм международного гуманитарного права, касающихся защиты гражданских объектов и гражданского населения во время войны⁶.

Вместе с тем, соглашаясь с мнением профессора В.В. Фуркало, отмечающего, что «прежде чем сформировавшиеся в практике вооруженной борьбы отдельные традиции и обычаи, соблюдение которых признавалось воюющими взаимовыгодными, ...трансформировались в обычные нормы международного права, потребовались многие сотни

¹ Таубе Б.М. История зарождения современного международного права (Средние века). Принципы мира и права в международных столкновениях Средних веков. Т. 2. Харьков, 1899. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Егоров С.А. Международно-правовая защита гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 28.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Оппенгейм Л. Международное право. Т. II, полутом I. М., 1949. С. 233.

⁶ Егоров С.А. Указ. соч. С. 28.

лет»⁷, полагаем, что это в полной мере относится и к нормам, регламентирующим защиту гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. В этой связи считаем, что зарождение принципа защиты гражданских объектов от нападений в период вооруженных столкновений произошло все-таки задолго до XVIII в., еще в древности. С целью подтверждения данного факта проведем историко-правовой анализ возникновения и дальнейшего развития международно-правовых норм в этой сфере отношений.

Как справедливо отметил А.А. Ахметзянов: «...В гуманитарном праве в целом идеи намного опережали свое время, то есть тот момент, когда они становились нормами международного права, и пережили своих авторов на сотни и даже тысячи лет»⁸. Наиболее показательна в этом отношении идея развития и закрепления в нормах международного права принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов.

Исходя из периодизации истории международного права, мы предлагаем выделить следующие исторические этапы данного процесса: древность; Средние века (V–XVII вв.); новое время⁹.

Древность

В данный исторический период все войны проходили ради трофеев. Абсолютизация войны вылилась в право, которое ничем не ограничивалось, кроме притязаний самих воюющих. Война и трофеи составляли основную доходную часть для древних и античных государств.

Однако история показывает, что с древнейших времен принимались меры для сохранения святынь и произведений искусства, а также иных разновидностей гражданских объектов (в современном понимании данного термина). Так, в Греции в эпоху городов-государств важнейшие святилища, такие как Олимпия, Делос, Дельфы и Додо-

⁷ Фуркало В.В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов. Киев, 1986. С. 8.

⁸ Развивая эту мысль, А.А. Ахметзянов пишет, что «высказывания готовили как бы идеологическую почву, войны подтверждали либо опровергали правоту высказываний... и лишь наиболее бесспорные положения впоследствии вошли в международно-правовые акты». Ахметзянов А.А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 15.

⁹ Такая периодизация истории международного права рассмотрена П.В. Саваськовым, одним из авторов учебника «Международное право». См.: Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2005. С. 17-18.

на, признавались священными и неприкосновенными: всякое насилие в них запрещалось, а побежденные воины противника могли найти там убежище¹⁰. Однако как государственное (общественное), так и личное имущество граждан вражеской стороны могло быть захвачено и уничтожено, особенно часто уничтожались и вырубались сосны и оливковые деревья¹¹.

Известный мыслитель того времени Платон в своих трудах рассуждал о войне как естественном и поэтому необходимом состоянии, когда речь идет об отношении с варварами. Однако в своих сочинениях он также размышлял о том, что «...ведь самое лучшее – это не война, не междоусобия: ужасно, если возникает в них нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие»¹². Именно поэтому Платон считал, что если война все же началась, то надо по возможности смягчать военные действия – не разрушать храмы, щадить пленных и покинувших поле сражения, устраивать перемирия для погребения убитых.

У древних римлян право войны обладало многими сходными чертами с теми, которые были присущи грекам, однако оно было более разработанным, религиозно и философско-политически обоснованным. Поскольку война рассматривалась римлянами как исполнение воли их богов, то долгое время не признавали в отношении нее никаких ограничений. Даже боги врага не были для них богами. Поэтому храмы и другие святыни могли быть разрушены или обращены в добычу. Взятые штурмом или сдавшиеся на милость города, их жители и имущество признавались добычей победителя без всяких ограничений¹³. Так было на заре Римской империи, так продолжалось долгое время и в дальнейшем.

Римский юрист М.Т. Цицерон в своих работах юридически обосновывал как мирные отношения, так и войну, считал захват военнопленной добычи и обращение покоренных в рабство, безусловно, правомерными. Впрочем, тогда никто в этом не сомневался. К примеру, Саллюстий постоянно подчеркивал, что «по праву войны ... победителю дозволено все»¹⁴.

¹⁰ Бьюнзон Ф Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. МККК. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. М., 2004. С. 7.

¹¹ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 24.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Указ. соч. С. 39.

В Индии во второй половине I тысячелетия до н.э. нормы войны были весьма развитыми. Законы Ману подчеркивали, что война является крайним средством разрешения споров, когда исчерпаны все мирные возможности. Не подлежали захвату и разрушению храмы и другие культовые сооружения, а их хранители, равно как и хранители мостов, колодцев и т.п., пользовались неприкосновенностью (правда, история свидетельствует, что эти нормы нередко нарушались)¹⁵. Хотя эти нормы и не носили международно-правового характера, регулируя отношения между индийскими племенами, «достаточно важен уже тот факт, что подобные постановления могли быть сформулированы в столь отдаленную для нас эпоху»¹⁶.

В этой связи интересной представляется позиция Ф. Бюньона, полагающего, что уже в древности индусы соблюдали различие между военными объектами (лишь они подлежали нападению) и объектами гражданскими, которые подвергать нападению запрещалось¹⁷.

Индийцы никогда не опустошали неприятельские земли, не предавали их огню, не вырубали на них деревьев, не препятствовали земледелию¹⁸. Что касается имущества врага, то его захват во время военных действий считался правомерным. Это была законная добыча, часть которой поступала царю, а другая тем, кто ею непосредственно овладел. Известные индийские законы Ману содержали нормы: «Кто лично захватывает колесницу, лошадь, слона, зонтик, деньги, зерно, скот, женщин, всякое (прочее) добро и драгоценный металл, – это его. Пусть воины отдадут лучшую долю царю: так сказано в Веде; не захваченное в отдельности должно быть царем распределено между воинами»¹⁹.

Необходимо отметить, что в Индии в то время были довольно подробно разработаны нормы ведения войны на море. Как отмечали в своем труде «История международного права» Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман, торговые корабли, принадлежавшие вражескому государству, могли быть захвачены и уничтожены. Корабли, следовавшие во вражескую страну и даже в нейтральное государство, но имевшие на борту вражеский груз, уничтожались. Аналогичная судьба ожидала и вражеский груз на нейтральном судне. Единственное исключение из это-

¹⁵ Догель М. Юридическое положение личности во время сухопутной войны. Одесса, 1891. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Бюньон Ф. Указ. соч. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Законы Ману. М., 2002. С. 243-244.

го правила составляли нейтральные суда и находившиеся на их борту нейтральные грузы, адресованные врагу. Они могли избежать подобной участи, если соглашались изменить маршрут и идти в отечественные порты²⁰.

Вопросы войны в Китае занимали также одно из первых мест. Сложившиеся нормы во многом напоминали те, которые уже рассмотрены. То есть во время войны запрещалось уничтожать святыни, охотничьих птиц, разрушать и сжигать дома, уничтожать инструменты и другие орудия ремесла, деревья, продовольствие, посевы. Правда, все эти правила повсеместно нарушались.

Как справедливо заметил Ф. Бюньон, все эти древние правила, обычно имевшие религиозный характер, соблюдались народами, которые принадлежали к одной и той же культуре и поклонялись одним и тем же богам. В случае войны между народами, принадлежавшими к разным культурам, такими правилами часто пренебрегали.

Средневековье

По-прежнему преобладающей тенденцией было жечь, расталкивать, разрушать все, что удавалось настичь²¹. По свидетельству русского юриста И. Ивановского, «жестокое обращение с побежденными, бесцельное разрушение и истребление неприятельского имущества и опустошение неприятельской страны – обычные спутники средневековых войн»²². М. Догель полагал, что вооруженная борьба в эпоху феодализма «еще менее, чем в древности, подчинялась каким-либо нормам права войны. Средние века, по преимуществу период господства грубой силы, не могли создать какого-либо права войны»²³.

Практика средневековых войн свидетельствует, что все имущество неприятеля – не только государственное, но и частное – могло быть захвачено противной стороной. Грабежи были обычным спутником войны, а иногда и ее целью. Они особенно участились, когда развилась практика наемных войск, существовали даже специально снаряжаемые с этой целью отряды. То, что нельзя было увезти, часто уничтожалось: деревья вырубались, посевы специально вытаптывались и сжигались,

²⁰ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Указ. соч. С. 43.

²¹ Ахметзянов А.А. Указ. соч. С. 18.

²² Ивановский И. Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. и право войны. Одесса, 1891. С. 9.

²³ Догель М. Указ. соч. С. 100.

скот, вопреки постановлениям Вселенских соборов, убивался. Таким образом, «право добычи» действовало неотвратимо.

Вместе с тем, по мнению В.В. Фуркало, именно в Средние века происходит зарождение тенденции к известной гуманизации некоторых методов ведения вооруженной борьбы. Определенный вклад в ограничение произвола в войнах этой эпохи внесла церковь. Ее роль объяснялась тем, что в эпоху феодализма церковь представляла собой не только господствующую форму идеологии, но и являлась крупнейшим землевладельцем и в условиях бесконечных войн была заинтересована в обеспечении неприкосновенности своей собственности. Церковные земли и проживающие на них крестьяне объявлялись церковью нейтральными, запрещалась потрава полей и урожая²⁴. В частности, Синод Римско-католической церкви в 989 г. объявил, что места отправления культа и имущество отныне находятся под защитой, связанной с их сакральной природой²⁵. Вместе с тем церковь заботилась прежде всего о том, чтобы не был нанесен ущерб ее собственности, а в остальном право воюющих на неограниченное насилие не ставилось под сомнение. Достаточно вспомнить крестовые походы и религиозные войны того времени.

Нельзя не отметить, что в Средние века начинают развиваться отдельные институты международного гуманитарного права – нейтралитета и демилитаризации. Длительное время между ними не было четкого различия, но все же в отдельных случаях, как считают отдельные ученые, об этом можно судить с достаточной степенью определенности²⁶. Так, например, при Людовике XI между Францией и Испанией была заключена конвенция о демилитаризации некоторых дорог и мостов в Пиренеях. В 1379 г. по договору между Тевтонским орденом и Литвой на 10 лет была демилитаризована часть пограничной территории²⁷.

Морские войны в значительной части сводились к разрушению торговых и транспортных связей противника, что породило широкое развитие каперства и призового права.

Среди известных мыслителей, юристов того времени необходимо отметить взгляды А. Джентили, который в своей известной рабо-

²⁴ Фуркало В.В. Указ. соч. С. 10.

²⁵ Ахметзянов А.А. Указ. соч. С. 18.

²⁶ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Указ. соч. С. 66.

²⁷ Там же.

те «О праве войны» (1598 г.) писал, что во время военных действий допускаются разрушение городов, населенных пунктов противника, уничтожение или захват любой вражеской собственности, в том числе собственности частных лиц. Суровость предлагаемых им правил несомненна. Но любопытно и другое: он делает исключение не только для церквей и святых мест, но равно для произведений искусства, библиотек, рукописей. В этом, несомненно, сказалось влияние гуманизма. Не случайно все сочинения А. Джентили были внесены Римской курией в список запрещенных книг.

В конце рассматриваемого исторического периода появляется первое систематизированное произведение, в котором исследованы все основные вопросы международного права. Это труд Г. Гроция «О праве войны и мира. Три книги», вышедший в 1625 г. Именно в данном трактате можно найти рассуждения известного голландского юриста по поводу правовых ограничений методов и средств ведения войны, защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов: «Природа некоторых вещей такова, что они не имеют никакого отношения к военному делу и ведению войны... щадить соответствующие вещи тоже следует во время войны»²⁸. К покровительствуемым объектам «отец международного права» причислял садовые деревья, ввиду того что они приносят пользу победителям и дают плоды, животных, употребляемых в сельских работах²⁹. Гроций призывал щадить по мере возможности города, чтобы стяжать цветущие владения, избегать бесцельного повреждения вещей, как, например, в случаях поджога зданий, порчи съестных припасов и напитков. Развивая эту мысль, цитируемый автор приходит к выводу, что нет никакого смысла не оставлять себе ничего по окончании войны из того имущества, из-за которого ведется война³⁰.

По мнению Г. Гроция, подобно тому, как нужно соблюдать предосторожности по отношению ко всякого рода художественным ценностям по только что высказанным соображениям, так точно следует соблюдать то же отношение к предметам, посвященным отправлению богослужения³¹. Кроме того, голландский юрист считал, что долг вер-

²⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Книга III. М., 1994. С. 718.

²⁹ Там же. С. 715.

³⁰ Там же. С. 718.

³¹ Там же. С. 718–719.

ховных властей и полководцев, желающих перед богами и людьми слыть христианами, состоит в том, чтобы предупреждать грабежи городов и тому подобные бесчинства, которые не могут проходить без тяжчайшего бедствия для великого множества ни в чем не повинных людей и обычно мало способствуют главным военным успехам³².

Таким образом, проведенный нами анализ историко-юридической литературы позволяет сделать вывод, что в Средние века продолжают развиваться и усовершенствоваться правила ведения военных действий, в частности нормы, регулирующие защиту определенных групп гражданских объектов во время войны.

Новое время

В этом периоде мы предлагаем выделить три самостоятельных этапа развития правовых норм, регулирующих статус гражданских объектов в период вооруженных конфликтов: 1) с XVII в. по вторую половину XIX в. (когда началось конвенционное закрепление рассматриваемого принципа); 2) со второй половины XIX в. по начало XX в.; 3) с середины XX в. по настоящее время.

XVII в. – вторая половина XIX в.

В 1684 г. был заключен Вестфальский договор, завершивший Тридцатилетнюю войну в Европе. По мнению многих исследователей истории международного права, данный договор заложил основу классического международного права, которое формировалось в последующие столетия³³.

В XVII–XVIII вв. появились новые и претерпевали изменения действовавшие международно-правовые нормы. Новации коснулись и права войны. Так, непосредственно XVIII в. привел к некоторым изменениям в законах и обычаях военных действий, они хотя и не ликвидировали прежней, крайней жестокости войны, но, несомненно, шли по пути ее гуманизации. Появляются соглашения о неприкосновенности во время войны медицинского персонала (франко-прусское соглашение 1759 г.), о защите собственности мирного населения (Утрехтский трактат 1713 г.)³⁴. Значительной вехой в развитии законов и обычаев морской войны стала Декларация о вооруженном ней-

³² Гроций Г. Указ. соч. С. 721.

³³ Международное право. Указ. соч. С. 27.

³⁴ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Указ. соч. С. 99.

тралитете на море от 28 февраля 1780 г., с которой выступила Россия. В декларации выдвигались принципы права морской войны, среди которых необходимо отметить те, которые имеют отношение к защите гражданских объектов во время морской войны: свобода плавания нейтральных кораблей (военных и гражданских) даже вблизи берегов воюющих государств; запрет захвата на нейтральных судах собственности, принадлежащей подданным неприятельских государств (принцип «флаг покрывает груз»)³⁵.

Среди известных ученых того времени, занимавшихся вопросами права войны, следует назвать швейцарского юриста-международника Эммера де Ваттеля. В главе XIX своего известного произведения «Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» (1758 г.), Ваттель четко разграничивает гражданские и военные объекты, допуская нападения на военные объекты и распространяя режим защиты во время войны на гражданские объекты. В частности, он пишет, что «по какой бы причине ни разорялась страна, на ее территории должны быть сохранены строения, которые делают честь человечеству и не прибавляют ничего к мощи врага, а именно: храмы, могилы, общественные строения и сооружения выдающейся красоты»³⁶. Кроме того, цитируемый автор называл дикарями тех, кто вырывает виноградные лозы и вырубает фруктовые деревья, если это не делается для наказания неприятеля за посягательство на право народов³⁷. По мнению Э. Ваттеля, разграбление и разрушение городов, разорение страны огнем и мечом являются действиями, которые должны быть презираемы и осуждены во всех случаях, когда они совершаются явно *без необходимости* и *без серьезных оснований*. К военным объектам швейцарский ученый относил крепости, укрепления и оборонительные сооружения всякого рода, которые создаются исключительно для использования во время войны, поэтому, по его мнению, «не может быть ничего более справедливого или более законного для ведущего справедливую войну, чем уничтожение тех укреплений, которые он не собирает сохранить за собой»³⁸.

³⁵ Международное право. Указ. соч. С. 29.

³⁶ Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 521.

³⁷ Там же. С. 519.

³⁸ Ваттель Э. де. Указ. соч. С. 522.

Однако при всех положительных тенденциях, наметившихся в тот период, в тоже время появилась оговорка о *военной необходимости*, которая, по нашему мнению, и будет играть ключевую роль впоследствии, в процессе эволюции норм по защите гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. Например, как было замечено, Э. де Ваттель считал, что прибегать к разрушению гражданских объектов возможно, если для ведения военных действий или для проведения осады это необходимо. Кроме того, он подчеркивал, что бомбардировка городов с оправданным уничтожением гражданских объектов допускается, если осаждающий иначе не в состоянии уничтожить военные укрепления, от которых зависит успех войны, или, когда нет иных средств, чтобы заставить противника вести войну более гуманно или наказать его за какие-либо иные злоупотребления³⁹.

По мнению Ф. Бюньона, именно в рассматриваемый нами период произошло включение в позитивное международное право норм, которые предоставляют защиту гражданским объектам во время войны⁴⁰. Сначала это было сделано с помощью установления принципа различия между военными объектами и гражданским имуществом. Впервые принцип такого различия сформулировал Ж.-Ж. Руссо в XVIII в. в своем труде «Об общественном договоре, или Принципы политического права», высказав мысль о том, что «война есть отношение между государствами, а не частными лицами»⁴¹, и, таким образом, как это справедливо впоследствии констатирует английский юрист Л. Оппенгейм, военные действия должны вестись лишь между комбатантами, гражданское же население и гражданские объекты не должны подвергаться вооруженному нападению⁴².

Однако широкое признание среди большинства европейских авторов идея Ж.-Ж. Руссо получила только во второй половине XIX в. Именно в этот период началось правовое закрепление принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов.

Вторая половина XIX в. – начало XX в.

Конвенционное закрепление принципа защиты гражданских объектов от нападений в вооруженных конфликтах связано с началом ко-

³⁹ Там же. С. 521–522.

⁴⁰ Ф. Бюньон. Указ. соч. С. 9.

⁴¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998. С. 416.

⁴² Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 233.

дификации права вооруженных конфликтов. Необходимо заметить, что впервые попытка кодификации международного гуманитарного права была осуществлена не на международном уровне, а на национальном. Таким актом явилась «Инструкция полевым войскам США» 1863 г., или Кодекс Либера, получивший свое название в честь автора Френсиса Либера. Эта инструкция, принятая в ходе гражданской войны в США 1861–1865 гг., охватывала все аспекты ведения войны и была направлена на то, чтобы при ведении боевых действий избежать причинения излишних страданий и разрушений. Кодекс Либера содержал ряд статей, посвященных защите гражданских объектов.

По мнению С.А. Егорова, первым международно-правовым актом, закрепившим принцип защиты гражданских объектов, стала принятая по инициативе России в 1868 г. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль⁴³. В декларации устанавливалось, что «успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение, по возможности, бедствий войны, что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении сил неприятеля». Такая позиция представляется весьма спорной, поскольку впервые принцип защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов был закреплен в Женевской конвенции о законах и обычаях войны 1899 г.⁴⁴ и подтвержден в 1907 г. в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, а также в Конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны.

Согласно нормам Женевской конвенции 1899 г. воспрещалось «истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват действительно вызываются военной необходимостью» (п. q ст. 23 Приложения к конвенции 1899 г.); «воспрещается атаковать или бомбардировать незащищенные города, селения, жилища или строения» (ст. 25 Приложения к Конвенции 1899 г.). Положения анализируемого договора обязывали воюющие стороны при осадах или бомбардировках принимать меры к тому, чтобы «сбросить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусства и благотворительности, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям. Осаждаемые обязаны

⁴³ Егоров С.А. Указ. соч. С. 29.

⁴⁴ Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): Учебное пособие. М., 1975. С. 119.

обозначать эти здания и места особыми видными знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность» (ст. 27 Приложения к Конвенции 1899 г.). Кроме того нормы Женевской конвенции 1899 г. запрещали отдавать на разграбление город или место, даже взятое приступом (ст. 28 Приложения к Конвенции 1899 г.)

В Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (п «ж» XXIII, ст. XXV, ст. XXVII–XXVIII Приложения к Конвенции 1907 г.)⁴⁵ и Конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. (ст. I–VII)⁴⁶ закреплены аналогичные нормы, в полной степени раскрывающие содержание принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов.

Конечно, нельзя умалять значения Брюссельской международной конференции 1874 г., созданной при поддержке русского правительства и императора Александра II, в деле кодификации норм права вооруженных конфликтов, и в частности принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов⁴⁷. На рассмотрение конференции российская делегация предложила проект международной конвенции о законах и обычаях войны, автором которой был российский публицист, ученый, дипломат, профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс⁴⁸. В развитие формулировки Декларации 1868 г. проект конвенции устанавливал, что «военные действия должны быть направлены только против военных сил неприятеля и средств государства, а не против подданных его» (ст. II)⁴⁹. Интересной представляется формулировка ст. 6 проекта, согласно которой «армия, занявшая неприятельскую страну, имеет право присвоить себе... вообще все имущество неприятельского правительства, могущее служить военным целям»⁵⁰. Вместе с тем оккупационной армии предписывалось обязательство не захватывать собственность церковей, богоугод-

⁴⁵ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г. // Там же. С. 125–126.

⁴⁶ Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 5 (18) октября 1907 г. // Там же. С. 137–139.

⁴⁷ См. подробнее: Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 25; Фуркало В.В. Указ. соч. С. 15.

⁴⁸ Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 г. С.-Петербург, 1879. Приложения. С. 7.

⁴⁹ Проект международной конвенции о законах и обычаях войны // Мартенс Ф. Указ. соч. Приложения. С. 1.

⁵⁰ Там же. С. 3.

ных и учебных заведений, всех учреждений, посвященных научным, художественным и человеколюбивым целям. Всякое умышленное разрушение или захват подобных учреждений, памятников, художественных произведений или научных хранилищ преследуется подлежащею властью (ст. 8)⁵¹.

Кроме данных норм, целый ряд статей проекта конвенции раскрывал содержание принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов: предусматривалось запрещение обстрелов и бомбардировок открытых городов (ст. 14); при проведении бомбардировок воюющие стороны обязывались принимать все зависящие меры, насколько это возможно, для пощады находящихся в городе человеколюбивых, художественных и научных сооружений и церквей (ст. 16); запрещалось отдавать на разграбление войсками победителя города, взятые приступом (ст. 17)⁵². Впервые была предпринята попытка ограничить применение репрессалий только случаями крайней необходимости с возможным применением законов человеколюбия (ст. 69)⁵³.

К сожалению, Брюссельская конференция 1874 г. в силу ряда причин политического характера не привела к принятию соответствующего международного соглашения. Российский проект был принят лишь в форме декларации, хотя в заключительном протоколе конференции признавалась важность кодификации законов и обычаев войны. Поэтому мы полагаем, что впервые принцип защиты гражданских объектов был закреплен лишь в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг.

Дальнейшее развитие нормы о запрете нападений на гражданские объекты получили в проекте Правил ведения воздушной войны 1923 г. Хотя Гаагские правила так и не стали источником международного права, именно в них на основе анализа обычных норм и общих принципов международного права дана весьма детальная формулировка мирных и военных объектов, а также определены критерии законности нападения на военные объекты⁵⁴.

Идеи Гаагских правил были воспроизведены в доктрине, а также в ряде документов Ассоциации международного права. На сток-

⁵¹ Там же. С. 4.

⁵² Проект международной конвенции о законах и обычаях войны // Мартенс Ф. Указ. соч. Приложения. С. 7.

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Правила ведения воздушной войны // Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов. М., 2004. С. 231–232.

гольмской сессии Ассоциации международного права (1924 г.) было сформулировано следующее правило: «Воздушная война ограничена военными объектами, то есть вооруженными силами, военными предприятиями, военными учреждениями, складами, хранящими амуницию, портами, являющимися военными базами, фабриками, производящими военную амуницию, линиями коммуникаций и транспортировки, используемыми для военных целей»⁵⁵.

К сожалению, нормы международного гуманитарного права, направленные на защиту гражданских объектов в период военных действий, не спасли от уничтожения многие объекты во время Первой мировой войны и, в значительно больших масштабах, во время Второй мировой. Чтобы предотвратить повторение подобных событий, государства сочли необходимым в целях совершенствования системы международно-правовых норм, регламентирующих защиту гражданского населения и гражданских объектов, принять в 1949 г. наряду с другими конвенциями Женевскую конвенцию о защите гражданского населения во время войны. Нормы данного соглашения устанавливают специальный режим международно-правовой защиты для особых санитарных и безопасных зон и местностей (ст. 14), нейтрализованных зон, гражданских больниц, в отношении которых специально оговаривалось, что они не могут ни при каких обстоятельствах быть объектом нападений (ст. 18), а также некоторых других категорий объектов.

Середина XX в. – настоящее время

Важнейшая роль в дальнейшем прогрессивном развитии принципов и норм международного гуманитарного права принадлежит ООН. Так, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2675 (XXV) от 9 декабря 1970 г., озаглавленной «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов», провозглашается: «Жилые здания и другие сооружения, используемые лишь гражданским населением, не должны быть объектом военных операций» (п. 5)⁵⁶. Согласно п. 6 указанной резолюции запрещается превращать

⁵⁵ Цит. по кн.: Полтораки А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право (основные проблемы). М., 1976. С. 268.

⁵⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2675 (XXV) от 9 декабря 1970 г. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL:<http://www.un.org/ru/ga/25/docs/25res.shtml> (дата обращения 15.12.2011).

в объект военных действий «места и районы, отведенные единственно для защиты гражданского населения, такие как госпитальные зоны или подобные места». Необходимо заметить, что вопросы обеспечения защиты гражданских лиц, военнопленных во всех вооруженных конфликтах, а также вопросы запрещения и ограничения использования определенных методов и средств ведения войны, защиты гражданских объектов являлись постоянной темой повестки дня Генеральной Ассамблеи⁵⁷. Кроме того, многие документы, принимаемые в рамках ООН, содержали положения, согласно которым необходимо разрабатывать новые дополнительные правовые документы с целью прогрессивного развития международного права, касающегося вооруженных конфликтов, что и привело к появлению новых источников международного гуманитарного права.

Свое окончательное конвенционное закрепление рассматриваемый нами принцип получил в двух Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., которые во многом восполнили пробелы в нормах международного права, регламентирующих защиту гражданских объектов во время войны. Впервые был четко сформулирован сам принцип защиты гражданских объектов, раскрыты понятия гражданского объекта и военного объекта, конкретизированы нормы, определяющие условия предоставления защиты гражданским объектам, определены основные обязанности воюющих сторон в отношении обеспечения защиты гражданских объектов при ведении боевых действий, а также регламентированы вопросы ответственности за нарушение норм, касающихся защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов.

Однако, несмотря на широкое признание в международном праве принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов и его неоднократное подтверждение во многих международно-правовых документах, в настоящее время данная проблема приобрела особую актуальность. В этой связи всемерное укрепление режима международно-правовой защиты гражданских объектов в условиях вооруженных конфликтов, дальнейшее совершенствование всего комплекса норм, регламентирующих эту область международных отношений, представляет значительный теоретический и практический интерес.

⁵⁷ См. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2444 (XXIII) 19 декабря 1968 г.; A/RES/2852 (XXVI), A/RES/2853 (XXVI) от 20 декабря 1971 г.; A/RES/3032 (XXVII) от 18 декабря 1972 г.; A/RES/3102 (XXVIII) от 12 декабря 1973 г. и др.

В этом направлении в XXI в. продолжает развиваться международное гуманитарное право, международное сообщество принимает новые соглашения в этой области. В частности, 27 ноября 2003 г. был принят Протокол по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V). Цель принятия данного международного документа обусловлена серьезными постконфликтными проблемами, порождаемыми взрывоопасными пережитками войны, необходимостью установить меры общего характера с целью минимизировать риски и воздействие взрывоопасных пережитков войны. Протокол предусматривает принятие сторонами конфликта всех возможных мер предосторожности на территории под их контролем, затронутой взрывоопасными пережитками войны, для защиты гражданского населения, отдельных граждан и гражданских объектов (ст. 5)⁵⁸.

В марте 2004 г. вступил в силу Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., подтверждающий «неприкосновенность» культурных ценностей во время войн или оккупации и устанавливающий «индивидуальную уголовную ответственность» для лиц, совершающих преступления против культуры.

Новым элементом Второго протокола является то, что он частично ограничивает понятие «срочная военная необходимость», в рамках которого практикуются отказы от прав на культурную собственность. Протокол также предусматривает создание Межправительственного комитета, состоящего из представителей 12 государств, которые будут заниматься контролем над выполнением Конвенции и двух протоколов к Конвенции. В полномочия Комитета будет входить предоставление некоторым культурным ценностям особого статуса и охраны ввиду «большой важности для человечества»⁵⁹.

В декабре 2005 г. был утвержден Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной эмблемы (Протокол III) с целью усиления защитной ценности и универсального характера положений Женевских конвенций

⁵⁸ Протокол по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V) от 27 ноября 2003 г. // Международное право. Ведение военных действий. Указ. соч. С. 333.

⁵⁹ Второй протокол от 26 марта 1999 г. к Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Международное право. Ведения военных действий. Указ. соч. С. 71–92.

от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г., касающихся использования отличительных эмблем.

Вместе с развитием международных норм по защите гражданских объектов в период вооруженных конфликтов продолжает развиваться тенденция к нарушениям этих правовых предписаний в происходящих вооруженных столкновениях. В этой связи нельзя оставить без внимания конфликт в Ливии. Принятие 18 марта 2011 г. Советом Безопасности ООН «исторической резолюции»⁶⁰ 1973 по защите гражданского населения в Ливии официально санкционировало военное вмешательство иностранных государств в гражданскую войну в Ливии с гуманитарной целью – защиты мирных жителей⁶¹. Чем и воспользовались силы НАТО, желая восстановления демократии для пользы ливийского народа и прекращения попрая и систематического нарушения прав человека властями Ливийской Арабской Джамахирии. Однако уже через 2 дня после начала военной операции в Ливии из всех источников поступала информация о превышении атакующими территорию Ливии государствами полномочий, предоставленных резолюцией 1973, и о нарушениях норм по защите гражданского населения и гражданских объектов в период вооруженных конфликтов⁶². Что интересно, количество таких нарушений возрастало прямо пропорцио-

⁶⁰ Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая 18 марта 2011 г. на пресс-конференции в Мадриде, назвал эту резолюцию исторической, заявив, что международное сообщество продемонстрировало приверженность реализации своей ответственности по защите гражданского населения от насилия, совершаемого его собственным правительством // Совет Безопасности ООН принял историческую резолюцию по защите гражданского населения Ливии // Центр новостей ООН // URL:<http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=15288> (дата обращения 15.12.2011).

⁶¹ Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 г. № S/RES/1973 (2011) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL:[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973\(2011\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973(2011)) (дата обращения 15.12.2011).

⁶² См. подробнее: Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича о ситуации вокруг Ливии от 20 марта 2011 г. // Официальный сайт МИД России // URL:http://www.mid.ru/BDOMP/Brp_4.nsf/arh/00E6ACCD57A9A7DAC325785900460EBE?OpenDocument (дата обращения 15.12.2011); Заявление Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека и верховенства права К.К. Долгова по Ливии от 25 мая 2011 г. // Там же // URL:http://www.mid.ru/BDOMP/Brp_4.nsf/arh/C063D2C301DF5AD2C325789B0027071D?OpenDocument (дата обращения 15.12.2011); Libya: Jacob Zuma accuses Nato of not sticking to UN resolution // The Telegraph // URL:<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8575984> (дата обращения 15.12.2011); Лига арабских государств раскритиковала операцию в Ливии // URL: <http://lenta.ru/news/2011/03/20/arableague> (дата обращения 15.12.2011) и др.

нально количеству гуманитарных обстрелов во имя свержения М. Каддафи и его правящего режима⁶³. Вместе с тем в своих официальных выступлениях Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмусен заявлял, что НАТО не располагает подтвержденными данными о жертвах среди гражданского населения и разрушениях гражданской инфраструктуры в результате проводимых бомбардировок⁶⁴, в этой связи данная военная операция является «успешной главой в истории альянса»⁶⁵. В своем выступлении по итогам 2011 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун пошел еще дальше в положительной оценке результатов проведенной операции в Ливии, заявив, что смена режима была произведена народом, а не интервенцией со стороны других государств, а военные действия НАТО в Ливии проводились в строгом соответствии с мандатом, полученным от Совета Безопасности ООН 17 марта 2011 г.⁶⁶.

Приведенные факты подтверждают актуальность международного гуманитарного права и в наши дни, когда, казалось бы, дипломатические и иные мирные средства разрешения конфликтов должны стать преобладающей тенденцией над военно-силовым разрешением возникающих противоречий.

Таким образом, проведенный анализ международно-правовых норм, направленных на защиту гражданских объектов в период вооруженных конфликтов, и исторических событий, представленных в данной статье, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, представляется возможным выделить следующие исторические этапы становления и развития международно-правовых норм,

⁶³ Представитель Каддафи обвинил НАТО в гибели 2 тысяч ливийцев в Сирте // Официальный сайт РИА «Новости» // URL: http://ria.ru/arab_war/20110917/439034608.html (дата обращения 15.12.2011).

⁶⁴ Ежемесячный пресс-брифинг Генерального секретаря НАТО А.Ф. Расмусена // Официальный сайт НАТО // URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/opinions_77640.htm (дата обращения 15.12.2011); У НАТО нет данных о гибели гражданских лиц в Ливии при авиаударах // Официальный сайт РИА «Новости» // URL: http://ria.ru/arab_ly/20111103/479557981.html (дата обращения 15.12.2011).

⁶⁵ Генеральный секретарь НАТО и глава ПНС считают успехом прошедшую в Ливии операцию // Там же // URL: http://ria.ru/arab_war/20111101/477020657.html (дата обращения 15.12.2011).

⁶⁶ Пан Ги Мун подвел итоги года и наметил пять приоритетов на будущее // Официальный сайт ООН // URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=16618> (дата обращения 15.12.2011); Генеральный секретарь ООН заступился за действия НАТО в Ливии // Там же // URL: http://ria.ru/arab_ly/20111214/516861083.html (дата обращения 15.12.2011).

регламентирующих защиту гражданских объектов в период ведения военных действий: 1) древность; 2) Средние века (V–XVII вв.); 3) новое время.

Во-вторых, считаем, что становление принципа защиты гражданских объектов произошло задолго до XVIII в., как предполагают некоторые юристы-международники. История свидетельствует, что государствами с древнейших времен принимались меры для сохранения святынь и произведений искусства, а также иных разновидностей гражданских объектов (в современном понимании данного термина).

В-третьих, первыми международными договорами, закрепившими анализируемый нами принцип, были Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Свое окончательное конвенционное закрепление принцип защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов получил в двух Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны. Необходимо отметить, что прогрессивное развитие норм в сфере защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов продолжается и в настоящее время.

В-четвертых, с учетом итогов произошедших и потенциальных вооруженных конфликтов в Северной Африке и на Ближнем Востоке актуальность применения норм, составляющих принцип защиты гражданских объектов, все более возрастает.

Библиографический список

Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны). М., 1975.

Ахметзянов А.А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2005.

Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990.

Бюншон Ф. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. МККК. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. М., 2004.

Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.

Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Книга III. М., 1994.

Егоров С.А. Международно-правовая защита гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. Диссертация на соискание ученой степ. канд. юрид. наук. М., 1984.

Законы Ману. М., 2002.

Ивановский И.А. Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. и право войны. Одесса, 1891.

Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика. Диссертация на соискание учен. степ. докт. юрид. наук. М., 2008.

Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 г. С.-Петербург, 1879.

Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов. 4-е изд., дополн. М., 2004.

Международное право. Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2005.

Оппегейм Л. Международное право. М., 1949, т. II, п/т I.

Полторац А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право (основные проблемы). М., 1976.

Полторац А.И., Савинский Л.И. Преступная война. Агрессия США во Вьетнаме. М., 1968.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998.

Таубе М.А. История зарождения современного международного права (средние века). Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков. Т. 2. Харьков, 1899.

Фуркало В.В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов. Киев, 1986.

Historical and Legal Aspects of Formation and Development of the Principle of Protection of Civilian Objects in Armed Conflicts (Summary)

*Yuliya V. Puzyreva**

The article is dedicated to the historical and legal analysis of issues and the development of one of the special (branch) of the principles of international humanitarian law – the principle of protection of civilian objects in armed conflicts. The author develops her analysis and examines the formation of the protection of civilian objects in the context of direct public international law taking into consideration international agreements, existing opinions of philosophers, historians, scholars of international affairs.

The article describes current contribution of the international community in progressive development of rules on the protection of civilian objects in armed conflicts, but also focuses on the conflict in Libya from the position of violations of the protection of civilians and civilian targets by NATO.

Keywords: international humanitarian law; the principle of international humanitarian law of armed conflict; protection of civilian objects; cultural values; development of standards.

* Yuliya V. Puzyreva - Ph.D. in Law, lecturer of the Chair of Human rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. yuliya_dugina@mail.ru.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К истории создания безъядерной зоны в Центральной Азии: характер международного сотрудничества в свете ее учреждения

*Ибрагимов А.М.**

*Нуцалханов Г.Н.***

Процесс создания безъядерной зоны в Центральной Азии завершился и проходил в сложных условиях. В настоящей статье проанализированы трудности ее договорного закрепления, рассмотрены позиции государств по этому вопросу, имеющему немаловажное значение для обеспечения стратегической стабильности и безопасности в регионе и в мире. Авторы статьи дают свой анализ развития ситуации и предлагают пути благоприятного полного завершения реализации идеи учреждения в регионе зоны, гарантирующей расширение пространства нераспространения ядерного оружия.

Ключевые слова: договор; безъядерная зона; конференции государств; стабильность; безопасность.

Создание безъядерной зоны, ее договорное оформление представляют собой сложный, длительный политико-правовой процесс. Не является исключением в этом плане и образование центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия, договорному оформлению которой была посвящена долгая и упорная работа дипломатов пяти

* Ибрагимов Ахмед Муслимович – к.ю.н., доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета ahmed63@yandex.ru.

** Нуцалханов Гамзат Нуцалханович – соискатель кафедры международного права Дагестанского государственного университета gamzat940@mail.ru.

центральноазиатских республик, ядерных держав и представителей ООН. К слову сказать, эту работу вела специально созданная экспертная группа, состоящая из региональных и международных специалистов, она почти девять лет занималась разработкой проекта соответствующего договора. Поддержку в ее работе оказывала ООН, экспертная группа руководствовалась в то же время политическими инициативами, отраженными в Алма-атинской декларации глав государств Центральной Азии от 28 февраля 1998 г. и в других документах, принятых представителями «центральноазиатской пятерки». Целью написания данной статьи явилась потребность анализа длительного процесса договорного оформления зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (ЗСЯО), завершившегося 8 сентября 2006 г. историческим подписанием в Семипалатинске Договора о безъядерной зоне в регионе (он вступил в силу 21 марта 2009 г.).

Несмотря на то что вопрос о создании ЗСЯО в Центральной Азии не раз поднимался на международных форумах по безопасности и разоружению, данная инициатива первоначально не находила поддержки со стороны всех государств региона. Центральноазиатские государства начали более активно подключаться к вопросам о создании безъядерной зоны после подписания упомянутой Алма-атинской декларации. При этом можно назвать две причины, в силу которых центральноазиатские государства решили подключиться к работе над Договором о ЗСЯО: географические и геополитические реалии соседства двух ядерных государств – России и Китая; непосредственная близость к региону двух государств, де-факто владеющих оружием массового уничтожения, – Пакистана и Индии¹.

Переговоры по договорному оформлению безъядерной зоны в Центральной Азии проходили сначала в поисках компромисса между центральноазиатскими государствами по различным положениям договора.

Началом институционализации инициативы создания зоны явилась состоявшаяся 15–17 сентября 1997 г. Ташкентская международная конференция «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», важность которой можно оценить в трех измерениях: политическое признание мировым сообществом центральноазиатской инициативы; осознание целой группой стран себя в качестве новой силы ядерного нераспространения. На Ташкентской конференции представители пяти

¹ См.: Кутнаева Н.А. Перспективы заключения договора о создании в Центральной Азии ЗСЯО // Ядерный контроль. 2006. № 1 (79). С. 63.

ядерных государств не возражали против создания ЗСЯО и высказали определенные условия, которых должны придерживаться страны Центральной Азии в процессе оформления статуса безъядерной зоны. Так, Россия выступала за предоставление другим государствам возможности присоединиться к ЗСЯО, необходимость полного соблюдения Ташкентского договора о коллективной безопасности, нераспространение режима ЗСЯО на территорию Каспийского моря до определения его международно-правового статуса². Позиция США заключалась в нераспространении режима безъядерной зоны на континентальный шельф и исключительную экономическую зону. Представители США также высказались за ненарушение Договором о ЗСЯО в Центральной Азии существующей в регионе структуры безопасности, за сохранение права государств – участников безъядерной зоны предоставлять или отказывать в предоставлении права транзитного прохода через сухопутную территорию, внутренние воды или воздушное пространство в отношении судов, оснащенных или способных нести ядерное оружие.

Результатом проведения данной конференции стало подписание совместного заявления министров иностранных дел центральноазиатских государств и создание Региональной экспертной группы в составе экспертов ООН и государств Центральной Азии для разработки, подготовки и реализации форм и элементов соглашения о создании ЗСЯО в Центральной Азии.

Официальные и неофициальные экспертные встречи по выработке проекта договора, а также работа над его текстом проходили с учетом принципов и руководящих положений, одобренных Комиссией ООН по разоружению в документе «Создание зон, свободных от ядерного оружия, на основе договоренностей, добровольно заключенных между государствами соответствующего региона».

Для международного признания инициативы особое значение имела интенсивная работа по наращиванию существенной правовой основы концепции центральноазиатской ЗСЯО. В частности, инициатива была поддержана в пяти резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, озаглавленных «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии», а также в Итоговом документе Обзорной конференции 2000 г. и документах трех сессий Подготовительного комитета

² См.: Сафранчук И. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России // Ядерный контроль. 1999. № 4. С. 44–45.

конференции 2005 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Следующим шагом на пути договорного оформления ЗСЯО в Центральной Азии стала Консультативная встреча группы экспертов центральноазиатских стран, государств, обладающих ядерным оружием, и ООН в Бишкеке (июль 1998 г.). Цель данного форума заключалась в разработке приемлемых форм и путей для практической реализации инициативы по созданию ЗСЯО. Представленный на совещании документ – «Основные элементы договора о создании ЗСЯО в Центральной Азии» – отражает намерение государств региона подготовить правовую основу для центральноазиатской инициативы. В ходе обсуждения данного документа эксперты из ядерных держав, ООН выступили с предварительными замечаниями и рекомендациями по данному документу. На этой встрече также был представлен проект Договора о создании ЗСЯО в Центральной Азии. Однако текст нуждался в дополнительной проработке, и, несмотря на желание пяти центральноазиатских государств, его не стали обсуждать. Участники совещания обменялись мнениями по документу и рассмотрели дальнейшие шаги в направлении создания ЗСЯО в Центральной Азии. В коммюнике признавалось, что страны региона добились определенного прогресса в разработке правовой основы ЗСЯО. Россия высказалась за поддержку этой идеи, причем она выступила за сохранение возможности расширения первоначального состава участников ЗСЯО за счет прилегающих государств. При этом ни Россия, ни Китай не были заинтересованы во включении в зону каких-то областей собственной территории. Западные державы поначалу заняли сдержанную позицию, приветствуя идею безъядерных зон вообще, но заявляя о необходимости проработки этой идеи применительно к Центральной Азии³.

Новый проект договора, представленный на Женевской встрече экспертов осенью 1998 г., отличался от предыдущего. Фактически он был подготовлен специалистами Секретариата ООН⁴. Последующие переговоры по выработке текста Договора состоялись в 1999 и 2000 гг. при содействии со стороны ООН и МАГАТЭ и финансовой поддержке Японии. Основные нерешенные вопросы до октябрьской встречи 1999 г. в Саппоро сводились к следующему:

³ См.: Ахтамзян И.А. Зоны, свободные от ядерного оружия. С. 16. <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf>.

⁴ См.: Сафранчук И. Указ. соч. С. 46.

– Россия, поддерживая создание ЗСЯО, считала, что в договор следует включить положение о том, что он не должен наносить ущерб правам и обязанностям государств-участников по другим международным договорам и соглашениям, имея в виду Ташкентский договор о коллективной безопасности;

– Китай высказывал сомнения в отношении возможного участия в ЗСЯО сопредельных государств;

– США выступали за то, чтобы договор не запрещал транзит транспортных средств с ядерным оружием через ЗСЯО;

– имевшие место споры о месте подписания и названии договора отражали определенное соперничество между странами Центральной Азии, прежде всего между Казахстаном и Узбекистаном, за лидерство в регионе.

Не потеряло к этому времени актуальности стремление подписать отдельный протокол по экологическим вопросам в дополнение к Договору о центральноазиатской ЗСЯО.

На встрече в Саппоро присутствовали представители только трех центральноазиатских государств – Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Представители Таджикистана и Узбекистана отсутствовали, как было объявлено на встрече, по техническим причинам. Был достигнут дальнейший прогресс в подготовке проекта Договора о ЗСЯО. Казахский представитель смог убедить своих коллег сохранить статью 12, в которой говорится, что договор «не затрагивает существующих прав и обязательств по другим двусторонним договорам и соглашениям, подписанным Сторонами». Вопрос о Каспийском море в Саппоро не поднимался, и положение о сфере применения сохранилось в прежнем виде, то есть она определена «исключительно для целей настоящего договора, как сухопутная территория, все водные пространства и воздушное пространство над ними». Таким образом, Каспийское море остается за пределами сферы применения Договора о ЗСЯО. Пункт о возможности присоединения к ЗСЯО сопредельных государств сохранился. Участники встречи в Саппоро не достигли согласия об условиях транзита. Что касается места подписания, то представитель Узбекистана предложил Ташкент, а Киргизии – Иссык-Куль. С государствами, которые не смогли прибыть в Саппоро, страны – участники встречи обязались провести консультации по дипломатическим каналам для согласования нерешенных вопросов⁵.

⁵ См.: Тимербаев Р.М. Россия и конференция 2000 г. по рассмотрению действия ДНЯО // Научные записки ПИР-Центра. 1999. № 12. С. 21–22.

В апреле 2000 г. участники региональной экспертной группы вновь собрались в Саппоро для обсуждения проекта договора. Но и на этой встрече эксперты не смогли согласовать весь текст проекта. В частности, неспособность достичь согласия по положениям статьи 12 вызвала разочарование экспертов. Представителями Регионального центра по вопросам мира и разоружения в Азии и Тихоокеанском регионе совместно с Департаментом ООН по правовым вопросам было предпринято несколько попыток выработать приемлемую формулировку статьи 12. Альтернативные решения также были подготовлены некоторыми из ядерных держав. Но, несмотря на все усилия, ни один из предложенных вариантов не был принят. Другими вопросами, по которым было достигнуто соглашение, являются проблемы, связанные с мирным использованием ядерных технологий, физической защитой ядерных установок, возможностью расширения в будущем сферы действия ЗСЯО, механизмом контроля исполнения договора и сотрудничеством государств в преодолении возникающих разногласий.

Тем не менее из-за нескольких серьезных разногласий среди центральноазиатских государств, соглашение о договоре не было достигнуто до середины 2002 г.⁶ Среди этих разногласий, которые замедлили процесс переговоров, было различие в подходах центральноазиатских стран к отношениям с Россией. Хотя Казахстан сохранил довольно тесные связи с Россией, в том числе и по вопросам безопасности, Туркменистан и Узбекистан заняли гораздо более независимую позицию. К тому же существовали определенные аспекты соперничества в этом вопросе между центральноазиатскими государствами. В то время как Киргизия и Узбекистан являлись инициаторами данного договора, Казахстан с самого начала отнесся довольно осторожно к данному начинанию. Одной из причин неопределенной позиции Казахстана могла быть негласная конкуренция между этой республикой и Узбекистаном за лидерство в регионе⁷.

«Камнями преткновения» для достижения согласия по проекту договора были: 1) вопрос о регулировании возможного транзита ядерного оружия через территорию безъядерной зоны и 2) отношение к договору

⁶ См.: Parrish S. Prospect for a Nuclear Weapon-Free Zone in Central Asia // *Nonproliferation Review* 8 (Spring 2001). P. 143.

⁷ См.: Кутнаева Н.А. Договор о ЗСЯО в Центральной Азии: противостояние ядерных держав // *Материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований*. Т. 5. М., 2009. С. 142.

о ЗСЯО в Центральной Азии прежних международных соглашений, особенно тех из них, которые относятся к сфере безопасности с участием государств Центральной Азии⁸. Как отмечает Н.Н. Соков, обе эти проблемы были связаны с озабоченностью России по поводу сохранения своего влияния в центральноазиатском регионе, в том числе и возможности размещения там ядерного оружия⁹. Казахстан, Киргизия и Таджикистан утверждали, что договор должен позволять каждой из сторон самостоятельно решать вопросы, связанные с транзитом ядерного оружия через свои территории; Узбекистан и Туркменистан, заняв жесткую позицию, стремились ввести в договор определенные ограничения по данному вопросу.

Позиции центральноазиатских государств разделились и по вопросу о соотношении Договора о безъядерной зоне и международных соглашений государств региона по вопросам безопасности, прежде всего Договора о коллективной безопасности. Таджикистан, Киргизия и Казахстан предложили включить в проект договора положение, в соответствии с которым обязательства по нему не будут влиять на права и обязательства сторон по другим международным договорам. Узбекистан (в период с 1999 по 2006 г. не являлся участником Договора о коллективной безопасности) и Туркменистан не поддержали данную инициативу. Помимо этого, заседанию экспертной группы в 2000 г. препятствовало отсутствие туркменских дипломатов.

Как справедливо отмечает О. Касенов, был еще ряд сложных факторов, с которыми государства Центральной Азии могли столкнуться. Во-первых, речь шла о возможности возникновения споров по поводу неопределенности государственных границ между отдельными государствами региона. Во-вторых, возникли проблемы предоставления «негативных» гарантий безопасности членам центральноазиатской ЗСЯО ядерными державами, и прежде всего со стороны России, которая рассматривает Центральную Азию как зону своих жизненно важных интересов. Однако официальная российская позиция состояла в том, что ЗСЯО в данном регионе должна создаваться в интересах укрепления безопасности и на базе существующей международной практики в деле создания безъядерных зон. В-третьих, ядерные

⁸ См.: Parrish S. Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear Weapon-Free Zone Treaty. <http://cns.miiis.edu/pubs/week/020930.htm>.

⁹ Sokov N. Russians Nuclear Doctrine: The End of the Period of Transition? // UN Symposium on Nuclear Doctrines, New-York, October 18, 1999.

испытания, проведенные Индией и Пакистаном в мае 1998 г. осложнили создание ЗСЯО с точки зрения безопасности и создали основу для возможного включения государств региона в диапазон ядерного противостояния¹⁰. Кроме того, нельзя забывать и тот факт, что регион обладает огромным геополитическим и геоэкономическим значением.

Между тем процесс договорного оформления центральноазиатской ЗСЯО продолжился осенью 2002 г. в Самарканде. Этому способствовал ряд фактов, подтолкнувших страны региона к более активному сотрудничеству в разрешении данной проблемы. Во-первых, геополитический баланс в регионе коренным образом изменился после террористических атак в США в 2001 г. (США стали гораздо активнее развертывать вооруженные силы на базах в Узбекистане и Киргизии в поддержку проводимых ими в Афганистане операций). Во-вторых, новое значение центральноазиатского региона как «линии фронта» в борьбе против терроризма превратило концепцию о ЗСЯО из абстрактной идеи в практичный механизм, который способен помочь предотвратить распространение ядерного оружия и уменьшить риск ядерного терроризма¹¹.

В дополнение к этим геополитическим изменениям подтолкнуть процесс переговоров помог успешный визит в страны Центральной Азии помощника Генерального Секретаря ООН Дж. Дханапала, который придал новый импульс усилиям по поиску компромисса в разрешении спорных вопросов и заявил, что «в настоящий момент подготовка Договора об объявлении Центральной Азии безъядерной зоной вступила в завершающий этап, и договор практически готов к подписанию»¹². В результате этих факторов пять центральноазиатских государств достигли договоренности по предварительному тексту договора.

Положения проекта Договора о ЗСЯО в Центральной Азии (так называемый Самаркандский проект от 26 сентября 2006 г.), представленного на встрече в Самарканде, свидетельствовали о тщательном учете опыта выработки предшествующих договоров о ЗСЯО. Ключевое определение объекта запрещения, приведенное в статье 1 проекта договора, исключало возможность обхода договора через произвольное толкование понятия «ядерные взрывы в мирных целях». Проект

¹⁰ См.: Kasenov O. On the creation of a NWFZ in Central Asia // *The Nonproliferation Review* / fall 1998. P. 145–146.

¹¹ См.: Parrish S. Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear Weapon-Free Zone Treaty. <http://cns.miis.edu/pubs/week/020930.htm>.

¹² См.: Центральная Азия может быть безъядерной зоной. <http://sinews.uz/articles.pl?/4/4015>.

договора позволял расширять в дальнейшем границы безъядерной зоны. Статья 14 проекта предусматривала возможность для присоединения к договору государств, имеющих общую границу с предполагаемой зоной, на основании принятия к нему поправки, требующей согласия стран-участниц¹³. Проект договора также содержал положение, разрешающее импорт любых радиоактивных отходов его участниками. В качестве депозитария договора выступала ООН. В ходе переговоров государства Центральной Азии обсуждали вопрос о создании региональной организации для контроля выполнения обязательств сторон.

Однако до подписания договора было далеко. Государства Центральной Азии направили проект текста ядерным державам, которые должны были высказать свое мнение о самом договоре и протоколе к нему, а при необходимости представить дополнительные замечания и предложения по этим документам. Хотя Россия и Китай заявили о своей поддержке, США, Великобритания и Франция выразили озабоченность и указали, что они не могут одобрить проект договора.

Одной из причин беспокойства западных ядерных держав явилось отношение центральноазиатской ЗСЯО к Договору о коллективной безопасности (ДКБ) 1992 г., положения которого фактически допускают возможность размещения ядерного оружия на территории государств региона. США и другие западные страны рассматривали данное положение как противоречащее руководящим принципам ООН по созданию ЗСЯО, указывая, что это может означать возможность размещения российского ядерного оружия на территории четырех из пяти членов зоны, входящих в Организацию договора о коллективной безопасности¹⁴.

Другое возражение со стороны западных ядерных держав касалось положений проекта договора, регулирующих возможный транзит ядерного оружия через территорию зоны. В одном из своих положений (статья 4) проект договора предусматривал, что каждое государство ЗСЯО самостоятельно решает, допускать или не допускать транзит ядерного оружия через свою территорию; другая статья обязывала государства не допускать на своей территории хранение, размещение ядерного оружия и контроль над ним. Западные ядерные державы усмотрели в этом противоречии возможность запретить транзит ядерного оружия и предложили изменения для преодоления конфликтного потенциала.

¹³ См.: Ахтамзян И.А. Указ. соч. С. 16. <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf>.

¹⁴ См.: Соков Н.Н. Безъядерная зона в Центральной Азии: как получить пятерку? // Индекс безопасности. № 3 (86). Т. 14. С. 82.

США также были против включения в текст договора положений о возможности расширения ЗСЯО за счет соседних государств, настаивая на четком и окончательном определении сферы действия зоны, свободной от ядерного оружия. Данное возражение США, вероятно, было мотивировано озабоченностью по поводу Ирана. Иран граничит с Туркменистаном и, таким образом, может в будущем подать заявление о вступлении в ЗСЯО, что значительно усложнит усилия США по ограничению ядерной программы Ирана.

Определенные недостатки Самаркандского проекта Договора о ЗСЯО в Центральной Азии, по мнению западных ядерных держав, были связаны с двусмысленностью некоторых его формулировок. Так, например, статья 12 проекта указывала на то, что ранее заключенные договоры должны соблюдаться, но при этом оговаривала, что стороны должны обеспечить эффективное достижение целей и осуществление задач Договора в соответствии с изложенными в нем принципами¹⁵. В этом же ключе, повторимся, можно высказаться о положении проекта Договора, касающегося транзита ядерного оружия. Данные положения между тем явились примером дипломатического мастерства и творческой двусмысленности, поскольку, с одной стороны, они не подрывали существующий в регионе механизм коллективной безопасности, с другой – обязывали соблюдать один из принципов ЗСЯО – отсутствие ядерного оружия на соответствующей территории.

Замечания и предложения западных ядерных держав поставили центральноазиатские государства в затруднительное положение: если бы эти государства не поменяли проект договора, то США, Великобритания и Франция могли не подписать протокол к нему; если же все предложения западных держав оказались бы включены в проект Договора, то такая ситуация могла возникнуть и в случае с Россией. Учитывая предыдущий опыт создания других ЗСЯО, страны Центральной Азии продолжили консультации с западными ядерными державами и после 2002 г.

Первая консультативная встреча между пятью центральноазиатскими странами и государствами, обладающими ядерным оружием, для обсуждения протокола о «негативных» гарантиях безопасности была организована при поддержке Департамента ООН по вопросам

¹⁵ См.: Parrish Scott, Potter William. Central Asian States Establish Nuclear Weapon Free Zone Despite U.S. Opposition, Center for Nonproliferation Studies. <http://cns.miis.edu/pubs/week/060905.htm>.

разоружения 8 октября 2002 г. в Нью-Йорке. В декабре 2002 г. в Департаменте ООН по вопросам разоружения состоялось консультативное совещание по содействию скорейшей реализации концепции центральноазиатской ЗСЯО. В ходе данной встречи некоторые из государств, обладающих ядерным оружием (США, Великобритания, Франция), настаивали на обеспечении свободного транзита транспортных средств с ядерным оружием на борту через территорию ЗСЯО, исключении статьи 12 и недопустимости последующего расширения сферы ЗСЯО. Пять государств региона выразили надежду на подписание Договора о ЗСЯО в апреле 2003 г.¹⁶ На состоявшемся в июне 2003 г. семинаре МАГАТЭ «Нераспространение ядерного оружия: укрепление системы гарантий» обсуждения по вопросам зоны, свободной от ядерного оружия, были ограничены тем фактом, что переговоры по ЗСЯО в Центральной Азии продолжаются.

7–9 февраля 2005 г. дипломаты из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана провели встречу, на которой был окончательно согласован текст Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Это стало важным шагом на пути укрепления глобального режима нераспространения ядерного оружия. Встреча, состоявшаяся в Ташкенте, ознаменовала собой завершение серии переговоров по согласованию текста договора, начавшихся в сентябре 2002 г., когда пять государств центральноазиатского региона достигли предварительной договоренности по проекту текста документа. По словам представителя МИД Узбекистана, одной из главных целей ташкентской встречи было рассмотрение комментариев государств, обладающих ядерным оружием, к первоначальному проекту договора. Состав делегаций был достаточно представительным: присутствовали эксперты со всех центральноазиатских республик и ООН. В работе заседания не приняли участие только представители ядерных держав¹⁷.

Переработанный проект Договора, который появился в результате ташкентской встречи, содержал всего лишь несколько изменений по сравнению с текстом, подготовленным в сентябре 2002 г. Первое изменение заключалось в том, что в пересмотренном проекте разрешается импорт в центральноазиатскую ЗСЯО отходов с низким или средним

¹⁶ См.: United Nations Press Release DC/2851. 2002, November 19.

¹⁷ См.: Центральноазиатские государства завершили работу над текстом Договора о ЗСЯО // NIS Export Control Observer. 2005, Февраль. С. 4.

уровнем радиоактивности. Но при этом импорт должен осуществляться в соответствии со стандартами МАГАТЭ. Это изменение было внесено по просьбе Казахстана, который рассматривает возможность внесения изменений во внутреннее законодательство с целью коммерческого импорта отходов с низким и средним уровнем радиоактивности для длительного хранения. Что касается второго изменения, то из пересмотренного проекта договора было исключено специальное положение о присоединении соседних стран к ЗСЯО. В-третьих, новый проект определял в качестве государства-депозитария Киргизию. Предыдущий вариант предусматривал, что депозитарием выступит ООН. Это последнее изменение явилось, скорее всего, дипломатическим жестом, направленным на признание роли, которую Киргизия сыграла в переговорах по договору. Вопрос о противоречии Договора о ЗСЯО в Центральной Азии существовавшим договорам на этой встрече решен не был. Другие положения проекта договора остались в основном без изменений.

Государства – участники ташкентской встречи распространили документ под названием «Ташкентское заявление по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии», в котором они «настоятельно призывают все государства, особенно государства, обладающие ядерным оружием, в полной мере сотрудничать с пятью центральноазиатскими государствами по реализации Договора о ЗСЯО в Центральной Азии»¹⁸.

Успешное проведение ташкентской встречи позволило участникам создаваемой безъядерной зоны выйти на этап парафирования текста Договора с последующим подписанием, ратификацией и вступлением в силу, что, собственно, как мы отметили выше, потом и произошло. Однако остался один вопрос, нерешенность которого может поставить безъядерную зону в Центральной Азии на грань бездействия и изоляции. Этот важнейший вопрос касается протокола, являющегося неотъемлемой частью договора, которым «ядерная пятерка» дает его участникам гарантии не применять против них ядерное оружие. Протокол должен был быть подписан, а затем ратифицирован ядерными державами-гарантами. Россия и Китай выразили договору поддержку и подписали протокол. Западные ядерные державы отказались (несмотря на то, что центральноазиатские государства пошли на значительные уступки) подписать протокол, мотивируя это тем, что подобные зоны могут быть причиной сложных проблем. Представляется, что

¹⁸ См.: NPT/CONF.2005/WP. 28.

возможные пути выхода из создавшегося положения – это продолжение консультаций над текстом протокола и выработка наиболее компромиссного решения, устраивающего все стороны. Не следует забывать и тот факт, что протоколы ко всем предыдущим ЗСЯО также не были подписаны сразу. В этой ситуации можно было рассмотреть решения, принятые в аналогичных ситуациях по другим ЗСЯО (Договор Тлателолко, например, вступил в силу только после внесения в него положения о специальной декларации и трех поправок).

Обобщая вышеизложенные свои позиции, сформулируем следующие выводы: 1) в период договорного оформления статуса безъядерной зоны государства Центральной Азии приняли во внимание проблемы и недостатки остальных безъядерных зон, ведь их учет был актуален для завершения учредительного процесса в полном объеме; 2) известное влияние на подготовку и подписание Договора о ЗСЯО оказывало соперничество ядерных держав; 3) Договор о создании безъядерной зоны в Центральной Азии стал реальностью и явился результатом проявления государствами региона и заинтересованными державами политической воли, помноженной на их умение найти в сложном деле компромисс.

Библиографический список

Ахтамзян И.А. Зоны, свободные от ядерного оружия. <http://www.pircenter.org/data/SS/Zones.pdf>.

Кутнаева Н.А. Договор о ЗСЯО в Центральной Азии: противостояние ядерных держав // Материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований. Т. 5. М., 2009.

Кутнаева Н.А. Перспективы заключения договора о создании в Центральной Азии ЗСЯО // Ядерный контроль. 2006. № 1 (79).

Сафранчук И. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России // Ядерный контроль. 1999. № 4.

Соков Н.Н. Безъядерная зона в Центральной Азии: как получить пятерку? // Индекс безопасности. № 3 (86). Т. 14.

Тимербаев Р.М. Россия и конференция 2000 г. по рассмотрению действия ДНЯО // Научные записки ПИР-Центра. 1999. № 12.

Центральная Азия может быть безъядерной зоной. <http://sinews.uz/articles.pl?/4/4015>.

Центрально-азиатские государства завершили работу над текстом Договора о ЗСЯО // NIS Export Control Observer. 2005, Февраль.

Kasenov O. On the creation of a NWFZ in Central Asia // The Nonproliferation Review / fall 1998.

NPT/CONF.2005/WP. 28.

Parrish S. «Prospect for a Nuclear Weapon-Free Zone in Central Asia» // Nonproliferation Review 8 (Spring 2001).

Parrish S. «Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear Weapon-Free Zone Treaty». <http://cns.miis.edu/pubs/week/020930.htm>.

Parrish Scott, Potter William. Central Asian States Establish Nuclear Weapon Free Zone Despite U.S. Opposition, Center for Nonproliferation Studies. <http://cns.miis.edu/pubs/week/060905.htm>.

Sokov N. Russians Nuclear Doctrine: The End of the Period of Transition? // UN Symposium on Nuclear Doctrines, New-York, October 18, 1999.

United Nations Press Release DC/2851. 2002, November 19.

To the History of Establishing a Nuclear-free zone in Central Asia: the Character of International Cooperation in Light of its Formation (Summary)

*Ahmed M. Ibragimov**

*Gamzat N. Nutsalhanov***

The process of establishing a nuclear-free zone in Central Asia ended, and was held in difficult conditions. In present article analyzes the difficulties of her contractual fixation, considered the positions of States in this question, which have great importance for ensuring strategic stability and security in the region and the world. The authors give their analysis of the situation, and are suggesting the ways of the completion of implementation of the idea of establishing a zone in the region, guaranteeing the extension space of non-proliferation of nuclear weapons.

Keywords: treaty, nuclear-free zone, a conference of States, stability, security.

* Ahmed M. Ibragimov – Ph.D. in Law, assistant professor of the Chair of International Law, Dagestan State University. ahmed63@yandex.ru.

** Gamzat N. Nutsalhanov – post-graduate student of the Chair of International Law, Dagestan State University. gamzat940@mail.ru.

Односторонние действия государства, связанные с применением силы: международно-правовые вопросы

*Синякин И.И.**

Статья посвящена международно-правовой квалификации односторонних действий¹ США по уничтожению Усамы бен Ладена. Рассматривается вопрос правомерности применения силы на территории иностранного государства в случае угрозы национальной безопасности и при бездействии местных органов государственной власти. В связи с этим в завершение статьи ставится вопрос о дальнейшем развитии института международной ответственности государств и выборе адекватных мер.

Ключевые слова: применение силы; международная ответственность; поддержание международного мира и безопасности; терроризм.

В ночь с 1 на 2 мая 2011 года в городе Абботтабад (Пакистан) в результате спецоперации вооруженных сил США был уничтожен лидер Аль-Каиды Усама бен Ладен. Эту новость приветствовали как на государственном уровне, так и на уровне международных организаций². В то же время действия США породили ряд вопросов относительно международно-правовой квалификации имевших место событий.

Один из вопросов касается юридических оснований проведения спецоперации. США обосновывают свои действия необходимостью обеспечения национальной обороны³. По сути, это отсылка к положениям внутреннего права, поскольку ст. 51 Устава ООН в данном случае

* Синякин Иван Игоревич – к.ю.н., преподаватель кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. ilc48@mail.ru.

¹ В контексте настоящей статьи под «действиями» понимается поведение государства, выражающееся в реализации определенных мер в ответ на нарушение норм международного права другим государством или в связи с угрозой его внутренним интересам.

² См.: Readout of the President's phone calls on the death of Osama bin Laden. May 02, 2011. <http://www.whitehouse.gov>; Заявление Председателя Совета Безопасности. S/PRST/2011/9. 2 May 2011. www.un.org; Заявление Комитета 1267 по Усаме бен Ладену. <http://www.un.org/russian/sc/committees/1267>; Al Qaeda dealt severe blow by Bin Laden death, but global terror threat remains high, says INTERPOL. May 2. 2011. <http://www.interpol.int>.

³ Remarks by the President on Osama Bin Laden. May 02, 2011. <http://www.whitehouse.gov>.

не может быть применена: нет факта вооруженного нападения; действия США направлены против Усамы бен Ладена, а не Пакистана.

На практике США нередко прибегают к односторонним действиям, которые основаны на противоречащих международному праву внутренних актах, таких как Закон о взаимном обеспечении безопасности 1951 года, Закон о чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года и т.д.⁴. На основе анализа практики США Американский институт права пришел к выводу, что президент, действуя в пределах своих полномочий, может по Конституции обладать властью совершать такие действия, которые представляют собой нарушение международного права⁵. Право совершать односторонние действия, в частности связанные с применением силы, закреплено в Стратегии национальной безопасности США 2010 года и Национальной военной стратегии США 2011 года⁶.

Тем не менее применение США силы в Пакистане вовсе не означает отсутствие международно-правовых оснований этих мер. И хотя США не выдвигали конкретных претензий, может быть поставлен вопрос об ответственности Пакистана.

Согласно ст. 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее Проект статей), международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: *a*) присваивается государству по международному праву и *b*) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства⁷. Для логичности изложения начнем со второго пункта.

Поддержание международного мира и безопасности и связанная с этим обязанность устранения угроз международному миру и безопасности являются обязательствами, в исполнении которых заинтересовано все международное сообщество, иными словами, обязательствами *erga omnes*⁸. Факт невыполнения этих обязательств также

⁴ Право международной ответственности. Монография / Лукашук И.И. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 115–116, 312.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ См. National security strategy, May 2010; The national military strategy of the USA. Redefining America's military leadership. 2011.

⁷ Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83. A/RES/56/83. 2001.

⁸ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН

затрагивает интересы всех государств, предоставляя право поднимать вопрос об ответственности не только непосредственно пострадавшему, но и любому другому государству⁹.

С этой позиции суть нарушения Пакистана заключается в невыполнении обязательства по устранению угрозы, которой является терроризм, и в частности Аль-Каида.

Квалификация терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности широко признана на доктринальном уровне¹⁰. Проф. Е.Г. Ляхов отмечает, что акции международного терроризма представляют собой особый вид войны, ведения отдельных военных действий¹¹. Среди сторонников такого подхода можно выделить Р. Клайна, Р. Александера, Б. Дженкинса, Р. Миллера.

Усама бен Ладен подозревался во взрыве в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) в 1995 году, взрыве грузовика около казарм ВВС США в Дахране (Саудовская Аравия) в 1996 году, взрывах американских посольств в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания) в 1998 году, нападении на американский эсминец «Коул» в порту Адена (Йемен) в 2000 году

1970 года содержит положение о сотрудничестве государств друг с другом с целью поддержания международного мира и безопасности; см. также решение по делу о Барселонской компании // ICJ Reports. 1970. P. 32. Цит. по: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 175.

⁹ См.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве / Левин Д.Б. М.: Междунар. отношения, 1966. С. 45–46; Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государства / Курис П.М. Вильнюс: Минтис, 1973. С. 57–65; Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения / Василенко В.А. Киев: Вища шк., 1976. С. 139; Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. М.: Издательство «Зерцало», 2009. С. 375; Лукашук И.И. Указ. соч. С. 82–84.

¹⁰ Александрович Т. Выдача преступников и ее значение в борьбе с международным терроризмом: Автореф. дис. канд. юр. наук. – М., 1986; Жданов Н.В. Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера: Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1975; Карпец И.И. Преступления международного характера / И.И. Карпец. М.: Юридическая литература, 1979; Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения / Е.Г. Ляхов. М.: Международные отношения, 1991; Лукашук И.И. Терроризм и международное право / И.И. Лукашук // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М.: Наука, 2002; Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения) / Г.И. Морозов. М. 1997; Legal aspects of international terrorism. Ed. by A.E. Evans, J.F. Murphy. Toronto, 1979; Tran-Tam. Crimes of terrorism and international criminal law // A treatise on international criminal law. Vol. 1: Crimes and punishment, USA. 1973.

¹¹ См.: Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 17.

и нападениях, совершенных в США 11 сентября 2001 года¹². Помимо США и указанных стран, на территории которых были совершены террористические акты, юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных Аль-Каидой, обладают и другие государства: так, уголовные дела на Усаму бен Ладена и членов Аль-Каиды были возбуждены Испанией¹³ и Ливией (первое государство, которое в марте 1998 года выдало ордер на арест Усамы бен Ладена, через месяц ордер на арест был уже выдан по линии Интерпола)¹⁴.

Если обратиться к резолюциям Совета Безопасности ООН, то можно выделить два аспекта: 1) общая оценка терроризма как угрозы международному миру и безопасности¹⁵, а также необходимость бороться с данной угрозой; 2) непосредственное проявление этой угрозы – террористическая деятельность Аль-Каиды и ее лидера¹⁶ (Совет Безопасности ООН квалифицировал в качестве отдельной угрозы международному миру и безопасности невыдачу Талибаном Усамы бен Ладена)¹⁷.

В дополнение к указанным основаниям юрисдикция государств определяется рядом международных договоров: Конвенцией ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года; Международной конвенцией ООН о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года и Международной конвенцией ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года¹⁸.

¹² <http://www.un.org/russian/sc/committees/1267/NSQI00801R.shtml>.

¹³ Spain remands al Qaeda suspects. December 19, 2003. <http://articles.cnn.com>.

¹⁴ Flade F. The untold story of Gaddafi's hunt for Osama bin Laden /Die Welt/ Worldcrunch. May, 2011. <http://www.worldcrunch.com>.

¹⁵ Резолюция 1377 (2001) даже содержит формулировку, что «акты международного терроризма являются вызовом всем государствам и всему человечеству», терроризм – это «одна из самых серьезных угроз для международного мира и безопасности в 21-м веке».

¹⁶ См. резолюции, принятые в рамках Комитета Совета Безопасности ООН, учрежденного резолюцией 1267 (по санкциям в отношении движения Талибан и Аль-Каиды): 1526 (2004), 1617 (2005), 1735 (2006), 1822 (2008), 1904 (2009) и др.

¹⁷ Резолюции Совета Безопасности ООН 1267 (1999), 1333 (2000).

¹⁸ Несмотря на то что два последних международных договора вступили в силу соответственно 23 мая 2001 года и 10 апреля 2002 года (т.е. после названных террористических актов), положения конвенций могут применяться к иным преступлениям Аль-Каиды. Так, например, члены Аль-Каиды обвинялись в террористических актах в Кении в 2002 году (резолюция 1450 (2002) Совета Безопасности ООН), в Турции в 2003 году (резолюция 1516 (2003) Совета Безопасности ООН), в Великобритании

Таким образом, доктрина и практика государств едины в оценке характера террористической угрозы, в том числе исходящей от Аль-Каиды.

В чем же заключается невыполнение Пакистаном обязательства по устранению угрозы терроризма и как факт этого невыполнения в соответствии с п. а) ст. 2 Проекта статей может быть присвоен Пакистану?

Невыполнение обязательства выражается в бездействии органов государственной власти, что с учетом ст. 4 Проекта статей рассматривается как поведение государства. В доктрине в отношении данного основания присвоения отмечается единогласие¹⁹. С другой стороны, Пакистан несет ответственность в связи с действиями физических лиц: ответственность возникает в результате бездействия государственных органов по предотвращению противоправного поведения физических лиц. И хотя в Проекте статей подобных положений нет, доктрина и практика государств придерживаются данной позиции²⁰. Проф. В.А. Василенко подчеркивает, что «в современных условиях наиболее опасными действиями индивидов... в связи с которыми, в случае их непресечения органами государства, возникает его международно-правовая ответственность, является ... террористическая деятельность»²¹.

в 2005 году (Report of the official account of the bombings in London on 7th July 2005. London, 2006) и др.

¹⁹ См.: Анцилотти Д. Курс международного права. Т.1. С. 421. Цит по: Левин Д.Б. Указ. соч. С. 55; Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1975. С. 42; Мазов В.А. Ответственность в международном праве. Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1979. С. 41; Левин Д.Б. Указ. соч. С. 55; Елынычев В.Н. Международно-правовая ответственность государства и проблема вины. Дис.... канд. Юрид. наук. С. 13. Цит. по: Курис П.М. Указ. соч. С. 143; Лукашук И.И. Указ. соч. С. 113.

²⁰ См.: Ляхов Е.Г. Ответственность государств за международный терроризм // Высшая следственная школа МВД СССР. Волгоград, 1974. Вып. 9. Юридическая ответственность в современном обществе. С. 158. Цит. по: Барнашов А.М. Ответственность за международный терроризм // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. С.-Пб.: Россия – Нева, 2003. С. 116–117; Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств / Ушаков Н.А. М.: Междунар. отношения, 1983. С. 83; Левин Д.Б. Указ. соч. С. 66–68, 81; Василенко В.А. Указ. соч. С. 130–131; Курис П.М. Указ. соч. С. 204; Мазов В.А. Указ. соч. С. 61; Лукашук И.И. Указ. соч. С. 87.

²¹ Василенко В.А. Указ. соч. С. 130. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. обязывает государства воздерживаться от попустительства или поощрения террористической деятельности на своей территории.

Бездействие Пакистана может объясняться низкой эффективностью контртеррористических мероприятий (впоследствии это было признано Министерством обороны Пакистана²²) либо возможной причастностью Пакистана к поддержке Талибана²³ и укрывательству Усамы бен Ладена²⁴. В первом случае налицо нарушение антитеррористических конвенций в части положений, устанавливающих обязанность государств принимать все практически осуществимые меры по предотвращению подготовки в пределах их соответствующих территорий к совершению актов терроризма в пределах или вне пределов их территорий. Во втором случае речь идет о нарушении не только указанных положений, но и ряда других норм, касающихся установления юрисдикции над преступлениями, привлечения подозреваемых лиц к ответственности, проведения расследования и т.д.

Статья 12 Проекта статей обуславливает наличие нарушения ситуацией, когда деяние государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера. Международное право обязывает оперативно пресекать акты, подрывающие основы мирных отношений между странами.

²² Пакистан начал расследование укрывательства Усамы бен Ладена. Май, 2011. <http://lenta.ru>. Это также следует из заявления Министерства иностранных дел Пакистана: в частности, особняк, в котором находился Усама бен Ладен, попал в поле зрения пакистанских разведывательных служб еще в 2009 году, а сам город Абботтабад и его окрестности – в 2003 году. Тем не менее до 2 мая 2011 года место нахождения Усамы бен Ладена оставалось неизвестным. См.: Death of Osama bin Ladin - Respect for Pakistan's established policy parameters on counter terrorism. PR. NO.152/2011. <http://www.mofa.gov.pk>. Следует заметить, что низкая эффективность контртеррористических действий не первый раз становится причиной применения силы США на территории Пакистана (начиная с августа 2008 года США нанесли более 70 авиаударов по позициям талибов). См.: US missile strikes in Pakistan will continue. Reuters, January 27, 2009. <http://www.reuters.com>; Drone attacks inside Pakistan will continue, CIA Chief says. February 26, 2009. <http://www.washingtonpost.com>; US to step up attacks on Pakistan as it forces Taliban to talk. March 8, 2009. <http://www.telegraph.co.uk>; 'Dozens dead' in US drone strike. June 24, 2009. <http://news.bbc.co.uk>; Беспилотники США снова обстреляли пакистанских талибов: 9 погибли, 11 ранены. 11 августа 2009. <http://www.newsru.com>; Американский беспилотник в Пакистане открыл огонь по селению – 10 убитых. 9 мая 2010. <http://www.newsru.com>.

²³ Mullah Fazlullah vows new war. October 22, 2011. <http://tribune.com.pk>.

²⁴ U.S. demands more from Pakistan in bin Laden inquiry. May 6, 2011. <http://www.nytimes.com>.

Непоследовательность и нерешительность государств по ликвидации актов терроризма необходимо рассматривать как отягчающие обстоятельства²⁵.

Что касается вопроса вины Пакистана, то как в доктрине, так и в практике обнаруживает себя тенденция к признанию объективной ответственности за международные правонарушения, то есть ответственности за нарушение обязательства независимо от вины. Сам факт нарушения обязательства порождает ответственность²⁶.

Говоря о нарушениях Пакистана, не следует забывать о нарушениях, допущенных США. Пересечение вооруженными силами границы иностранного государства без его согласия, применение вооруженной силы представляют собой акт агрессии (ст. 3 Определения агрессии 1974 года), вмешательство во внутренние дела, нарушение суверенитета и территориальной неприкосновенности Пакистана. В заявлении Министерства иностранных дел Пакистана говорится, что односторонние действия США не должны становиться правилом поведения; иногда такие действия подрывают сотрудничество и могут угрожать международному миру и безопасности²⁷. Требование соответствия антитеррористических мер положениям Устава ООН и другим нормам международного права также неоднократно подчеркивалось в резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН²⁸.

Открытым остается вопрос о правах Усамы бен Ладена, нарушенных США. Вопрос касается, в частности, правомерности применения оружия против безоружного²⁹ человека (фактически речь идет об убийстве), расправы без привлечения к судебному разбирательству (в том числе пренебрежение презумпцией невиновности), последующего захоронения тела в море³⁰. И если последнее (засекречивание места захоронения) является обычной практикой во избежание паломничества,

²⁵ Барнашов А.М. Указ. соч. С. 117.

²⁶ Цит. по: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 93. См. также: Колосов Ю.М. Ук. соч. с. 41; Левин Д.Б. Ук. соч. с. 54-55; Василенко В.А. Ук. соч. С. 149-153.

²⁷ Death of Osama bin Ladin – Respect for Pakistan’s established policy parameters on counter terrorism. PR. NO.152/2011. <http://www.mofa.gov.pk>.

²⁸ См.: Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/71 (2007), 63/129 (2008), 64/118 (2009), 65/34 (2010) и др.; Резолюции Совета Безопасности ООН 1624 (2005), 1787 (2007), 1904 (2009), 1963 (2010) и др.

²⁹ Это следует, в частности, из заявления Джеймса Карни, пресс-секретаря Белого дома. См.: Press briefing by Press Secretary Jay Carney, 03 May, 2011. <http://www.whitehouse.gov>.

³⁰ Shane S. Bin Laden sons say U.S. broke international law. May 10, 2011. <http://www.nytimes.com>.

то физическое устранение Усамы бен Ладена явно не соответствует не только нормам национального и международного права, но и существующей практике (в частности, речь идет о случаях привлечения к ответственности Саддама Хусейна иракским судом и Слободана Милошевича Международным трибуналом по бывшей Югославии).

Пресс-секретарь Белого дома заявил, что целью, которая была поставлена перед спецподразделением, являлось убийство или задержание Усамы бен Ладена³¹. Первая альтернатива подтверждает вышесказанное. Что касается второй альтернативы, то ее провал Генеральный прокурор США обосновал следующим образом: «...террорист не сдался и не выразил намерения сдаться»³². Тем не менее это обстоятельство не может служить оправданием убийства безоружного человека, особенно если принять во внимание профессиональные навыки бойцов спецподразделения.

Таким образом, были нарушены положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, а также конвенционные положения, касающиеся правового статуса лица, подозреваемого в совершении актов терроризма, в том числе: гарантия справедливого рассмотрения дела на всех стадиях разбирательства, гарантия справедливого обращения, право пользования всеми правами и гарантиями в соответствии с применимыми положениями международного права, включая положения о правах человека³³. Подобные действия также идут вразрез с положениями резолюций Совета Безопасности ООН, устанавливающих, что «антитеррористические меры должны соответствовать, в частности, международным стандартам в области прав человека»³⁴.

Как известно, применение вооруженной силы за пределами государства в случае нарушения другим государством международного обязательства допускается международным правом в определенных случаях. Это возможно: либо в соответствии со ст. 51 Устава ООН, либо в случае

³¹ Press briefing by Press Secretary Jay Carney, 03 May, 2011. <http://www.whitehouse.gov>.

³² Генпрокурор США оправдал уничтожение Усамы бен Ладена. 2011. <http://lenta.ru/news/2011/05/04/laden/>.

³³ См.: Конвенция ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года; Международная конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года и Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года.

³⁴ См.: Резолюции 1822 (2008), 1904 (2009), 1989 (2011) и др.

пресечения действий, не связанных с вооруженным нападением (например, при осуществлении преследования «по горячим следам»)³⁵. В остальных случаях за пределами своей территории применение вооруженной силы возможно в случае посягательств на вооруженные силы государства или военные объекты, находящиеся за рубежом³⁶. Возможно также коллективное применение силы по решению Совета Безопасности ООН в соответствии с VII и VIII главами Устава ООН.

Других оснований применения вооруженной силы международное право не предусматривает. В доктрине существует точка зрения, согласно которой применение силы может иметь место только в случае совершения государством международных преступлений³⁷. Однако Проект статей в главе «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права» применение вооруженной силы не предусматривает. Применение силы или ее угрозы исключается и в случае обращения государств к контрмерам³⁸. Следует заметить, что применение контрмер поставлено Проектом статей в зависимость от выполнения определенных условий³⁹. Более того, контрмеры являются средством имплементации ответственности, т.е. средством, которое обеспечивает выполнение правонарушителем

³⁵ Черниченко С.В. Теория международного права: Современные теоретические проблемы. В 2 томах. Т. 1. М.: НИМП, 1999. С. 268–270.

³⁶ Там же.

³⁷ Колосов Ю.М. Указ. соч. С. 61; Левин Д.Б. Указ. соч. С. 114.

³⁸ Аналогичные положения (обязанность государств воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы) содержатся в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года и Декларации принципов Хельсинкского заключительного акта 1975 года.

³⁹ Контрмеры не затрагивают не только обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, но и обязательства по защите основных прав и свобод человека, а также иные обязательства, вытекающие из императивных норм общего международного права (ст. 50 Проекта статей). Помимо этого должны быть соблюдены процессуальные условия применения контрмер потерпевшим государством: обязанность первоначального уведомления о требовании, которое заключается в призыве к ответственности (ст. 43, 52); обязанность уведомления о решении принять контрмеры и предложения провести переговоры (п. 1а ст. 52). Существует точка зрения, что до применения контрмер потерпевшее государство должно использовать имеющиеся возможности мирного разрешения спора. См.: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 343–345. Тем не менее стопроцентная обязательность использования предварительной процедуры мирного урегулирования ставится под сомнение. См.: Черниченко С.В. Указ. соч. С. 265.

своих обязанностей, вытекающих из правоотношений ответственности. В отсутствие этих правоотношений контрмеры применяться не могут.

В рассматриваемом случае применение силы со стороны США не было обусловлено каким бы то ни было основанием или положением, указанным выше. Подобная ситуация могла сложиться в силу ряда причин. Во-первых, вопрос вызывает характер предпринятых действий: были ли они направлены против Пакистана, то есть против государства? Как известно, США не поднимали вопрос об ответственности Пакистана, не выдвигали каких-либо претензий или требований. Во-вторых, меры международно-правового принуждения могут применяться только к субъектам международного права; в отношении физических лиц речь идет о принуждении по внутреннему праву⁴⁰. В-третьих, негативное отношение США к ключевым положениям Проекта статей в период обсуждения в Комиссии международного права⁴¹ позволяет сделать вывод о нежелании США признавать за ним обязательный характер⁴². В-четвертых, возникает вопрос, существуют ли вообще нормы международного права, обосновывающие действия США?

США действовали в одностороннем порядке на основе национального права, что, с одной стороны, является нарушением международного права, а с другой – потенциально новой областью развития международного права. Внутригосударственный механизм разрешения проблемы необходимо перенести на международно-правовой уровень регулирования.

Односторонние действия США, соответствующая позиция по вопросам международно-правовой ответственности в Комиссии международного права являются объектом постоянной критики со стороны большинства государств⁴³. На первый взгляд, это верно: нельзя злоупотреблять правом на самооборону и восстанавливать международный правопорядок путем нарушения других норм международного

⁴⁰ См.: Колосов Ю.М. Указ. соч. С. 61; Черниченко С.В. Указ. соч. С. 272. Тем не менее на практике встречаются определенные исключения. Так, в рамках Комитета 1267 Совета Безопасности ООН разработан Санкционный перечень в отношении лиц, групп, предприятий и организаций, связанных с Аль-Каидой. В соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН в отношении лиц, включенных в перечень, государства должны предпринять определенные меры.

⁴¹ См.: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 270, 327, 338, 345–347.

⁴² По этому вопросу см.: Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М.: Юр. литература. 1972. С. 64–67.

⁴³ См.: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 103, 115–116, 270, 277, 312, 372–375.

права – такие действия сами по себе угрожают международному миру и безопасности. С другой стороны, позиция большинства государств (в том числе в Комиссии международного права) *ipso facto* не предопределяет правомерность или эффективность выбранного пути. Мнение государств, составляющих меньшинство или оппозицию, имеет такой же вес. Практика этих государств также должна учитываться, особенно если она эффективна и оправдана обстоятельствами.

В этой связи в целях поддержания международного мира и безопасности, а также с целью дальнейшего развития института международной ответственности государств необходимо рассмотреть вопрос о разработке следующей концепции. В случае неминуемой или серьезной угрозы государству (а также в случае, когда события, представляющие угрозу, уже имели место), проистекающей с территории иностранного государства, которое в результате бездействия⁴⁴ в силу нежелания или неспособности не предпринимает шаги по устранению этой угрозы, первое государство вправе принять меры, в том числе применить вооруженную силу. Основная цель этих мер должна заключаться не в установлении какого-либо неблагоприятного режима бездействующему государству, а в непосредственном устранении самой угрозы. По сути это реализация мер, которые не удалось осуществить бездействующему государству. Разумеется, применяемые меры должны быть пропорциональными с учетом обстоятельств ситуации и не должны выходить за рамки цели устранения угрозы.

Что касается характера угрозы, то в данном случае речь идет об опасности, проистекающей из действий физических лиц: акты терроризма, захват заложников, нападения на иностранных граждан на территории другого государства⁴⁵ и др.

⁴⁴ В данном случае речь идет о бездействии государственных органов по предотвращению противоправного поведения частных лиц (см. выше), а не о бездействии, которое иногда может представлять собой попустительство со стороны государства такому поведению.

⁴⁵ В процессе обсуждения проекта статей по дипломатической защите в Комиссии международного права США выступали с концепцией применения силы в случае угрозы гражданам, находящимся на территории иностранного государства, когда это государство не желает или не в состоянии обеспечить должную защиту. Анализируя данный подход, проф. И.И. Лукашук пришел к следующему выводу: «... в чрезвычайных обстоятельствах, когда жизнь и здоровье находящихся за рубежом граждан поставлены под реальную угрозу, государство вправе применить силовые меры воздействия, если иные средства не дали или не могут дать результата. Население – главная составляющая часть государства, и насилие в отношении населения квалифицируется как нападение

Безусловно, вопросы применения силы в международных отношениях должны в первую очередь передаваться на рассмотрение в Совет Безопасности ООН. Так, потерпевшее государство или государство, в отношении которого с территории другого государства исходит угроза, обращается в Совет Безопасности ООН, способный квалифицировать ситуацию, например как попустительство террористической деятельности, направленной против другого государства, что подрывает принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства⁴⁶. Совет Безопасности ООН вправе расценить факт попустительства в качестве акта агрессии (ст. 4 Определения агрессии 1974 года), а также признать нарушение государством обязательства сотрудничать с другими государствами в деле поддержания международного мира и безопасности. Данные квалификации могут лечь в основу конкретных мер Совета Безопасности ООН и санкций как гарантий выполнения этих мер. Так выглядит оптимальный вариант действий с точки зрения современного международного права.

Однако данный механизм имеет и свои недостатки. Совет Безопасности ООН может и не найти оснований, подтверждающих факт попустительства террористической деятельности со стороны государства (например, Пакистан заявил, что не имел информации о месте нахождения Усамы бен Ладена до момента его ликвидации. – См. выше). Принятию решения могут помешать и политические разногласия членов Совета Безопасности ООН (подобная ситуация сложилась вокруг резолюции по Южной Осетии в августе 2008 года). Вдобавок многоступенчатый механизм принятия решения Советом Безопасности ООН на практике может оказаться неэффективным в случае необходимости принятия неотложных мер. Более того, имели место случаи, когда применение вооруженной силы вовсе не обсуждалось в Совете Безопасности ООН⁴⁷.

на государство». См.: Лукашук И.И. Дипломатическая защита // Право и политика. № 8. 2001. С. 18–24.

⁴⁶ Декларация о принципах, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 года устанавливает, что ни одно государство не должно организовывать, помогать, разжигать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия.

⁴⁷ В марте 2008 года правительственные войска Колумбии уничтожили на территории Эквадора лагерь Революционных вооруженных сил Колумбии. Совет Безопасности ООН не принял ни одной резолюции по этому вопросу. Ни одной резолюции не было принято и в отношении военной операции вооруженных сил Турции против лагерей

В случае отсутствия решения со стороны Совета Безопасности ООН или невозможности оперативного принятия решения не должно возникать ситуации правового вакуума. Бездействие Совета Безопасности ООН в таких случаях не должно препятствовать действиям государств, в том числе и в связи с применением силы. Этому отчасти способствует и принятая отдельными государствами концепция толкования п. 4 ст. 2 Устава ООН не как «запрещения» применять силу, а как «воздержания»⁴⁸.

В целом применительно к предложенной концепции речь идет не об оправдании действий США или их союзников, а об актуальной проблеме, с которой сегодня сталкиваются или могут столкнуться государства. Так, данная концепция применения силы не противоречит Военной доктрине Российской Федерации 2010 года. Пресечение вооруженными силами Российской Федерации международной террористической деятельности за пределами Российской Федерации предусмотрено также ФЗ «О противодействии терроризму» 2006 года.

С практической точки зрения может возникнуть вопрос о форме закрепления концепции. На данном этапе перспектива разработки нового международного договора видится маловероятной (противники концепции могут ссылаться на недопустимость одностороннего решения вопросов, входящих в компетенцию Совета Безопасности ООН, либо возражать против заключения международного договора, который предусматривает ограничение односторонних действий, в том числе связанных с применением силы). В связи с этим целесообразным представляется внесение концепции на рассмотрение в Комиссию международного права с целью детального изучения доктрины, соответствующей практики государств и последующей разработки общеприемлемого механизма. Помимо этого, закрепление концепции возможно в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (например, в резолюциях, касающихся мер по ликвидации терроризма) или актах неформальных объединений, таких как Большая восьмерка, т.е. актах, имеющих большой политический вес. Последнее обстоятельство может сыграть важную роль в формировании нового международно-правового обычая.

курдских сепаратистов в северной части Ирака в 2011 году. Без рассмотрения Советом Безопасности ООН остались действия США по уничтожению Усамы бен Ладена.

⁴⁸ См.: Международное право: Учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. С. 669–670; Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 31–47.

Обеспечение национальной безопасности сегодня неразрывно связано с вопросом поддержания международного мира и безопасности. В свою очередь, обязательства по поддержанию международного мира и безопасности (в частности, борьба с терроризмом) все увереннее обретают характер норм *erga omnes*. В современных условиях угроза международному миру и безопасности может сопровождаться угрозой национальной безопасности, а значит, у государств появляется не только право поднимать вопрос об ответственности, но и право устранять эти угрозы. Однако это право не должно быть неограниченным. Как заметил представитель США Дж. Дюгард, отвечая на упреки членов Комиссии международного права в том, что право на защиту своих граждан силой открывает простор для злоупотреблений: «с политической точки зрения было бы более целесообразным признать существование такого права, но при этом установить строгие пределы, чем игнорировать его существование, поскольку в последнем случае государства смогут ссылаться на традиционные аргументы в поддержку широкого по сфере охвата права на интервенцию и это приведет к новым злоупотреблениям»⁴⁹.

Необходимость решения новых задач в деле поддержания международного мира и безопасности ставит международное сообщество перед выбором средств и механизмов, которые могут вступать в противоречие с существующими формами коллективной безопасности. В этой связи прогрессивное развитие международного права видится в дальнейшей регламентации вопросов применения силы, в том числе и в порядке упреждения.

Библиографический список

Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения / Василенко В.А. - Киев: Вища шк., 1976. - 267 с.

Карпец И.И. Преступления международного характера / И.И. Карпец. - М.: Юридическая литература, 1979. - 262 с.

Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве / Колосов Ю.М. - М.: Юрид. лит., 1975. - 256 с.

Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государства / Курис П.М. - Вильнюс: Минтис, 1973. - 280 с.

Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве / Левин Д.Б. - М.: Междунар. отношения, 1966. - 152 с.

⁴⁹ Лукашук И.И. Дипломатическая защита // Право и политика. № 8. 2001. с. 24.

Лукашук И.И. Дипломатическая защита // Право и политика. № 8. 2001. с. 18–24.

Лукашук И.И. Право международной ответственности. Монография / Лукашук И.И. - М.: Волтерс Клувер, 2004. - 432 с.

Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения / Е.Г. Ляхов. – М.: Международные отношения, 1991. - 216 с.

Мазов В.А. Ответственность в международном праве. Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / Мазов В.А. - М.: Юрид. лит., 1979. - 152 с.

Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. – 2004. – № 3. с. 31-47.

Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М.: Юр. литература. 1972. - 214 с.

Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения) / Г.И. Морозов. – М. 1997. - 87 с.

Тункин Г.И. Теория международного права. Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. - М.: Издательство «Зерцало», 2009. - 416 с.

Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств / Ушаков Н.А. - М.: Междунар. отношения, 1983. - 184 с.

Черниченко С.В. Теория международного права: Современные теоретические проблемы. В 2-х томах. Т. 1 / Черниченко С.В. - М.: НИМП, 1999. - 336 с.

Международное право: учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. - М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. - 1012 с.

Unilateral Actions, Concerning Use of Force: International Legal Aspects (Summary)

*Ivan I. Sinyakin**

The article contains international legal qualification of unilateral actions of the USA resulted in elimination of Osama bin Laden. The author examines the issue of legality of use of force on the territory of foreign states in case of threat to national security and omission of local authorities. In conclusion the author raises the question of further development of the institute of international responsibility of states and adoption of relevant counteractions.

Keywords: use of force; international responsibility; maintenance of international peace and security; terrorism.

* Ivan I. Sinyakin – PhD in Law, lecturer at the Chair of International law, MGIMO-University MFA Russia. ilc48@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международно-правовая охрана экосистем водно-болотных угодий (к 40-летию Рамсарской конвенции 1971 г.)¹

*Копылов М.Н.**

*Солнцев А.М.***

В статье раскрывается значение водно-болотных угодий как очагов специфического биоразнообразия, как стабилизатора климата, источника питьевой воды, как местообитания редких, в том числе мигрирующих, видов диких животных. Кратко анализируется история разработки и принятия Рамсарской конвенции об охране водно-болотных угодий, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц 1971 г. Рассматриваются обязанности государств по Рамсарской конвенции, критерии отнесения водно-болотных угодий к категории «имеющих международное значение», существо Протокола Монтрё, Рамсарских консультативных миссий. Приводятся конкретные случаи из практики различных государств, когда включение водно-болотных угодий в Протокол Монтрё и отправка Рамсарских консультативных миссий приводили к улучшению их экологического статуса. На примере трансграничных водно-болотных угодий России делается вывод о необходимости

¹ Данная работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

* Копылов Михаил Николаевич – д.ю.н., профессор; профессор кафедры международного права юридического факультета РУДН, академик РАЕН, РЭА и МАНЭБ. mikhail.kopylov11@gmail.com.

** Солнцев Александр Михайлович – к.ю.н., доцент кафедры международного права юридического факультета РУДН. solntsew@mail.ru.

дальнейшего развития и совершенствования российского национального законодательства.

Ключевые слова: водно-болотные угодья; Рамсарская конвенция; Рамсарский список; Протокол Монтрё; Рамсарская консультативная миссия; Международный союз охраны природы и природных ресурсов.

Вопросы международного сотрудничества в сфере защиты и сохранения водных объектов в последнее время вызывают у юристов повышенный интерес². Вместе с тем особенности международно-правовой охраны водно-болотных угодий не нашли адекватного отражения в отечественной юридической науке³.

Водно-болотными угодьями называют участки земной поверхности, где, например: вода является основным фактором, который контролирует состояние окружающей среды и определяет условия жизни растений и животных. Водно-болотные угодья встречаются в тех местах, где водное зеркало находится на поверхности или близко к поверхности земли. Водно-болотные угодья – это области с высокой биологической продуктивностью, которые отличаются значительным биологическим разнообразием. Они служат регуляторами стока и вносят вклад в водный баланс⁴. Водно-болотные угодья встречаются повсюду: от тундры

² См., например: Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Сасиев К.Х. Обеспечение экологической безопасности трансграничного водотока в системе управления им // *Международное право – International Law*, 2007. – № 4 (32). – С. 153-183; Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Подземные воды – новый объект международно-правового регулирования // *Международное право – International Law*, 2009. – № 1 (37). – С. 180-201; Солнцев А.М. От конфликта к сотрудничеству: российско-китайские отношения в области управления водными ресурсами // *Международное право – International Law*, 2009. – № 1 (37). – С. 246-261.

³ См., например: Сиваков Д.О. Особенности правовой охраны водно-болотных угодий // *Законодательство и экономика*, 2002. – № 5. – С. 49-51; Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С. 53-54. Вместе с тем можно отметить ряд зарубежных публикаций: Matthews G.V.T. The Ramsar Convention on Wetlands: Its History and Development. – Ramsar, 1993; De Klemm C., Créteaux I. The Legal Development of the Ramsar Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat (2 February 1971). – Ramsar Convention Bureau, 1995; Shine C., de Klemm C. Wetlands, Water and the Law. – Gland / Bonn: IUCN, 1999; Bowman M. The Ramsar Convention on Wetlands: Has it Made a Difference? – In: *Yearbook of International Co-operation on Environment and Development*, 2002/2003. – London: Earthscan, 2002. – P. 61-80.

⁴ Экологическая энциклопедия: в 6 т. / Ред. кол.: Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. и др. – М., 2008. – Т. 1. – С. 279.

до тропиков. Точно неизвестно, какая доля площади поверхности земли в настоящее время покрыта водно-болотными угодьями. Согласно оценке Всемирного центра экологического мониторинга Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), площадь водно-болотных угодий предположительно составляет 570 млн га (5,7 млн кв. км) – примерно 6% поверхности суши Земли, из которых 2% составляют озера, 30% – верховые болота, 26% – низинные болота, 20% – заболоченные земли и 15% - поймы. При этом Россия является одним из крупнейших районов распространения – площадь таких угодий составляет около 20% территории страны. В частности, в России находится самое большое в мире болото – Большое Васюганское, площадь которого равна 53 тыс. кв. км, что на 20% больше территории Швейцарии. По оценкам специалистов, разведанные запасы торфа здесь составляют более 1 млрд т., т.е. около 2% всех мировых запасов.

Часть водно-болотных угодий объявлена имеющими международное значение, во многих странах ведутся работы по их сохранению и восстановлению.

Функционально водно-болотные угодья чрезвычайно важны, они накапливают и хранят пресную воду; регулируют поверхностный и подземный сток; поддерживают уровень грунтовых вод; очищают воды, удерживают загрязняющие вещества; возвращают в атмосферу кислород; изымают из атмосферы и накапливают углерод; стабилизируют климатические условия, особенно осадки и температуру; сдерживают эрозию, стабилизируют положение берегов; поддерживают биологическое разнообразие; служат местообитаниями многих видов растений и животных, в том числе редких и хозяйственно важных.

Водно-болотные угодья – это сложно организованные экосистемы, использование которых требует высокой экологической культуры и ответственности. Последствия неразумного использования угодий, прежде всего, отражаются на качестве жизни человечества. Водно-болотные угодья обеспечивают условия для развития целого ряда видов природопользования, например: водоснабжение (количество и качество); рыболовство (более двух третей мирового улова рыбы связаны со здоровым состоянием водно-болотных угодий); сельское хозяйство (благодаря поддержанию уровня грунтовых вод и высокого плодородия земель в поймах); производство лесоматериалов и прочих строительных материалов; заготовка энергетических ресурсов, таких как торф и древесный материал; охотничье хозяйство; транспорт; заготовка

прочих продуктов водно-болотных угодий, включая лекарственные растения; отдых и туризм.

В последние годы многочисленные природные функции водно-болотных экосистем и их ценность для человечества стали находить все большее понимание и документальное подтверждение. Это привело к значительному увеличению расходов на восстановление утраченных или деградировавших гидрологических и биологических функций водно-болотных угодий.

Впервые с призывом к принятию международной конвенции о водно-болотных угодьях выступили участники конференции, проведенной в 1962 г. в рамках Проекта MAR (по первым трем буквам слов “MARshes”, “MARécages”, “MARismas”, означающих «болото» на разных языках мира); разработанного в 1960 г. в ответ на растущую обеспокоенность быстротой, с которой осушались или иным образом разрушались крупные участки заболоченных земель и прочих водно-болотных угодий в Европе, что вело к сокращению численности водоплавающих птиц.

Конференция MAR была организована Л.Хоффманом при участии Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), Международного бюро по изучению водно-болотных угодий и водоплавающих птиц (МБИВ, ныне Wetlands International) и Международного совета по охране птиц (ICBP, ныне BirdLife International) и была проведена в Сент-Мари-де-ла-Мер во французской провинции Камарг 12-16 ноября 1962 г. В течение следующих восьми лет текст Конвенции обсуждался в ходе серии международных научно-технических совещаний, которые проводились в основном под эгидой МБИВ, под руководством проф. Дж.В.Т.Мэтьюза и правительства Нидерландов. Изначально намечавшаяся конвенция была направлена конкретно на охрану водоплавающих птиц посредством создания сети охраняемых участков, однако, по мере совершенствования текста конвенции на первый план вышла задача охраны водно-болотных местообитаний (а не видов). Наконец, на международном совещании, организованном И. Фирузом, директором Департамента рыбы и дичи Ирана, и проведенном в городе-курорте Рамсаре, расположенном на берегу Каспийского моря в Иране, 2 февраля 1971 г. был согласован текст Конвенции, которая на следующий день была подписана делегатами из 18 стран. По месту принятия Конвенции широкую популярность получило ее краткое название – «Рамсарская конвенция». Конвенция вступила

в силу 21 декабря 1975 г. 2 февраля – день принятия Рамсарской конвенции – в 1997 г. объявлен Всемирным днем водно-болотных угодий.

В настоящее время Конвенция об охране водно-болотных угодий, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц 1971 г. является основным механизмом охраны водно-болотных угодий. С целью совершенствования в Рамсарскую конвенцию дважды вносились поправки: Парижским протоколом от 3 декабря 1982 г., и Реджайнскими поправками 28 мая 1987 г.⁵.

2 февраля 2011 г. исполнилось 40 лет Рамсарской конвенции, которая является одним из первых глобальных международных соглашений в сфере сохранения живой природы. Уникальность Рамсарской конвенции состоит в том, что она основывается на экосистемном подходе⁶. Конвенция нацелена не только на сохранение водоплавающих птиц, но она признает водно-болотные угодья экосистемами, которые имеют исключительно большое значение для сохранения биологического разнообразия и для благосостояния человека.

ЮНЕСКО выполняет функции депозитария Конвенции. Однако Рамсарская конвенция не является частью системы конвенций и соглашений в области охраны окружающей среды ЮНЕСКО. Конвенция подчиняется только Конференции Договаривающихся Сторон (КС), и ответственность за текущий контроль за ее осуществлением возложена на Секретариат, который действует при Постоянном комитете, избираемом КС. Секретариат Рамсарской конвенции расположен в офисе МСОП (Гланд, Швейцария).

Цель Конвенции – «сохранение и разумное использование всех водно-болотных угодий путем осуществления местных, региональных и национальных действий и международного сотрудничества, как вклад в достижение устойчивого развития во всем мире». В рамках Конвенции создан *Список водно-болотных угодий международного значения*, находящихся под особой охраной Конвенции. Одним из условий присоединения к Рамсарской конвенции является объявление

⁵ Парижский протокол вступил в силу в 1986 г. Он установил процедуру внесения поправок в текст Конвенции (ст. 10 bis) и утвердил официальные тексты Конвенции на арабском, французском, английском, немецком, русском и испанском языках. Реджайнские поправки вступили в силу 1 мая 1994 г. Они определили полномочия Конференции Договаривающихся Сторон, учредили межсессионный Постоянный комитет, сформировали постоянный секретариат и бюджет Конвенции.

⁶ См.: Бринчук М.М. Экосистемный подход в праве // Экологическое право, 2008. – №1. – С. 6-14.

правительством страны-участницы хотя бы одного Рамсарского угодья на своей территории. По состоянию на сентябрь 2011 г., 160 государств являлись сторонами Конвенции, и 1951 водно-болотное угодье по всему миру общей площадью более 190 млн га были внесены в Рамсарский список водно-болотных угодий международного значения. При включении своих угодий в Рамсарский список государство обязуется обеспечивать его охрану и, кроме того, обязуется продолжать выделять подходящие водно-болотные угодья на своей территории для включения в Список (ст.2.1). Выбор водно-болотного угодья для включения в Рамсарский список должен основываться на его значимости с точки зрения экологии, ботаники, зоологии, лимнологии или гидрологии. Договаривающиеся Стороны разработали конкретные критерии и указания для выделения угодий, которые могут включаться в Рамсарский список.

Критерии, по которым определяется значимость водно-болотного угодья, подразумевают, что такое угодье должно быть типичным или уникальным для соответствующего региона, иметь особую ценность для поддержания биологического разнообразия и регулярно посещаться большим количеством водоплавающих птиц (20 тыс. птиц или 1% особей популяции одного вида или подвида водоплавающих птиц). Такие места являются рефугиумами специфического биоразнообразия и стабилизаторами климата. Страны – участницы Конвенции обозначенные угодья провозглашают официально. Провозглашение водно-болотного угодья «имеющим международное значение» и включение его в Список Конвенции означает, что государство принимает на себя обязательства осуществлять свою деятельность на данном угодье таким образом, чтобы способствовать сохранению и устойчивому использованию водно-болотного угодья, а также содействовать охране, управлению и рациональному использованию ресурсов мигрирующих водоплавающих птиц.

Согласно ст.3.2 Рамсарской конвенции Договаривающаяся Сторона «обеспечивает такое положение, при котором она сама в возможно ранний срок получает информацию с мест в случае, если экологический характер любого угодья на ее территории, включенного в Список, изменился, изменяется или может измениться в результате технического развития, загрязнения или других видов вмешательства человека. Информация о таких изменениях передается без промедления Секретариату Рамсарской конвенции». Кроме того, когда Секретариат

получает уведомление от третьей стороны (например, от национальной или местной НПО) о таком изменении или возможном изменении, Секретариат рассматривает такую информацию в качестве уведомления, переданного в соответствии с ст.3.2 Конвенции, и связывается с Административным органом заинтересованной Стороны с целью уточнения ситуации и, если потребуется, предложения рекомендаций. Секретариат также сообщает первоначальному источнику информации, в зависимости от обстоятельств, об ответных действиях и мерах, принятых Административным органом. Кроме того, в соответствии с ст.8.2 Конвенции, Секретариат обязан уведомлять другие Договаривающиеся Стороны о «любых изменениях в Списке или изменениях характера водно-болотных угодий, включенных в него» и обеспечивать обсуждение этих вопросов на очередной Конференции Договаривающихся Сторон.

Рамсарская конвенция использует широкий подход к определению водно-болотных угодий, подпадающих под ее юрисдикцию. В соответствии с ст.1.1 водно-болотные угодья определяются как: «районы болот, фен⁷, торфяных угодий или водоемов – естественных или искусственных, постоянных или временных, стоячих или проточных, пресных, солоноватых или соленых, включая морские акватории, глубина которых при отливе не превышает шести метров⁸». Кроме того, в целях охраны целостных природных комплексов, ст.2.1 предусматривает, что водно-болотные угодья, включаемые в Рамсарский список, «могут включать прибрежные речные и морские зоны, смежные с водно-болотными угодьями, и острова или морские водоемы с глубиной больше шести метров во время отлива, расположенные в пределах водно-болотных угодий».

Обычно выделяют следующие пять основных типов водно-болотных угодий: *морские* (прибрежные водно-болотные угодья, в том числе прибрежные лагуны, скалистые берега и коралловые рифы); *устьевые* (включая дельты, литоральные марши и мангры); *озерные* (водно-болотные угодья, связанные с озерами); *речные* (водно-болотные угодья, расположенные вдоль рек и иных водотоков); и *болотные* (т.е. «болотистые» – болота на бедных органикой почвах, заболоченные земли и торфяные болота). Кроме того, существуют *антропогенные*

⁷ От англ. fen – низинное болото.

⁸ Считается, что эта цифра основана на максимальной глубине, на которую способны нырять нырковые утки в поисках пищи.

водно-болотные угодья, такие как пруды для разведения рыб и креветок, фермерские пруды, орошаемые сельскохозяйственные земли, салины, водосбросы, гравийные карьеры, отстойники сточных вод и дренажные каналы. Рамсарская конвенция приняла Рамсарскую систему классификации типов водно-болотных угодий: 42 типа, сгруппированы в три категории – морские и прибрежные, континентальные и антропогенные (классификация одобрена Рекомендацией 4.7, с поправками, внесенными Резолюциями VI.5 и VII.11 КС).

В целом, членство в Рамсарской конвенции влечет за собой целый ряд плюсов: одобрение принципов, заложенных в Конвенции, и принятие соответствующих обязательств, разработку политических мер и действий на национальном уровне, в том числе законодательства, которое содействует наиболее оптимальному использованию национальных ресурсов водно-болотных угодий в целях обеспечения устойчивого развития; предоставляет возможность странам быть услышанными на главном межправительственном форуме по охране и разумному использованию водно-болотных угодий; обеспечивает широкую известность и престиж водно-болотных угодий, номинированных для внесения в Рамсарский список, и, таким образом, усиливает возможности оказания поддержки мерам по их охране и разумному использованию; обеспечивает доступ к последней информации и рекомендациям по принятию международно-признанных стандартов Конвенции, таких как критерии выделения угодий, имеющих международное значение, рекомендации по применению концепции разумного использования и указания по созданию планов управления водно-болотными угодьями; обеспечивает доступ к экспертным рекомендациям по национальным и местным проблемам, связанным с управлением водно-болотными угодьями и их охраной, посредством контактов с персоналом и партнерами Секретариата Рамсарской конвенции и посредством использования механизма Рамсарской консультативной миссии, когда это целесообразно; поощряет международное сотрудничество по вопросам, связанным с водно-болотными угодьями, и обеспечивает возможность оказания поддержки проектам в области охраны и разумного использования водно-болотных угодий, либо посредством собственных программ Конвенции по оказанию содействия из средств фонда малых грантов, либо посредством контактов Конвенции с многосторонними и двусторонними агентствами по оказанию внешней помощи.

Стороны сообщают о своих достижениях в деле выполнения обязательств, принятых в рамках Конвенции, путем представления Национальных докладов за трехлетний период Конференции Договаривающихся Сторон – такие доклады готовятся в формате, принятом Сторонами, который соответствует Стратегическому плану Конвенции. Так, в последний раз в 2008 г. на КС-10 более 90% государств-членов представили вовремя свои отчеты⁹.

Протокол Монтрё (англ. Montreux Record) - список Рамсарских угодий, где в результате технологического развития, загрязнения или иного вмешательства человека произошли, происходят или могут произойти изменения экологического характера угодья. Протокол ведется как составная часть Рамсарского списка. Угодья, внесенные в Протокол Монтрё, нуждаются в принятии приоритетных природоохранных мер на национальном и международном уровнях и имеют предпочтительное право приглашения Рамсарской консультативной миссии.

Протокол Монтрё был создан в соответствии с Рекомендацией 4.8 КС (1990 г.). В Резолюции VI.1 (1996 г.) были установлены более точные процедуры использования механизма Протокола Монтрё с указанием мер, которые необходимо принять для включения Рамсарских угодий в Протокол и исключения угодий из Протокола. Угодья могут добавляться в Протокол и исключаться из него только с одобрения Договаривающихся Сторон, на территории которых они расположены. По состоянию на сентябрь 2011 г., в Протоколе Монтрё имелось 51 Рамсарское угодье; 32 угодья, которые были внесены в Протокол Монтрё, были впоследствии исключены из него (хотя одно из таких угодий было внесено в Протокол повторно). По просьбе заинтересованной Договаривающейся Стороны Секретариат может направить техническую миссию, известную под названием «Рамсарская консультативная миссия», для анализа ситуации на одном или нескольких конкретных угодьях, внесенных в Протокол Монтрё, предоставления рекомендаций по принятию мер и оценки целесообразности исключения угодья из Протокола Монтрё после успешного осуществления таких мер.

Рамсарская консультативная миссия, представляет собой механизм оказания научно-технической помощи, который был официально

⁹ См., например: доклад России «National Report on the implementation of the Ramsar Convention on wetlands. National Reports to be submitted to the 10th Meeting of the Conference of the Contracting Parties, Republic of Korea, 28 October – 4 November 2008» // http://www.ramsar.org/pdf/cop10/cop10_nr_russia_late.pdf (дата обращения 16 сентября 2011 г.)

принят в соответствии с Рекомендацией 4.7 в 1990 г. Механизм Рамсарской консультативной миссии был ранее известен под названием Процедура мониторинга и Процедура предоставления указаний по вопросам управления. Основная цель этого механизма заключается в оказании содействия – как развитым, так и развивающимся странам – в устранении проблем или угроз, которые вызывают необходимость внесения угодья в Протокол Монтрё.

В большинстве случаев процедура применения этого механизма включает в себя посещение угодья группой из двух или более экспертов, которые составляют отчет о своих выводах и рекомендациях. После получения запроса от Договаривающейся Стороны Секретариат согласовывает техническое задание для миссии с соответствующими органами и определяет, какие профессиональные знания и опыт потребуются для членов направляемой миссии. Проект отчета, составленного группой экспертов, представляется на рассмотрение в компетентный орган, сделавший запрос о направлении миссии, и затем исправленный окончательный отчет становится документом публичного характера, который может обеспечить основу для принятия природоохранных мер на угодье. В некоторых случаях рекомендации, содержащиеся в отчетах Рамсарской консультативной миссии, обеспечивали основу для оказания финансовой помощи со стороны Фонда малых грантов и агентств по оказанию внешней помощи.

В период с 1988 по 2011 г. механизм Рамсарской консультативной миссии применялся к 71 Рамсарскому угодью или группам угодий. Самые первые миссии иногда состояли из кратковременного визита одного сотрудника Секретариата. Однако со временем миссии становились все более организованными и обстоятельными, и стали включать в свой состав группы специалистов разных дисциплин, иногда в сотрудничестве с другими органами, такими как Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., МСОП и Программа «Человек и биосфера». Секретариат имеет отдельный проектный счет для получения добровольных взносов от Договаривающихся Сторон и НПО для покрытия расходов, связанных с направлением Рамсарских консультативных миссий в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Секретариат Рамсарской конвенции обеспечивает сотрудничество с другими международными соглашениями, касающимися охраны окружающей среды. В некоторых случаях перспективная оценка

ощутимого прогресса, достигнутого в таких взаимоотношениях, показала, что инициатива оказалась весьма выгодной для всех заинтересованных сторон. Сотрудничество реализуется в следующих формах: принятие меморандума о сотрудничестве, реализация совместных планов работы, расширение обмена информацией и сотрудничества между вспомогательными научными органами конвенций и т.д. В настоящее время наиболее тесное сотрудничество происходит с Конвенцией о биологическом разнообразии 1992 г., Конвенцией о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г., Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенцией ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке 1994 г., Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г., а также с различными международными речными комиссиями (Международной комиссией по защите реки Дунай, Комиссией по бассейну озера Чад и Администрацией бассейна реки Нигер, Международной комиссией по бассейнам рек Конго-Убанги-Санга).

В 2008 г. на КС Резолюцией X.1 был принят Третий Стратегический план на 2009–2015 гг. (Первый Стратегический план (1997–2002 гг.), Второй Стратегический план (2003–2008 гг.)). Стратегический план на 2009–2015 гг. устанавливает пять «Целей»: разумное использование водно-болотных угодий, развитие Рамсарского списка, международное сотрудничество, развитие потенциала, необходимого для осуществления Конвенции, и всеобщее членство в Конвенции. В рамках этих пяти целей более строгий акцент делается на 28 «стратегиях», которые, по общему мнению, представляют наиболее приоритетные области для большинства Сторон.

Что же все-таки реально дает государствам участие в Рамсарской конвенции, есть ли практический итог международной защиты для водно-болотных угодий? Согласно Национальным докладам, представляемым Договаривающимися Сторонами, Конвенция часто использовалась в качестве эффективного инструмента для прекращения или предупреждения процессов, оказывающих негативное воздействие на водно-болотные угодья. Так, например, была произведена замена проекта добычи тяжелых металлов в дюнах на Рамсарском угодье Сент-Люсия в ЮАР экологически благоприятными альтернативными планами развития (1996 г.); был зафиксирован отказ от планов строительства свалки мусора на участке в Фуджимае, последней сохранившейся

крупной литоральной системе водно-болотных угодий недалеко от Нагои в Японии, когда в 2001 г. власти города приняли решение об объявлении участка Фуджимае Рамсарским угодьем; был зафиксирован отказ от планов строительства крупного нового аэропорта на территории Рамсарского угодья Клиф Маршес, находящегося в устье реки Темзы в Англии, когда в декабре 2003 г. правительство Великобритании пришло к заключению, что «международный статус, которым обладают некоторые местообитания, ... означает, что любое потенциальное неблагоприятное воздействие требует от правительства продемонстрировать, что оно рассмотрело все разумные альтернативы. С учетом проведенных консультаций, правительство удовлетворено наличием разумных альтернатив участку Клиф»¹⁰.

Многие Стороны Конвенции отметили, что большую помощь в деле сохранения водно-болотных угодий оказало их включение в Протокол Монтрё. Приведем несколько примеров. На оазис Азрак в Иордании оказали благоприятное воздействие включение в Протокол Монтрё и организация соответствующей Рамсарской консультативной миссии, которая была направлена сюда еще в 1990 г. с целью изучения угроз водно-болотному угодью и разработки рекомендаций. Его статус Рамсарского угодья также сыграл важную роль в одобрении проекта, финансировавшегося Глобальным экологическим фондом (ГЭФ). Австрийский Рамсарский комитет отметил в 1996 г., что включение Рамсарского угодья Донау-Марш-Ауэн в Протокол Монтрё и организация Рамсарской консультативной миссии в 1991 г. оказали благоприятное воздействие на экологический характер угодья. Был составлен план разумного использования угодья в тесном сотрудничестве с неправительственными организациями, и от Европейской комиссии были получены средства гранта в рамках программы LIFE для финансирования работ по управлению водно-болотным угодьем. На основании результатов исследований, проведенных первой Рамсарской консультативной миссией в 1992 г. с целью выработки рекомендаций по устранению негативных изменений экологического характера природного резервата Сребырна в Болгарии, этот участок, являющийся Рамсарским угодьем и объектом всемирного наследия, был внесен в Протокол Монтрё, и административные органы приступили к выполнению рекомендаций. Фондом малых грантов Рамсарской конвенции были выделены средства

¹⁰ The Ramsar Convention Manual: a Guide to the Convention on Wetlands (Ramsar, Iran, 1971), 4th ed. – Gland, 2006. – P. 13.

для разработки плана управления угодьем, и в октябре 2001 г. вторая миссия, в работе которой принимали участие представители МСОП и Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, наблюдала «стабильную и устойчивую тенденцию к улучшению экологического характера» и пришла к заключению, что «Болгария проявила решительность, обеспечила законодательную основу, научный и управленческий потенциал и поддержку общественности для достижения цели сохранения» ценностей водно-болотного угодья. Миссия рекомендовала, чтобы после предоставления дополнительной информации административные органы начали процедуру по исключению резервата Сребырна из Протокола Монтрё и Списка объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой. Озеро Чилика, крупнейшая лагуна на восточном побережье Индии, было объявлено Рамсарским угодьем в 1981 г. Из-за серьезной деградации, вызванной, главным образом, заилением и засорением входного канала морской воды, что привело к быстрому размножению инвазивных пресноводных видов, сокращению продуктивности рыб и общей утрате биологического разнообразия, в 1993 г. оно было включено в Протокол Монтрё. Администрация по развитию Чилика, созданная в 1992 г., осуществила программу действий с целью восстановления экосистем и улучшения социально-экономических условий местных общин. Работы по восстановлению лагуны Чилика осуществлялись при активном участии общин, во взаимодействии с различными национальными и международными учреждениями и с использованием комплексных систем мониторинга и оценки. В 2001 г. Рамсарская консультативная миссия посетила этот участок и пришла к выводу о необходимости его исключения из Протокола Монтрё при условии, что меры по управлению участком будут продолжаться осуществляться и подвергаться мониторингу. В 2002 г. Администрации по развитию Чилика была вручена Рамсарская премия за охрану водно-болотных угодий за ее новаторские усилия¹¹.

Россия и Рамсарская конвенция. По данным Росреестра по состоянию на начало 2010 г. в земельном фонде Российской Федерации на долю болот приходилось 152,83 млн га. Земли под болотами присутствуют почти во всех категориях земель. Больше всего болот в категории земель лесного фонда (101,9 млн га), много заболоченных земель в категории земель сельскохозяйственного назначения (25,6 млн га) и запаса (13,8 млн га). В результате климатических,

¹¹ Ibid. – P.14.

геоморфологических и других природных факторов наибольшее количество болот сосредоточено в северо-западных районах европейской части и в центральных районах Западно-Сибирской равнины. Южнее этой зоны процесс болотообразования ослабляется и почти прекращается¹². По разным оценкам, в болотах сосредоточено около 3000 куб. км статических запасов природных вод.

Россия, 20% площади которой представлено торфяными болотами, а переувлажненные земли занимают до 35% поверхности, обладает уникальными ресурсами ненарушенных водно-болотных угодий и хорошими перспективами для внедрения принципов Рамсарской конвенции, организации природопользования в соответствии с современными рекомендациями. Комплекс мер, осуществляемых Минприроды России, в соответствии с Климатической доктриной Российской Федерации 2009 г., Водной стратегией Российской Федерации на период до 2020 года (2009 г.), повышением энергоэффективности российской экономики будет способствовать и сохранению, а также устойчивому использованию водно-болотных угодий России, и их адаптации к изменениям климата.

Учитывая необходимость сохранения и устойчивого использования ресурсов водно-болотных угодий в соответствии с духом Рамсарской конвенции, Минприроды России в настоящее время проводит работу по совершенствованию отдельных положений о водно-болотных угодьях международного значения.

Для СССР Рамсарская конвенция вступила в силу в феврале 1977 г. Правительством СССР было объявлено 12 водно-болотных угодий, имеющих международное значение, из которых 3 находились на территории РСФСР («Кандалакшский залив» в Белом море, «Озеро Ханка» на Дальнем Востоке и «Дельта Волги»). Российская Федерация стала правопреемником Советского Союза, в качестве Стороны Рамсарской Конвенции в 1991 г. В сентябре 1994 г. соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации было провозглашено 35 водно-болотных угодий, имеющих международное значение, площадь которых составляет 10,7 млн га. Организация, контролирующая выполнение обязательств по Конвенции – Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Расположены они в 21 субъекте Российской Федерации. Более половины площади

¹² См.: Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2009 году». – М.: НИА-Природа, 2010. – С. 48.

Рамсарских угодий совпадает с особо охраняемыми природными территориями (ООПТ) различных категорий, а 14 полностью находятся в границах ООПТ Федерального значения. В России к Рамсарским угодьям отнесены участки крупных озер, например, Чудского, Ханка. Участки Рамсарских угодий расположены в пределах территорий, имеющих важное значение для сохранения видового разнообразия и рыбных запасов, в дельте реки Волга (Астраханская область; название угодья – Дельта реки Волга), Нижнем и Верхнем Двубоье (Ханты - Мансийский автономный округ; названия угодий - Нижнее Двубоье, Верхнее Двубоье) и др. Дельта реки Волга является одним из центров разнообразия и обилия видов рыб (58 видов), в том числе осетровых. Районы Верхнего и Нижнего Двубоья являются важными местообитаниями для разнообразных сиговых видов рыб: нельма, пелядь, шокур, пыжьян, муксун, осетр сибирский и стерлядь.

Специфика водно-болотных угодий, имеющих международное значение для России, состоит в том, что расположены они в основном на территориях государственных природных заповедников, заказников и национальных парков, режимы которых предусматривают соответствующий уровень охраны. Вместе с тем, Рамсарской конвенцией определено не только сохранение водно-болотного угодья, но и возможность его рационального использования. Инструментом рационального использования такого угодья становятся планы управления, которые предусматривают оптимальные с точки зрения сохранения угодья режимы природопользования. В настоящее время работа в этом направлении только начата.

Нормы по охране и устойчивому использованию водно-болотных угодий содержатся в ряде федеральных и региональных нормативно-правовых актов. Общие вопросы охраны и использования водно-болотных угодий, как и других природных объектов, определяются Федеральным законом «Об охране окружающей среды». Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» регулирует охрану водно-болотных угодий в границах ООПТ (заповедники, национальные парки, заказники, и т.д.). Существенное внимание уделено водно-болотным угодьям в природно-ресурсном законодательстве. Водный кодекс Российской Федерации определяет основы охраны и рационального использования водных объектов, включая водно-болотные угодья международного значения, создание водоохраных зон. Лесной кодекс Российской Федерации предусматривает сохранение лесов вдоль рек

и других водных объектов, включая болота. Стратегическое направление на устойчивое использование природных ресурсов определено Экологической доктриной Российской Федерации. В 1999 г. был принят Федеральный закон «Об охране озера Байкал» направленный на сохранение не только этого уникального природного объекта, но и прилегающих территорий, включая объекты Рамсарской конвенции.

Трансграничные водно-болотные угодья России. Российская Федерация граничит с 14 государствами. Общая протяженность границы составляет 60993 км, из которых 7141 км проходит по рекам, 475 км – по озерам, 38807 км – морские границы. Более тысячи водных объектов расположены одновременно на территории России и соседних стран. К трансграничным водным объектам относятся бассейны 70 крупных рек. Таких как Вуокса (Финляндия), Нарва с Чудско-Псковским озером (Эстония), Неман (Литва), Днепр (Беларусь и Украина), Десна (Украина), Западная Двина (Беларусь и Латвия), Самур (Азербайджан), Волга, Урал и Иртыш (Казахстан), Енисей и Селенга (Монголия), Амур (Китай и Монголия), Туманная (Китай и КНДР). Россия активно реализует положения Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, принятой Правительством России в 1993 г. Подписаны соответствующие соглашения с 8 соседними государствами, с рядом из них учреждены совместные комиссии¹³. Три Рамсарских угодья в России являются трансграничными: озеро Ханка (с Китаем), Псковско-Чудская приозерная низменность (с Эстонией), Торейские озера (с Монголией) и еще пять пограничными: Озера Тоболо-Ишимской лесостепи и Дельта Волги (с Казахстаном), Полуостров Кургальский Финского залива (с Эстонией), Хингано-Архаринская низменность и Зейско-Буреинская равнина (с Китаем). Ряд трансграничных водно-болотных угодий не включены в Рамсарский список Российской Федерации, однако здесь организованы ООПТ, которые многие годы активно сотрудничают с соседними странами для сохранения водно-болотных угодий: Убсунурский государственный заповедник (Россия) и Рамсарское угодье «Озеро Убрунур и окружающие водно-болотные угодья» (Монголия); Национальный парк Куршская коса

¹³ Подробнее см.: Солнцев А.М. Участие России в международном сотрудничестве в области совместного использования и охраны трансграничных водных объектов // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. / под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселевой. – М., РУДН, 2011. – Ч. II. – С. 133-145.

(Россия) и Рамсарское угодье «Дельта Немана» (Литва); биосферный резерват «Неруссо-Деснянское Полесье» (Россия) и Рамсарское угодье «Долина реки Десны» (Украина); Российско-норвежский заповедник «Пасвик»¹⁴, норвежская часть которого является Рамсарским угодьем.

В ноябре 2010 г. прошло Третье всероссийское совещание «Торфяные болота России: актуальные проблемы сохранения и рационального использования». На Конференции было отмечено, что торфяные болота – целостный природный объект, имеющий особое значение для формирования гидрологических процессов и газового состава атмосферы, сохранения биоразнообразия, научных исследований, экологического туризма и традиционного природопользования. Особое внимание было уделено актуализации документа «Основные направления действий по сохранению и рациональному использованию торфяных болот России», который был утвержден в 2002 г. Данный документ стал частью выполнения обязательств Российской Федерации по Рамсарской конвенции в части выполнения резолюции VIII.17 «Глобальный план действий по сохранению и разумному использованию торфяных болот».

В целом, водно-болотные угодья представляют собой ресурс, имеющий огромное экономическое, культурное, научное и рекреационное значение для жизни человека; водно-болотные угодья и люди, в конечном счете, тесно зависят друг от друга. Поэтому необходимо остановить прогрессирующее нарушение и потерю водно-болотных угодий, и принять меры по охране и разумному использованию их ресурсов. Достижение этой цели в глобальном масштабе требует принятия совместных действий на межправительственном уровне. Уже 40 лет Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях успешно обеспечивает основу для осуществления таких действий на международном, а также национальном и местном уровнях.

Библиографический список

Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Подземные воды - новый объект международно-правового регулирования // Международное право - International Law, 2009. - №1 (37). - С. 180-201.

¹⁴ Запланировано создать транснациональное российско-норвежское Рамсарское угодье на основе природных резерватов с норвежской и российской сторон р. Паз, а также провести международную конференцию осенью 2011 г. в Мурманске по вопросам водно-болотных угодий Баренцевого региона.

Бринчук М.М. Экосистемный подход в праве // Экологическое право, 2008. – № 1. – С. 6-14.

Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2009 году». – М.: НИА-Природа, 2010.

Доклад России «National Report on the implementation of the Ramsar Convention on wetlands. National Reports to be submitted to the 10th Meeting of the Conference of the Contracting Parties, Republic of Korea, 28 October – 4 November 2008» // http://www.ramsar.org/pdf/cop10/cop10_nr_russia_late.pdf.

Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Сасиев К.Х. Обеспечение экологической безопасности трансграничного водотока в системе управления им // Международное право - International Law, 2007. - № 4 (32). – С. 153-183.

Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – С. 53-54.

Сиваков Д.О. Особенности правовой охраны водно-болотных угодий // Законодательство и экономика, 2002. - № 5. - С. 49-51.

Солнцев А.М. От конфликта к сотрудничеству: российско-китайские отношения в области управления водными ресурсами // Международное право - International Law, 2009. - № 1 (37). - С. 246-261.

Солнцев А.М. Участие России в международном сотрудничестве в области совместного использования и охраны трансграничных водных объектов // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. / под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселевой. – М., РУДН, 2011. – Ч. II. – С. 133-145.

Экологическая энциклопедия: в 6 т. / Ред. кол.: Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. и др. –М., 2008. –Т. 1.

Bowman M. The Ramsar Convention on Wetlands: Has it Made a Difference? – In: Yearbook of International Co-operation on Environment and Development, 2002/2003. –London: Earthscan, 2002. – P.61-80.

De Klemm C., Créteaux I. The Legal Development of the Ramsar Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat (2 February 1971). – Ramsar Convention Bureau, 1995.

Matthews G.V.T. The Ramsar Convention on Wetlands: Its History and Development. –Ramsar, 1993.

Shine C., de Klemm C. Wetlands, Water and the Law. – Gland / Bonn: IUCN, 1999.

The International Legal Protection of the Ecosystems of Wetlands (to the 40th Anniversary of the 1971 Ramsar Convention) (Summary)

*Mikhail N. Kopylov**

*Alexander M. Solntsev***

The article reveals the importance of wetlands as specific foci of biodiversity as a stabilizer of climate, as a source of drinking water, as the habitat of rare, i.e. migratory, wild animals. The history of elaboration and adoption of the 1971 Ramsar Convention on Wetlands of International Importance especially as Waterfowl Habitat is briefly analyzed. The obligations of States under the Ramsar Convention, the criteria for classification of wetlands in the category “wetlands of international importance”, the essence of the Montreux Record and of Ramsar advisory missions are disclosed. Specific instances of the practice of different states, when the inclusion of wetlands in the Montreux Record and dispatch of the Ramsar advisory missions led to the improvement of their ecological status. On the bases of Russian transboundary wetlands it is concluded that Russian national legislation should be further developed and improved.

Keywords: wetlands; Ramsar Convention; the Ramsar List; the Montreux Record; the Ramsar advisory mission; the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources.

* Mikhail N. Kopylov – Doctor of Laws, professor; professor of the department of International law of the Russian Peoples’ Friendship University, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Ecological Academy and International academy of Sciences of Ecology and Life Safety. mikhail.kopylov11@gmail.com.

** Alexander M. Solntsev – Ph.D. in Law, senior lecturer of the department of International law of the Russian Peoples’ Friendship University. solntsev@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Транзитный проход через международные проливы

*Йон М. Ван Дайк**

Режим транзитного прохода через международные проливы – это один из компромиссов, обеспечивший согласование текста Конвенции по морскому праву 1982 г. В статье исследовано юридическое содержание этого режима, представлены различные подходы к толкованию соответствующих положений международного морского права. Дан анализ международно-правовых режимов отдельных проливов.

Ключевые слова: международные проливы; транзитный проход; Конвенция по морскому праву 1982 г.

Третья Конференция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1974–1982)

Третья Конференция Организации Объединенных Наций по морскому праву начала свою работу в 1974 г. в г. Каракас (Венесуэла). Восемью годами позже, после продолжительных переговорных сессий, поочередно проводившихся в Нью-Йорке и Женеве, работа над Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву подошла к концу, и 10 декабря 1982 г. 119 государств подписали международный договор в г. Монтего-Бэй (Ямайка). Конвенция вступила в силу

* Йон М. Ван Дайк – профессор права юридического факультета имени У.С. Ричардсона, Гавайский университет, Маноа (США). Перевод с согласия автора на русский язык его статьи “Transit Passage Through International Straits”, опубликованной в: *The Future of ocean Regime-Building: Essays in Tribute to Douglas M. Johnston*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff, 2009 (с сокращениями). Перевод выполнен магистрантом МГИМО (У) МИД России («Международное экономическое право») Алисой Бабиной.

в июле 1994 г. после завершения процедуры формальной ратификации достаточным числом государств.

Ширина территориального моря, контроль прибрежного государства над прибрежными морскими ресурсами и свобода судоходства торговых судов и военных кораблей в проливах и архипелагах вошли в перечень вопросов, вызвавших наиболее широкую дискуссию среди государств во время разработки договора. США и другие морские державы изначально противодействовали попыткам прибрежных государств устанавливать расширенные рыболовные зоны в силу опасений, вызванных возможностью ограничения свободы судоходства в таких зонах. Особый интерес для США представляло продолжение пользования правами на проход военных кораблей, включая подводные лодки в подводном положении, через ключевые международные проливы, такие как Гибралтарский пролив (в Средиземное море), Ормузский пролив (в Персидский залив), Баб-эль-Мандебский пролив (в Красное море), Малаккский пролив (соединяющий Индийский океан с Тихим), Па-де-Кале (через Ла-Манш), Берингов пролив (в Арктике), Ломбокский пролив (через Индонезийский архипелаг). США были обеспокоены тем, что в случае, если бы государствам было дозволено расширить их территориальные моря с 3 до 12 морских миль, в этих узких проливах не осталось бы коридоров, относящихся к открытому морю, и прибрежные государства могли бы осуществлять контроль над транзитом в проливах, представляющих собой ключевые морские пути. США придерживались той точки зрения, что свобода судоходства в этих проливах является необходимым условием обеспечения их национальной безопасности, и заявляли протесты в случае расширения территориальных морей. Позиция США на этом этапе была поддержана Советским Союзом, еще одной великой морской державой.

Группа государств, прибрежных к проливам, в том числе Малайзия, Индонезия, Испания, Филиппины, Кипр, Египет, Марокко и Йемен, выступили с критикой позиции морских держав. Испания и Малайзия утверждали, что нефтяные танкеры представляют серьезную угрозу загрязнения окружающей среды прибрежных государств. Малайзия заявляла, что проход нефтяных танкеров не должен считаться мирным и что прибрежные государства должны иметь право на определение условий их прохода. Проекты статей, представленные Малайзией, Марокко, Оманом и Йеменом, предусматривали режим мирного прохода в проливах, что означало бы необходимость предварительного

получения разрешения прибрежного государства на осуществление военными кораблями мирного прохода через территориальное море в проливах. Эти предложения были отвергнуты морскими державами и не получили поддержки многих других прибрежных государств.

В результате затяжных переговоров был достигнут компромисс, который (а) предусматривал право расширения прибрежными государствами своего территориального моря до 12 морских миль; (b) признавал право «транзитного прохода через международные проливы» и (с) предусматривал право государств на установление ширины исключительной экономической зоны (ИЭЗ) до 200 морских миль от побережий, правовой режим которой определяется в соответствии с частью V Конвенции 1982 г. (ст. 55–75). Согласно Конвенции 1982 г. право «транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства», носит беспрепятственный характер и принадлежит всем типам судов: военным кораблям, торговым, а также воздушным судам (ст. 38 (1)). В соответствии с формулировкой ст. 39 (1) (с) допускается транзитный проход подводных лодок в подводном положении.

Таким образом, позиция морских государств, согласно которой суда должны иметь право на беспрепятственный проход через международные проливы, была в общих чертах воспроизведена в Части III (ст. 34–45) Конвенции 1982 г. Тем не менее каждый пролив обладает уникальными географическими и навигационными особенностями, и в отношении некоторых проливов исторически сформировался особый правовой режим, который остается в силе согласно ст. 35 (с) Конвенции. Льюис М. Александр – географ Государственного департамента США в 1980-х гг. – выделил на карте мира 265 важнейших проливов, но это число существенно возросло бы в случае принятия в расчет каждого узкого морского пути между участками суши. Ниже детально рассмотрен режим отдельных проливов.

Какие меры в отношении судов, осуществляющих транзитный проход через международные проливы, может осуществлять прибрежное государство?

Положения международного права, закрепленные в Конвенции 1982 г., не допускают приостановления транзитного прохода (ст. 44) и не требуют мирного характера последнего, но они налагают *inter alia* следующие ограничения на транзитный проход: (1) транзитный проход должен осуществляться единственно с целью непрерывного и быстрого

транзита – ст. 38 (2); (2) суда при транзитном проходе должны соблюдать общепринятые международные правила, процедуры и практику, касающиеся безопасности на море, – ст. 39 (2)(а), а также предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения с судов – ст. 39 (2) (b); и (3) суда при осуществлении права транзитного прохода должны без промедления следовать через пролив, не должны проводить какие бы то ни было исследования или участвовать в рыболовной деятельности, а также обязаны воздерживаться от любой угрозы силой или ее применения – ст. 39(1), 40 и 42(1)(с).

Статья 38(3) Конвенции 1982 г. прямо предусматривает, что «любая деятельность, которая не является осуществлением права транзитного прохода через пролив, подпадает под действие других применимых положений настоящей Конвенции». В случае если такая деятельность, не связанная с транзитом, имеет место в территориальных водах прибрежного государства, она должна соответствовать положениям о мирном проходе, содержащимся в ст. 17–26 Конвенции, и в случае, если деятельность не соответствует мирному характеру прохода, прибрежным государством могут быть приняты меры для ее недопущения.

Конвенция 1982 г. предусмотрела право принятия государствами, граничащими с проливами, определенных правил. Согласно ст. 41 и 42(1) Конвенции, могут быть установлены схемы разделения движения и приняты иные меры безопасности, однако ст. 41(4) содержит указание на необходимость утверждения таких правил Международной морской организацией (ММО), которое должно предшествовать их вступлению в силу. Эти правила должны быть разработаны согласованно с другими, смежными или противолежащими, граничащими с проливами государствами, должны соответствовать общепринятым международным правилам, должны быть представлены компетентной международной организации (ММО) для утверждения и должны быть надлежащим образом опубликованы. Схемы разделения движения были приняты в отношении многих важнейших проливов, включая балтийские проливы, Па-де-Кале, Гибралтарский и Керченский, Баб-эль-Мандебский и Ормузский проливы, Малаккский и Сингапурский проливы, а также Курильские проливы.

Принятие правил по контролю над загрязнением предусмотрено ст. 42(1)(b), согласно которой государства, граничащие с международными проливами, могут принимать законы и правила в отношении «предотвращения, сокращения и сохранения под контролем

загрязнения путем введения в действие применимых международных правил, относящихся к сбросу нефти, нефтесодержащих отходов и других ядовитых веществ в проливе». Однако такие законы и правила не должны иметь дискриминационную природу и «их применение не должно на практике сводиться к лишению, нарушению или ущемлению права транзитного прохода» – ст. 42(2); также такие акты должны быть надлежащим образом опубликованы – ст. 42(3).

Статьей 42(с) Конвенции предусмотрено принятие рыболовных правил, имеющих целью недопущение рыболовства, включая требования относительно уборки рыболовных снастей. Кроме того, в соответствии со ст. 42(1)(d) могут быть приняты правила по вопросам погрузки, выгрузки или передачи любых товаров, валюты, посадки, высадки и пересадки лиц в нарушение «таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил» прибрежных государств.

Обсуждение вопроса о правах прибрежных государств в области контроля над загрязнением их побережий имело место на этапе разработки Конвенции и сопряжено со значительными сложностями. Во время дебатов, результатом которых явилось создание режима транзитного прохода, Норвегия при поддержке Турции предложила учредить обязательный страховой пул, распространяющийся на всех участников судоходства, в целях предоставления прибрежным государствам гарантий компенсации в случае, когда применение других видов ответственности не покрывает причиненный ущерб.

Правила, издаваемые государствами проливов, не должны допускать дискриминации в отношении иностранных судов, а их применение не должно сводиться к «нарушению или ущемлению права транзитного прохода» – ст. 42(2), и такие правила подлежат надлежащему опубликованию. Тем не менее судно, нарушающее такие правила после их промульгации, несет ответственность «за любой ущерб или убытки, причиненные государствам, граничащим с проливами» – ст. 42(5). Государства проливов также обязаны «соответствующим образом оповещать о любой известной им опасности для судоходства в проливе или пролета над проливом» (ст. 44).

В отношении прохода через территориальное море ст. 22 и 23 Конвенции признают чрезвычайную опасность, исходящую от перевозки ядерных веществ, и предусматривают возможность определения соответствующих условий такого прохода. Согласно ст. 23 ограничения, налагаемые на такую перевозку, должны быть отражены

в «международных соглашениях», но на сегодняшний день такие соглашения не были разработаны. Некоторые государства, включая Малайзию и Саудовскую Аравию, в этой связи полагают, что они обладают полномочиями на непосредственное регулирование таких перевозок до тех пор, пока не будут заключены международные соглашения.

Ограниченные возможности государств проливов по исполнению своих правил

На заключительных переговорных сессиях в 1982 г. Индонезия, Малайзия и Сингапур распространили следующее совместное заявление: «Государства, граничащие с проливами, могут в соответствии со ст. 233 принять надлежащие меры по обеспечению выполнения в отношении иностранных судов, совершивших нарушение законов и правил, упомянутых в п. 1(a) и (b) ст. 42, вызвавшее или грозящее вызвать тяжелый ущерб морской среде проливов». Содержание этого заявления вступало в противоречие с принципом беспрепятственного транзитного прохода, однако государства проливов считали, что такое положение необходимо в целях защиты и сохранения их морской среды.

Согласно формулировке Конвенции 1982 г., возможности государств проливов по обеспечению выполнения своих правил ограничены, так как в соответствии со ст. 38(1), 42(2) и 44 не может чиниться препятствий транзитному проходу, а также не должно иметь места ущемление, нарушение, лишение или приостановление права транзитного прохода. Однако государства проливов могут, согласно ст. 233, «принять надлежащие меры по обеспечению выполнения» в случае нарушения транзитными судами правил, которое вызвало или грозит «вызвать тяжелый ущерб морской среде проливов». Принятие мер по обеспечению выполнения по ст. 233 ограничено сферой «исключительных» случаев, однако государства Малаккского пролива истолковали ст. 233 так, что это положение якобы предоставляет им право принятия надлежащих мер по обеспечению выполнения в отношении судов, проходящих через пролив и не соблюдающих требования 3,5-метровой глубины под килем, установленного этими государствами. При подписании Конвенции в 1983 г. Оман распространил заявление о том, что, по его мнению, «применение положений статей 19, 25, 34, 38 и 45 Конвенции не препятствует принятию прибрежным государством надлежащих мер, необходимых для защиты интересов мира и безопасности». Профессор Миланского университета Туллио

Сковацци предложил толковать термин «надлежащие меры по обеспечению выполнения» как «допускающее наложение государствами, граничащими с проливами, запрета на проход таких судов». Он подверг критике иммунитет, которыми пользуются военные корабли, определив их как «небесспорное исключение из принципа предпочтительности предотвращения ущерба компенсации в области защиты окружающей среды». Сатия Нандан, один из главных разработчиков Конвенции 1982 г., в настоящее время занимающий должность Генерального секретаря Международного органа по морскому дну, отметил, что за исключением случая причинения тяжелого ущерба по ст. 233 «единственным средством обеспечения выполнения международных стандартов или законов и правил в отношении судов, осуществляющих проход, является обращение к государству флага, кроме случая, когда судно добровольно заходит в порт государства проливов». Примером противодействия государств проливов проходу судна в связи с угрозой причинения тяжелого ущерба морской среде проливов является противодействие Малайзии, Сингапура и Индонезии предполагаемому проходу японского судна, перевозящего плутоний, через Малаккский пролив в 1992 г.

Угрозы безопасности

В ст. 39(1)(b) содержится требование воздержания судов и летательных аппаратов при осуществлении ими права транзитного прохода «от любой угрозы силой или ее применения против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости государств, граничащих с проливом, или каким-либо другим образом в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций». Тем не менее, по мнению Бернарда Оксмана, военные корабли могут проходить проливы в составе эскадры и могут «сообщаться посредством радио, использовать радиолокационное и сонарное оборудование, а также по мере обстоятельств следовать оборонительным строем и использовать оборонительные маневры». Б. Оксман, профессор Университета Майами, который входил в состав делегации США на переговорах по морскому праву, также выражал позицию, согласно которой запуск и возвращение воздушного судна на борт авианосца при транзитном проходе допустимы в той мере, в которой они не представляют собой угрозу силой или ее применение в отношении государства пролива.

В случае осуществления судном деятельности, не предусмотренной в рамках режима транзита, такая деятельность подпадает под действие «других применимых положений» Конвенции – ст. 38(3). Однако неясно, какие именно действия может предпринять прибрежное государство в связи с такой угрозой. Как быть в том случае, когда самолет, предположительно совершающий транзитный проход над проливами, отклоняется в направлении суши и затем производит сброс антиправительственных листовок, адресованных жителям? Б. Оксман признавал за государствами проливов право принятия в соответствии со ст. 233 мер в отношении неправительственных судов, «вызывающих или грозящих вызвать тяжелый ущерб морской среде проливов», однако, по мнению профессора, не допускается принятие мер в отношении военных кораблей или воздушных судов, сколь бы возмутительными ни были совершаемые ими действия. С. Нандан отмечал, что единственной надлежащей мерой является требование продолжения судном или летательным аппаратом быстрого прохода через проливы.

Следовательно, подразумевается, что осуществление любой деятельности, представляющей угрозу прибрежному государству, распространяет на судно или летательный аппарат режим мирного прохода и предоставляет этому государству право потребовать от судна быстро покинуть зону проливов (ст. 30), по-видимому, в направлении своего следования, так как не должно быть никакого приостановления транзитного прохода по каким-либо основаниям (ст. 44), включая угрозы безопасности.

Современные угрозы безопасности прибрежных к Малаккскому проливу государств и государств, использующих проливы, прежде всего связаны с пиратством и бомбовым терроризмом. К примеру, в начале июля 2006 г. пираты взяли на абордаж и ограбили два судна, зафрахтованных ООН и транспортировавших строительные материалы в Ачех, пострадавший от цунами, а также попытались взять на абордаж японское грузовое судно, которое смогло защититься от нападения с помощью прожекторов и пожарных шлангов. Ведущие морские державы и основные пользователи Малаккского пролива не раз выражали заинтересованность в участии в патрулировании пролива, однако Малайзия и Индонезия оказывают усиленное сопротивление, заявляя, что содействие, которое эти государства были бы готовы принять, может выражаться лишь в форме предоставления информации, разведывательных данных, а также оборудования. Сингапуром и Индонезией

с целью проведения военно-морскими флотами государств наблюдения за проливом была установлена совместная радиолокационная система слежения в Сингапурском проливе, получившая название Project Supric. Эти государства желают предпринимать меры по проведению активных операций в области безопасности без участия третьих сторон. Тем не менее предоставление торговым судам вооруженных судов сопровождения недешево, и неизбежно возникает вопрос о правомерности взыскания компенсации, которую государства, использующие проливы, уплачивали бы в связи с принятием необходимых мер безопасности. Как будет указано ниже, исторически проход через проливы облагался сбором, в частности, в балтийских проливах, а также в Малаккском проливе во время их нахождения под контролем Португалии; в настоящее время взимается плата за ряд услуг, предоставляемых в связи с проходом через черноморские проливы, и всегда облагается сбором проход через каналы.

Может ли проход через проливы облагаться сбором?

Статья 38(1) Конвенции 1982 г. предусматривает, что «[праву] транзитного прохода ... не должно чиниться препятствий», однако ст. 42 закрепляет право государств, граничащих с проливом, на принятие ряда законов, относящихся к проходу. Статья 43 указывает, что «[г]осударствам, использующим проливы, и государствам, граничащим с проливами, следует сотрудничать посредством соглашения» для установления средств навигации и «в предотвращении, сокращении и сохранении под контролем загрязнения с судов». Тем не менее до сих пор не было заключено формальных соглашений в соответствии со ст. 43.

Согласно п. 2 ст. 26, озаглавленной как «Сборы, которыми могут облагаться иностранные суда», прибрежное государство может облагать суда, проходящие через его территориальное море, «сборами в оплату за конкретные услуги, оказанные этому судну». Применяется ли это положение к судну, находящемуся в территориальном море государства, граничащего с проливом, и осуществляющему право на транзитный проход через пролив? Положения части III Конвенции, посвященной проливам, «используемым для международного судоходства», не содержат прямого указания на его неприменимость, и применение ст. 26(2) не вступает в прямое противоречие целям части III.

В случае если судно проходит пролив, ширина которого не превышает 24 морских мили, оно неизбежно находится в территориальном

море одного из государств проливов, но находится ли судно в территориальном море государства пролива при осуществлении права транзитного прохода через пролив юридически? Одним из авторов выдвинута точка зрения, согласно которой «в отношении судоходства режим транзитного прохода предполагает, что пролив не должен считаться частью территориального моря государства пролива и что полномочия прибрежного государства в проливе отличаются от полномочий, которые оно обычно осуществляет в территориальном море». Государства проливов, как правило, не соглашались с такой позицией и заявляют, что «суверенитет и юрисдикция над водами, воздушным пространством, дном и недрами проливов определяются в соответствии с иными нормами международного права». С. Нандан поддержал точку зрения государств проливов по этому вопросу и отметил, что «Конвенция не содержит запрета на наложение сборов за оказание сходных услуг [сходных с «конкретными услугами, оказанными этому судну» в соответствии со ст. 26(2)] в проливах, которые являются частью территориального моря».

Вопрос о компенсации был поднят во время переговоров на Конференции ООН по морскому праву, на которых в 1971 г. государства проливов заявили о необходимости компенсации им расходов, отведенных на улучшение навигационной безопасности, а США выступили против каких бы то ни было требований об уплате компенсаций. Б. Оксман отметил, что отсутствие в части III особой формулировки, сходной с формулировкой ст. 26(2), ненамеренно и что ст. 43 была включена в текст Конвенции с целью разрешения вопроса о сборах применительно к проливам, из чего следует, что государства проливов не вправе облагать суда сборами за оказание услуг в отсутствие соглашения по ст. 43. По мнению С. Нандана и Д. Андерсона, ст. 43 изложена «в условной, необязывающей формулировке», и попытки придать последней обязательный характер не были поддержаны на конференции, разработавшей Конвенцию. Согласно С. Нандану, проблема компенсации за услуги, оказанные государствами проливов, «была небрежно затронута в ст. 43 Конвенции, рекомендующей заключение соглашений о сотрудничестве между государствами, использующими проливы, и государствами проливов, [однако] по факту, за исключением случая сотрудничества в Малаккском и Сингапурском проливах с участием Японии, такое сотрудничество не было реализовано».

Государства проливов выражают правомерную озабоченность финансовым бременем, которое они вынуждены нести в связи с установлением и управлением схемами разделения движения, с установлением и поддержанием средств навигации, а также в связи с загрязнением, которому они подвергаются, при отсутствии каких-либо соответствующих выгод, так как многие суда проходят проливы в порядке транзита, направляясь в порты других государств.

С. Нандан отметил, что этот «вопрос остается неразрешенным» и что «достижение окончательного решения на универсальном уровне представляется затруднительным». По его оценке, в отношении каждого пролива необходимо провести исследование его особых характеристик и «также необходимо учесть чувствительность государств проливов к какому бы то ни было ослаблению осуществления суверенитета над проливами».

Какие «конкретные услуги» могут облагаться сбором государствами проливов случае применимости ст. 26(2) к проливам? К тем видам услуг, которые могут подпадать под категорию «конкретных услуг», относятся лоцманская проводка, буксировка, а также конвоирование, так как такие услуги были бы оказаны конкретным судам в обеспечение успешного прохода. В случае если судно запрашивает предоставление таких услуг государством пролива, наложение сбора в этой ситуации, естественно, представляется надлежащим. Однако вправе ли государство пролива потребовать от судна воспользоваться такими услугами в случае, если судно не желает этого?

В отношении Торресова пролива, разделяющего Австралию и Папуа – Новую Гвинею, можно судить о формировании правила обязательной лоцманской проводки. В мае 1996 г. ИМО одобрила режим представления данных в регионе Торресова пролива, разделяющего Австралию и Папуа – Новую Гвинею, а также австралийский внутренний морской путь через Большой Барьерный Риф. В 2003 г. Австралия и Папуа – Новая Гвинея подали совместное заявление на присвоение району Торресова пролива статуса особо уязвимого морского района (ОУМР), получившее последующее одобрение. Комитет ИМО по безопасности на море (КБМ) и Комитет по защите морской среды (КЗМС) одобрили инициативу Австралии по расширению пространственной сферы действия положений об обязательной лоцманской проводке при осуществлении прохода через Большой Барьерный Риф, которому ранее был присвоен статус ОУМР, на район Торресова пролива. Несмотря на то,

что, как указали США, документы ИМО носят исключительно «рекомендательный» характер, они приобретут обязательную силу, по крайней мере согласно австралийскому законодательству, после распространения Австралией своей программы по обязательной лоцманской проводке на район Торресова пролива. В случае если государства, использующие проливы, согласятся на обязательное пользование услугами австралийского лоцмана во время осуществления прохода через Торресов пролив в соответствии с резолюциями ИМО, такое согласие будет соответствовать обязанности заключать соглашения о безопасности судоходства и о «предотвращении, сокращении и сохранении под контролем загрязнения с судов».

Логично предположить, что Малаккский пролив может быть обозначен ИМО как особо уязвимый морской район в связи с особым значением пролива для интересов экономики и местного населения. Экономическое значение Малаккского пролива как транспортного пути неоспоримо, и закрытие пролива вследствие катастрофы или террористического акта имело бы ужасающие последствия для региона и мира в целом и причинило бы тяжелый ущерб иным видам экономической деятельности в регионе, включая морское рыболовство, туризм и лесозаготовку мангровых пород. Кроме того, очевидна уязвимость пролива в отношении катастроф, террористических актов или пиратства. В том случае, если Малаккскому проливу был бы присвоен статус ОУМР, государства, граничащие с проливом, могли бы выдвинуть сильные аргументы в защиту своего права требовать, чтобы суда следовали через проливы под конвоем и облагались сборами, связанными с патрулированием и защитой пролива. В соответствии со ст. 211(6)(а) эти государства могли бы представить в ИМО для одобрения «законы и правила для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения с судов».

В сентябре 1997 г. Великобритания направила в Юридический комитет ИМО информационное письмо под заглавием «Разработка принципов взыскания с государств, использующих проливы, расходов на морскую инфраструктуру», в котором предложила организации разработать на справедливой и равной основе ряд принципов по определению сборов, которыми государства проливов могли бы облагать пользователей в связи с предоставлением судам средств навигации и других услуг при осуществлении прохода. В письме было подчеркнуто значение навигационных средств для судоходства и несправедливый

характер возложения расходов исключительно на прибрежные государства. В своем письме Великобритания предложила, что наложение сборов должно иметь место на недискриминационной основе и что сборы «были бы увязаны с взысканием расходов, включая капитальные инвестиции и улучшения, однако не преследовали бы цель получения выгоды, так как в противном случае имело бы место обложение сбором судоходства». Юридический комитет ИМО не вынес решения по этому предложению вследствие юридических сложностей.

Кроме всего прочего, еще одним обстоятельством, затрудняющим решение проблемы, является то, что этот вопрос не может быть решен только государствами проливов и государствами флага судов, так как, как известно, многие государства флага предоставляют судам лишь «удобный флаг» и обладают ограниченными возможностями по содействию судам или не имеют таких возможностей. Следовательно, к понятию «государств, использующих проливы», упомянутому в ст. 43, должны относиться не государства флага, а государства, физические и юридические лица которого извлекают выгоду из безопасного прохода через проливы.

Следовательно, в категорию «государств, использующих проливы», должны входить также «государства-отправители и государства – получатели грузов, государства судовладельцев, страховщик судов и грузов, а также основные нефтяные корпорации, осуществляющие мировую торговлю посредством использования проливов».

Статья 38(1) – Мессинское исключение.

На какие проливы распространяется режим транзитного прохода через международные проливы?

В ст. 38(1) предусмотрено, что право транзитного прохода не применяется, «если пролив образуется островом государства, граничащего с проливом, и его континентальной частью» и «если в сторону моря от острова имеется столь же удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь в открытом море или исключительной экономической зоне». Это положение обычно называют Мессинской клаузулой, так как «оно было сформулировано на основе представлений Италии с косвенной ссылкой на пролив, отделяющий остров Сицилия от материковой части Италии». Но в отношении каких других проливов применяется это положение? В качестве примера зачастую приводят проливы Пемба и Занзибар, отделяющие одноименные

острова от материковой части Танзании. Многие относительно незначительные морские пути, такие как воды между Кейп-Кодом и островами Нантакет и Мартас-Винъярд на восточном побережье США, также подпадают под действие этого положения. Л. Александр использовал характеристики Мессинского пролива при определении критериев, которым должны отвечать «столь же удобные» альтернативные морские пути, и отметил в этой связи, что судно, выходящее из Марселя в Триест, огибая о. Сицилия, проходило бы на 60 миль больше, что соответствует 5 часам ходового времени, чем при проходе через Мессинский пролив. Пользуясь этим принципом, он выделил 22 пролива, которые соответствуют исключению по ст. 38(1), шесть из которых находятся в Канаде, а три – в Японии. Пролив Корфу не подпадает под применение этого положения в силу того, что «часть пролива разделяет о. Корфу и Албанию».

Китайская Народная Республика придерживается позиции, согласно которой рассматривает пролив Хайнань, разделяющий полуостров Лэйчжоу и остров Хайнань, как пролив по ст. 38(1), и в своей декларации об установлении территориального моря 1958 г. Китай провел прямые исходные линии, в соответствии с которыми обозначил пролив внутренними водами. Пролив Хайнань составляет примерно 50 миль в длину, от 9,8 до 19 миль в ширину и является значимым морским путем, соединяющим Южно-Китайское море с Тонкинским заливом. В 1964 г. Китаем были изданы правила, запрещающие проход военных кораблей иностранных государств и предписывающие требования в отношении прохода иностранных торговых судов по этому морскому пути.

Некоторые корейские ученые считают, что пролив Чеджу, отделяющий материковую часть Кореи от южного острова Чеджу, подпадает под действие ст. 38(1), однако, по мнению Японии, морской путь, огибающий о. Чеджу, не является «столь же удобным», и тем самым Япония оспаривает позицию корейской стороны. Юн-Су Ким, корейский ученый, высказал мнение, что о. Чеджу представляет собой «неотделимую» от материка часть Кореи, что сокращение масштабов судоходства «необходимо не только в целях сохранения живых ресурсов и обеспечения источника существования рыболовов, но и в целях обеспечения безопасности Кореи», а также что «пролив Чеджу, как правило, не использовался для международного судоходства». Ю. Ким отмечал, что судно, огибающее о. Чеджу, проходит дополнительные 30–35 морских миль вне зависимости от направления следования и что морской

путь, лежащий к югу от острова, является безопасным с точки зрения навигации; кроме того, на этом морском пути расположено достаточное количество маяков и других средств навигации». Исходя из этого, ученый заключил:

В случае если суда могут избрать судоходный путь, при условии, что существует столь же удобный морской путь, остается надеяться, что особые интересы прибрежного государства должны ставиться несколько выше интересов морских государств. Соответственно, можно легко заключить, что пролив Чеджу отвечает требованиям ст. 38(1).

Тем не менее Ю. Ким признает, что, если бы Корея официально объявила пролив Чеджу своими внутренними водами, это «вызвало бы серьезные правовые споры с морскими государствами». Поэтому ученый предложил установить схему разделения движения в качестве альтернативного метода защиты хрупкой экологической системы региона.

Проливы, проход в которых «регулируется в целом или частично давно существующими ... международными конвенциями»

Статья 35(с) Конвенции 1982 г. предусматривает, что режим транзитного прохода не применяется к «[проливам], проход в которых регулируется в целом или частично давно существующими и находящимися в силе международными конвенциями, которые относятся специально к таким проливам».

Черноморские проливы

К черноморским проливам относятся Дарданеллы, соединяющие Эгейское море с Мраморным, и Босфор, соединяющий Мраморное и Черное моря. Общая судоходная длина черноморских проливов от входа в Дарданеллы в Эгейском море до выхода из Босфора в Черное море составляет примерно 160 миль (257 км).

Дарданеллы представляют собой пролив, длина которого составляет около 38 миль (61 км), а ширина колеблется от $\frac{3}{4}$ мили (1,2 км) в самом узком месте до максимальной величины в 4 мили (6,4 км). Глубина Дарданелл достаточно велика и в среднем равняется 55 м, самая глубокая точка пролива находится на глубине 91 м. Несмотря на два основных течения, поверхностное и более соленое подводное течение противоположного поверхностному направления, навигация в Дарданеллах не представляет сложности, так как суда могут

избежать течений, придерживаясь срединного курса. С целью облегчения навигации в ночное время были установлены многочисленные световые приборы.

Босфор представляет собой узкий пролив с крутыми угловыми поворотами, изгибающийся преимущественно в северо-восточном направлении от Мраморного до Черного моря. Длина пролива составляет примерно 19 миль (31 км), а ширина колеблется от 750 м до 2,25 мили (3, км) на южном входе в пролив. Глубина главного фарватера варьируется от 36 до 124 м. В отличие от Дарданелл, сильные течения Босфора могут нести значительные сложности и в ряде случаев опасности в отношении судоходства.

По состоянию на 2000 г. ежедневно черноморские проливы проводили от 100 до 150 судов, включая 10–15 нефтяных танкеров. В 1980-х и ранних 1990-х ежегодно имело место 10–30 столкновений, но после установления схемы разделения движения в черноморских проливах это число сократилось до 2–4 случаев в год. В связи с транспортировкой углеводородов из бассейна Каспийского моря загруженность проливов будет продолжать расти.

Черноморские проливы относятся к числу проливов, упомянутых в ст. 35(с) Конвенции 1982 г., проход в которых регулируется «давно существующими ... международными конвенциями» и режим которых не затрагивается действием новых положений Конвенции. Транзит через черноморские проливы в настоящее время находится под контролем Турции, которая осуществляет суверенитет над ними, однако режим прохода через проливы определяется в соответствии с положениями Конвенции Монтре 1936 г. (*Конвенция о режиме проливов*). Статья 1 признала и подтвердила принцип права свободы прохода и мореплавания в проливах в качестве принципа международного права. Несмотря на это обстоятельство и положение ст. 28, содержащее указание на то, что данный принцип «будет иметь срок действия без ограничения времени», статьи Конвенции налагают существенные ограничения на свободу прохода. Конвенцией предусмотрены различные режимы прохода проливов торговыми судами и военными кораблями. Кроме того, военное или мирное время также являются фактором, определяющим режим прохода. Наконец, «время войны» определяется в зависимости от того, является ли Турция воюющей стороной.

Согласно Конвенции Монтре, в мирное время торговые суда и военные корабли пользуются свободой прохода и мореплавания в проливах.

Однако для прохода в проливах военные корабли должны предоставить предуведомление по крайней мере за 8 дней до предполагаемой даты прохода и обязаны уведомить турецкую сигнальную станцию при подходе к проливам (ст. 13). Даже в мирное время военные корабли должны входить в проливы днем (ст. 10) и должны воздерживаться от запуска любого воздушного судна, которое могло бы на них находиться (ст. 15). Кроме того, Конвенцией наложены ограничения на количество иностранных кораблей (не более 9 кораблей должны одновременно проходить через проливы) и их общий максимальный тоннаж, который не должен превышать 15 000 т (ст. 14), хотя прибрежные к Черному морю государства могут превышать предел общего тоннажа при условии, что эти корабли следуют «в одиночку, эскортируемые не более чем двумя миноносцами» (ст. 11). Подводные лодки могут проходить проливы исключительно на поверхности с целью возвращения к их базе на Черном море, если они были сооружены вне этого моря, и для их ремонта в случае предоставления надлежащего уведомления турецкому правительству. Утверждается, что, согласно Конвенции Монтре, запрещается проход авианосцев через проливы. Общий тоннаж, который неприбрежные к Черному морю государства могут иметь в этом море, не может превышать 45 000 т, и корабли неприбрежных государств не могут оставаться в этом море более 21 дня (ст. 18).

Таким образом, Конвенция Монтре предоставляет прибрежным к Черному морю государствам определенные права, которых лишены другие государства, и по договору Турция получила главенствующую роль в обеспечении исполнения положений договора. Турция не только осуществляет контроль над проходом военных кораблей через проливы, но также отслеживает общий тоннаж военного флота в Черном море и определяет, не превышен ли допустимый общий тоннаж неприбрежных к Черному морю государств.

Во время войны, согласно ст. 4, в случаях, если Турция не является воюющей стороной, торговые суда продолжают пользоваться правом свободы прохода и плавания в проливах. В случае если Турция является воюющей стороной, торговые суда, не принадлежащие стране, находящейся в войне с Турцией, согласно ст. 5 также пользуются правом свободы прохода и плавания в проливах при условии, что такие суда входят в проливы днем и никаким образом не оказывают содействия противнику. В соответствии с этим положением Турция обладает подразумеваемым правом на приостановку прохода торговых судов

и их обыск в связи с необходимостью удостовериться, что суда не действуют противнику. Наконец, по ст. 6 Конвенции Монтре Турция вправе определять условия прохода проливов торговыми судами в случае, если она считает себя «находящейся под угрозой непосредственной военной опасности».

В случае если Турция не является воюющей стороной, военные корабли невоюющих государств продолжают пользоваться правом полной свободы прохода и плавания в проливах на условиях, применяемых в мирное время (ст. 19). Однако в случае если Турция является воюющей стороной, проход военных кораблей «будет зависеть исключительно от усмотрения Турецкого Правительства» (ст. 20).

Статья 2 Конвенции Монтре и Приложение I к ней разрешают взимание Турцией некоторых сборов за оказание судам, совершающим проход через проливы, услуг общего характера; несмотря на это, Турция считает, что допустимый размер сбора недостаточен для покрытия фактических расходов Турции на оказание этих услуг. Турция вправе облагать сбором тоннаж судна, осуществляющего проход, в связи с оказанием услуг по санитарному осмотру, содержанию маяков, светящихся буйев и буйев ограждения фарватера, туманных сирен и пеленгаторных станций. В 1994 г. Турция установила схему разделения движения, получившую одобрение ИМО. В том же году, не получив полного одобрения ИМО, Турция опубликовала Регламент судоходства в зоне черноморских проливов, который содержал правила об оповещении судов и об использовании лоцманов и буксирных судов. Российская Федерация объявила, что регламент противоречит «общепризнанным положениям международного морского права, согласно которым правила, изданные прибрежным государством, не должны лишать, нарушать или ущемлять права свободы прохода через международные проливы», а также «положениям Конвенции Монтре 1936 г.» Юридическим комитетом ММО было отмечено, что «значительное число государств сочли турецкий регламент не соответствующим Конвенции Монтре и правилам и регламентам ИМО», и было принято решение о дальнейшем исследовании вопроса в рамках ИМО. Турция воздерживалась от применения некоторых положений регламента во время обсуждения вопроса в ИМО, однако в 1998 г. переиздала Регламент, подтверждая большинство положений. В 2003 г. Турция установила радиолокационную систему контроля за судами первоначальной стоимостью 20 млн долл. США.

Ситуация в Эгейском море

Греция установила ширину территориального моря вокруг островов в Эгейском море в 6 миль. В случае если Греция когда-нибудь заявит о расширении территориального моря островов в этом небольшом море до 12 миль, необходимо будет установить, существует ли право транзитного прохода в отношении каждого из морских путей или же в отношении отдельных из них. Можно предположить, что право транзитного прохода распространялось бы по крайней мере на основные судоходные пути, ведущие из черноморских проливов в Средиземное море. Тем не менее греческим ученым выдвинута точка зрения, что «[р]азумно было бы предположить», что «узкие пути между островами Кос и Астипалайя, Аморгос и Калимнос, Наксос и Патмос [и] Микнос и Икариа», которые ученый описал как «промежуточные случаи», «не подпадают под понятие проливов, используемых для международного судоходства, и, следовательно, на них распространяется менее свободный режим мирного прохода». Эти «промежуточные» «узкие морские пути», по сути, представляют собой основной и наиболее логичный маршрут от черноморских проливов в Восточное Средиземноморье и многочисленные порты Ближнего Востока. Тем не менее ученые значительно расходятся во мнениях по данному вопросу. Ученые, исследующие регион Эгейского моря с общих позиций, отмечают, что на «малозначительные» проливы, включая, по-видимому, те из Эгейских проливов, которые соединяют исключительную экономическую зону или открытое море с территориальным морем, распространяется режим «беспрепятственного мирного прохода», который отличается от транзитного тем, что не допускает проход подводных лодок в подводном положении, а также не предоставляет гарантированной свободы полетов воздушным судам.

Кроме того, остается неясным, подлежит ли применению режим транзитного прохода, например, в отношении судов, выходящих из турецкого порта Измир и следующих в другой турецкий порт вдоль побережья Турции в южном или северном направлении. Предложение 2 ст. 38(2) Конвенции 1982 г. предусматривает, что к транзитному проходу относится «проход через пролив для целей входа, выхода или возвращения из государства, граничащего с проливом», но как быть в случае, когда проход вызван следованием из одного порта государства в другой его порт? Такое судно не осуществляло бы проход из одной части открытого моря или ИЭЗ в другую и не отвечало бы критерию

международного судоходства в обычном смысле этого термина. Последним неразрешенным вопросом является содержание права прохода через Эгейское море в военное время. Итальянским ученым отмечено, что «статус международных проливов в военное время никогда не был полностью урегулирован».

Греция возражала против института транзитного прохода через международные проливы во время его обсуждения на переговорах, которые закончились подписанием Конвенции 1982 г. При подписании Конвенции в декабре 1982 г. Греция сделала следующее заявление: «Настоящая декларация касается положений Части III Конвенции «о проливах, используемых для международного судоходства», и в частности практического применения ст. 36, 38, 41 и 42 Конвенции по морскому праву.

В морских районах, где сосредоточено значительное количество островов, которые образуют многочисленные альтернативные проливы, которые фактически служат одним и тем же путем международного судоходства, Греция считает, что заинтересованное прибрежное государство должно обозначить путь или пути в районе указанных альтернативных проливов, по которым морские и воздушные суда третьих государств могли бы следовать, пользуясь режимом транзитного прохода, таким образом, чтобы, с одной стороны, были соблюдены требования международного судоходства и полета, а с другой стороны, чтобы были выполнены требования минимальной безопасности морских и воздушных судов, осуществляющих транзит, а также прибрежного государства».

Это заявление, воспроизведенное при ратификации Конвенции в 1995 г., вызывает несколько вопросов, которые приобретут критическое значение в случае, если Греция когда-либо увеличит ширину своего территориального моря в Эгейском море до 12 морских миль. Греция утвердила за собой право обозначить, какие проливы могут быть использованы в международном судоходстве и воздухоплавании, однако США и другие морские державы заявляют, что право транзитного прохода применяется к любому проливу и не существует права обозначать проливы, к которым применяется режим транзитного прохода. Некоторые ученые высказали мнение, что Греция желала бы «предотвратить полет турецких воздушных судов в проливах в близости к материковой части Греции, в частности в проливе Кеа, находящемся к юго-востоку от Афин». В любом случае, режим транзитного прохода не может быть

распространен на пролив Кеа в соответствии с положениями Конвенции 1982 г., а именно в силу «Мессинского исключения», содержащегося в ст. 38(1), согласно которому «транзитный проход не применяется, если в сторону моря от острова имеется столь же удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь в открытом море или в исключительной экономической зоне».

Каналы

В морском праве каналы считаются частью внутренних вод, следовательно, отсутствует право мирного прохода через канал. В силу того что каналы являются искусственными сооружениями и всегда управление, содержание, финансовая безупречность и контроль над ними всегда отличаются своеобразием, допускается значительная свобода определения режима прохода по этим путям. Проход через каналы обычно определяется в соответствии с международным договором, например договором, согласно которому Панамский канал был передан под суверенитет Панамы, предусматривающим, что режим прохода не должен носить дискриминационный характер, однако допускающим ограничение права прохода по соображениям безопасности. Статья 1 Константинопольской конвенции 1888 г. гласит, что Суэцкий канал «как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов без различия флага». По крайней мере во время управления Панамским каналом США обязанность открывать канал всем судам была «несколько менее явной».

Кильский канал, 53-мильный водный путь, соединяющий Балтийское и Северное моря, который вмещает суда с осадкой до 8 м, открылся в 1985 г. и был проложен через территорию Германии с целью предоставления немецкому военно-морскому флоту доступа к морю и обеспечения беспрепятственного перемещения флота из Балтийского моря в Северное. Канал приобрел международный статус по Версальскому мирному договору, предусмотревшему, что Кильский канал и доступы к нему всегда будут свободны и открыты на совершенно равной ноге для военных и торговых кораблей всех наций, находящихся в мире с Германией.

В 1936 г. Германия объявила, что Кильский канал не является международным судоходным путем и что проход иностранных военных кораблей через канал осуществляется исключительно при условии предуведомления, на что Франция и Чехословакия заявили протесты.

После Второй мировой войны не предпринималось формальных попыток придать каналу международный статус, но тем не менее он был открыт для международного транзита. В 1980 г. немецкие ученые отметили, что, по мнению «большинства авторов по международному праву, имел место отказ от системы интернационализации Кильского канала, предусмотренной Версальским мирным договором».

Регламент Панамского канала, изданный Панамой после получения контроля над каналом, прямо предусматривает возможность запрета администрацией канала прохода судов, перевозящих сверхопасные грузы. В регламенте «Лишение судна, представляющего опасность, права прохода» указано, что «Администрация канала может лишить любое судно права прохода через канал, если природа или состояние груза ... таково, что представляет опасность инфраструктуре канала или может явиться основанием ответственности судна в связи с препятствованием работе канала». Статья III(1)(а) договора между США и Панамой 1977 г. закрепляет право Панамы принимать правила, «необходимые для безопасности судоходства и эффективной работы Канала, отвечающей санитарным требованиям». Договором в нескольких местах подчеркнуто значение открытости канала для торговых судов и необходимость соблюдения необходимых мер безопасности, с тем чтобы обеспечить открытый статус канала.

Панама имеет право требовать от судов, проходящих через канал, уплачивать сбор и пользоваться услугами страхования (аналогично правилам, действующим в Суэцком канале); проводить оценку воздействия на окружающую среду, уведомлять государства, чьи суда используют Панамский канал, и консультироваться с ними и разрабатывать планы действий в чрезвычайных ситуациях в отношении судов, проходящих канал транзитом. Администрация Панамского канала требует, чтобы предуведомление о проходе было представлено за 30 дней до входа судна в воды канала; это требование распространяется на все суда, перевозящие делящиеся материалы, с целью получения разрешения на транзит таких грузов.

Заключение

В последних работах Т. Сковацци отмечал, что режим транзитного прохода через международные проливы все еще находится на стадии эволюции и что положения Конвенции 1982 г. в любом случае еще не приобрели статус общепризнанных обычных норм международного

права. Несколько государств проливов, таких как Иран и Турция, не ратифицировали Конвенцию, так же как и одна из крупнейших морских держав – США. Несмотря на то что Конвенция содержит ряд положений о принципах, применимых к режиму транзитного прохода, не все вопросы были разрешены ею. Некоторые проливы не подпадают под действие Конвенции в силу ст. 35(с), так как проход в них «регулируется в целом или частично давно существующими ... международными конвенциями»; в отношении других проливов действует исключение ст. 38(1), если «в сторону моря от острова имеется столь же удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь». Несмотря на тот факт, что каналы служат той же цели, что и проливы, в их отношении установлен совершенно иной режим. На международной конференции, посвященной проблематике проливов, Д. Андерсон выдвинул предложение о необходимости исследовать принципы, применимые к свободе судоходства в международных реках с целью изыскания положений, которые, по логике, должны быть применимы к проливам. По мере выдвижения вопросов обеспечения безопасности, в т.ч. экологической, на первый план возможно, что государства проливов предпримут новые инициативы по защите окружающей среды своих побережий и их населения. Следовательно, существует вероятность того, что конфликты между судоходной отраслью, морскими державами и государствами, граничащими с проливами, не будут исчерпаны.

Transit Passage through International Straits (Summary)

*Jon M. Van Dyke**

The concept of transit passage through international straits evolved as a compromise that secured agreeing upon the United Nations Convention on the Law of the Sea (1982). This paper examines the legal substance of the regime in question and provides various approaches to the interpretation of the relevant provisions of international law of the sea. It further defines specific legal regimes of separate straits.

Keywords: international straits; transit passage; United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982.

* Jon M. Van Dyke – Professor of Law, William S. Richardson School of Law, University of Hawaii at Manoa, USA. The present article is the translation with the consent of the author of his article “Transit Passage Through International Straits”, published in *The Future of ocean Regime-Building: Essays in Tribute to Douglas M. Johnston*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff, 2009 (with reductions). The translation was made by Alisa Babina, master course student (“International economy law”) at MGIMO-University MFA Russia.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Инновации и космос: международно-правовые аспекты и опыт зарубежных стран

*Волынская О.А.**

Современная космическая деятельность развивается под девизом «от научных исследований к практическому использованию космических возможностей на благо человечества». Для обеспечения внедрения уникальных космических технологий и материалов в различные отрасли «земной» экономики государства разрабатывают соответствующие нормативно-правовые механизмы инновационного развития, поддержки отечественных предприятий с перспективой их выхода на мировые космические рынки. В статье рассматриваются международно-правовые основы и национальные особенности нормативно-правового обеспечения инновационного развития на примере США и Евросоюза, выявляются и анализируются механизмы и стратегии, успешно реализуемые в указанных регионах и способные стать отправной точкой модернизации экономик ряда стран мира путем их инновационного развития.

Ключевые слова: космос; инновации; космическая деятельность; международное космическое право.

Термин «инновация» и его производные (инновационные технологии и разработки, инновационное развитие и иные) активно используются в настоящее время для обозначения явлений, с которыми человек сталкивается уже на протяжении многих лет. Изобретение колеса, книгопечатания, открытие теплового движения, инерции, темного вещества

* Волынская Ольга Александровна – аспирант международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли. aoejia88@mail.ru.

Вселенной, а также других великих, фундаментальных явлений в свое время также стали основой инноваций. Чтобы уяснить содержание термина «инновации» с точки зрения права, целесообразно рассмотреть данную категорию в практической области применения, в качестве которой в настоящей статье предлагается космическая деятельность.

Юридическая наука понимает под инновацией (от лат. *in* – в; *novatio* – обновление, изменение) в широком смысле нововведение, преобразования в экономической, технической, социальной и иных сферах, основанные на новых идеях, изобретениях, открытиях и т.п.; конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности¹. Иными словами, инновация есть итог двух процессов – получения нового знания и его передачи в хозяйственное использование, то есть коммерциализации.

Инновационное развитие в мире наиболее характерно для высокотехнологичных отраслей экономики, прежде всего атомной и ракетно-космической промышленности. В области космической деятельности (далее – КД) коммерциализация проявилась относительно недавно (впервые – в 60-х годах прошлого века в США с запуском первых коммерческих спутников связи). По мере развития различных направлений КД, усовершенствования космической техники, роста числа участников космической деятельности, заинтересованных в практическом использовании ее результатов, произошло переосмысление цели исследования космоса: от удовлетворения жажды научных познаний космоса к использованию его потенциала на благо «земной» экономики. Смена приоритетов космической деятельности, продиктованная практикой государств, была закреплена в международном космическом праве (далее – МКП) и тем самым признана общемировой тенденцией.

Международное космическое право

Фундамент МКП составляют пять соглашений: Договор по космосу 1967 г.², Соглашение о спасании 1968 г.³, Конвенция об ответствен-

¹ Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2010. С. 392.

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. (резолюция 2222 (XXI) ГА ООН).

³ Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г. (резолюция

ности 1972 г.⁴, Конвенция о регистрации 1974 г.⁵ и Соглашение о Луне 1979 г.⁶ Главным источником международного космического права является Договор по космосу, положениями которого в первую очередь должны руководствоваться участники космической деятельности. Несмотря на отсутствие в Договоре четкого указания на его применимость к инновационной космической деятельности, его формулировки «исследование и *использование* [курсив мой. – О.В.] космического пространства» (преамбула, статьи I, III, IX, X, XI и XIII) «на благо и в интересах всех стран» (ст. I), «космическое пространство... свободно для научных исследований» (абз. 2 ст. I) и др. свидетельствуют о том, что любая инновационная деятельность в рамках исследования и в целях использования космоса подпадает под сферу действия Договора и иных указанных выше документов (раскрывающих его отдельные принципы) и государства – участники такой деятельности в лице государственных органов, коммерческих организаций и даже физических лиц⁷ обязаны подчиняться их императивным нормам.

Декларация тысячелетия ООН⁸, признавая важный вклад космической науки и техники в обеспечение благосостояния человека, экономическое, социальное и культурное развитие, подтверждая общую заинтересованность всего человечества в достижении прогресса в области исследования и использования космоса, провозгласила стратегию ре-

2345 (XXII) ГА ООН).

⁴ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. (резолюция 2777 (XXVI) ГА ООН).

⁵ Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 12 декабря 1974 г. (резолюция 3235 (XXIX) ГА ООН).

⁶ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 5 декабря 1979 г. (резолюция 34/68 ГА ООН 5 декабря 1979 г.).

⁷ Вопрос участия физических лиц в космической деятельности с точки зрения их правового статуса рассматривается правовой доктриной на протяжении последних 50 лет, однако до сих пор не выработано единого универсального подхода к данной проблеме на надгосударственном уровне (закрепление статуса космонавтов как «посланцев человечества в космос» (ст. V Договора по космосу) не влечет их признания в качестве участников космической деятельности), в связи с чем национальные космические законодательства закрепляют собственное видение государств, что приводит к сложностям при правовом оформлении международных проектов в области пилотируемой космонавтики.

⁸ Резолюция Третьей конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (UNISPACE III) «Космос на рубеже тысячелетий: Венская декларация о космической деятельности и развитии человеческого общества». Доклад Третьей конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Вена, 19–30 июля 1999 г.

шения в будущем ряда глобальных задач, среди которых – использование космической техники для обеспечения безопасности, развития и благосостояния человека. Мерой по решению поставленной задачи определено *inter alia* создание и/или укрепление правовых механизмов, обеспечивающих надлежащее развитие КД и участие всех заинтересованных секторов. Тем самым мировое космическое сообщество в очередной раз подтвердило, что наиболее оперативное и эффективное решение глобальных задач достигается посредством правотворчества государств именно на национальном, а не на международном уровне. В свою очередь, Правовой подкомитет Комитета ООН по космосу провел анализ действующего космического законодательства стран мира и выработал типовую схему будущего национального нормативно-правового регулирования новых стран – участниц КД⁹, включающую меры стимулирования активности частного сектора, ужесточения конкуренции на внутренних и мировом космическом рынках за счет инновационного производственного роста.

Зарубежный опыт

В настоящее время в мире свыше 100 стран осуществляют космическую деятельность, но лишь три государства: Россия, США и Китай – реализуют все направления этой деятельности, в том числе осуществляют национальные проекты в области пилотируемой космонавтики. Правительства большинства ведущих космических держав рассматривают науку и инновации как основу стабильного функционирования государства и всесторонней модернизации общества, основанной на знаниях. В ряде стран (США, Израиле и др.) активно создаются условия для расширения частных инвестиций в космическую деятельность, важной предпосылкой чего является создание инфраструктуры для эффективного бизнеса в этой области прежде всего за счет внедрения эффективной нормативно-правовой поддержки инноваций.

Анализ законодательства в сфере инновационной деятельности ведущих экономически развитых держав показывает, что действующее в них нормативно-правовое регулирование направлено на обеспечение благоприятных условий для использования результатов научных исследований и разработок в производстве, включая создание необходимых

⁹ Draft Report of the Working Group on National Legislation Relevant to the Peaceful Exploration and Use of Outer Space. Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Legal Subcommittee. Fiftieth session. Vienna, 28 March-8 April 2011.

стимулов, поощряющих проведение научных исследований и разработок в частном секторе, поддержку малого предпринимательства, коммерциализацию технологий, защиту прав интеллектуальной собственности¹⁰. Эти задачи особенно актуальны для космической отрасли: их решение позволит осуществить в полной мере переход от исследования космоса к практическому использованию полученных материалов, технологий и иных результатов космической деятельности на благо «земной» экономики. Далее будут рассмотрены особенности правового обеспечения инноваций в области КД на примере США и Евросоюза, обладающих значительным опытом успешного развития рассматриваемого направления деятельности.

США

Соединенные Штаты на сегодняшний день обладают наиболее развитым законодательством в области космической деятельности. НАСА и иные федеральные органы исполнительной власти, участвующие в космической деятельности, руководствуются следующим принципом: в целях стимулирования частных инвестиций в коммерческий сектор правительство США обязуется широко внедрять инновационные методы для повышения качества космической продукции и услуг¹¹. В этой связи на НАСА возложена обязанность в максимально возможном объеме обеспечивать коммерциализацию всей космической деятельности страны¹². Выполнению поставленных задач способствует действующее законодательство США в области инновационной деятельности, которое затрагивает практически всю совокупность экономических регуляторов, включая финансовые, антимонопольные, налоговые, таможенные и другие механизмы.

Следует отметить, что особенностью правотворчества США в области КД является установление отдельных регулятивных механизмов для

¹⁰ Подробнее см.: Черешнев В.А., Малинецкий Г.Г. Без крупного наукоемкого бизнеса инновационного будущего у России не будет // Нанотехнологии. Экология. Производство. 2010. №5 (7). С. 30–35.

¹¹ Sec. 4(d) («Commercial Space Guidelines»), National Space Policy. National Science and Technology Council. September 19, 1996 // Office of Space Commercialization Official Website. URL: <http://www.space.commerce.gov/general/nationalspacepolicy/> (дата обращения: 15.05.2011).

¹² The National Aeronautics and Space Act. Pub. L. No. 85-568. – 72 Stat. 426 (Jul. 29, 1958); Разд. 105(a), 107(d) Закона США о коммерческой космической деятельности 1998 // NASA Official Website. URL: http://www.nasa.gov/offices/ogc/about/space_act1.html (дата обращения: 15.05.2011).

каждого направления космической деятельности и принятия соответствующих специализированных актов¹³. Аналогичным образом были разработаны и утверждены механизмы внедрения инновационных космических разработок в различные отрасли хозяйствования США, главным из которых является передача (трансфер) технологий. Еще в 1958 году Закон об авиации и использовании космического пространства¹⁴ обозначил приоритет передачи технологий (как государственных, так и находящихся в частной собственности), причем каждое федеральное агентство разрабатывает и реализует собственную программу трансфера, сопряженную с реализуемой НАСА Программой партнерства в сфере инноваций (Innovative Partnerships Program)¹⁵. В рамках Программы выявляются потенциальные лицензиаты, заинтересованные в коммерциализации результатов космической деятельности, оценивается ожидаемый эффект их использования в хозяйственном секторе и заключаются лицензионные договоры (неисключительная лицензия) между НАСА и соответствующими организациями¹⁶. Указанная Программа является частью Инициативы инновационных технологий¹⁷, предложенной НАСА в 2010 году в целях стимулирования новых разработок и их практического использования на благо американской нации. Поддержка авторов новых концепций, революционных технологий и производственных

¹³ Schaefer M. Introduction: Formalism, Informalism, and Innovation in Space and Telecommunications Law // Nebraska Law Review. Vol. 86 Issue 2. 2008. P. 495. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/nlr/vol87/iss2/4> (дата обращения: 20.05.2011).

¹⁴ The National Aeronautics and Space Act of 1958. Pub. L. No. 111–314 124 Stat. 3328 (Dec. 18, 2010) // NASA Official Website. URL: http://www.nasa.gov/offices/ogc/about/space_act1.html (дата обращения: 30.05.2011).

¹⁵ Подробнее см.: The Innovative Partnerships Program. URL: <http://ipp.nasa.gov/> (дата обращения: 30.05.2011).

¹⁶ Основание: NASA Directive NPD 1050.11. 23 December, 2008 // NASA Online Directives Information System . URL: <http://nodis3.gsfc.nasa.gov/displayDir.cfm?t=NPD&c=1050&s=1H> (дата обращения: 15.05.2011). Первый подобный договор был заключен в 1985 г. с организацией Earth Observation Satellite Company (EOSAT). Согласно условиям контракта организация получила право эксплуатации спутников Landsat в течение 10 лет, в том числе эксклюзивное право реализации получаемых данных в коммерческих целях; все доходы, полученные от распространения данных ДЗЗ, получаемых от использования американской спутниковой системы зарубежными наземными станциями, также аккумулируются организацией и расходуются на поддержку ее деятельности. Правительство США гарантирует финансовую поддержку (в первую очередь по производству дополнительных спутников) в размере \$250 млн. (к 1992 г. снижена до \$10 млн.) // NASA Official Website. URL: <http://landsat.gsfc.nasa.gov/about/landsat5.html> (дата обращения: 15.05.2011).

¹⁷ Innovative Technology Initiative // NASA Official Website. URL: <http://nasa.gov/> (дата обращения: 15.05.2011).

процессов, создаваемых на базе космической инфраструктуры и внедряемых в сопряженные отрасли экономики, обеспечивается за счет основного в том же году Инновационного фонда НАСА. Так же активно используются возможности действующей по всей стране сети так называемых бизнес-инкубаторов под руководством Национальной ассоциации бизнес-инкубаторов¹⁸, целью которых является поддержка малого и среднего бизнеса, не имеющего технической базы и свободных ресурсов для создания новых решений и процессов, однако готового инвестировать собственные средства в развитие передовых технологий, которые создаются научными институтами страны, но не могут быть использованы на практике их авторами в силу отсутствия финансового обеспечения и опыта продвижения продукции в рыночных условиях. Таким образом, бизнес-инкубаторы объединяют возможности науки и бизнеса и обеспечивают эффективное внедрение революционных идей в производство, учитывая в равной степени интересы их создателей и коммерческих структур, занимающихся их продвижением.

Применение различных средств и механизмов коммерциализации результатов космической деятельности в рамках Инициативы НАСА позволило передать в сопряженные отрасли экономики страны порядка 1600 космических технологий¹⁹, которые успешно применяются в медицине, на транспорте, в сфере образования, сельском хозяйстве, промышленности, для целей охраны окружающей среды, энергосбережения и в других областях.

Европейский союз

В отличие от США, космическая деятельность в Европейском регионе традиционно строится на базе универсальных общеевропейских документов императивного характера. Таким документом призвана стать единая Европейская космическая политика.

Необходимость разработки Европейской космической политики впервые была закреплена в Лиссабонском договоре, согласно п. 1 ст. 189 которого Евросоюз посредством Европейского космического агентства (далее – ЕКА)²⁰ «способствует научно-техническо-

¹⁸ National Business Incubation Association Official Website. URL: http://www.nbia.org/about_nbia/ (дата обращения: 15.05.2011).

¹⁹ NASA Technology Transfer. URL: http://www.nasa.gov/offices/oct/partnership/tech_transfer.html (дата обращения: 30.05.2011).

²⁰ На основании договоров между ЕКА и ЕС: 2004 Framework Agreement EC-ESA; 2008 Agreement ESA-EU. Подробнее см.: Muñoz-Rodríguez M.C. Developments and

му прогрессу, повышению промышленной конкурентоспособности и имплементации своей политики... посредством реализации совместных инициатив, исследовательских проектов и технологического развития, а также координации усилий по исследованию и использованию космоса»²¹. Европейский парламент принял решение о максимальной концентрации усилий и финансов для выполнения поставленных задач, прежде всего – для внедрения инновационных технологий в экономику Евросоюза, изучения конкретных потребностей европейских граждан в товарах, услугах и иных прикладных результатах, получаемых с использованием космических технологий и систем. Стратегическая задача²² на ближайшее время: вывести ЕС в лидеры мировой космической деятельности, используя многолетний опыт ЕКА и возложив на агентство полную ответственность за реализацию всех космических миссий от имени объединенной Европы, как того требует статус мировой космической державы.

Поддержка Евросоюза и полноценная правовая основа двусторонних отношений принесли свои плоды: в первый же год действия Лиссабонского договора под эгидой ЕКА был создан венчурный фонд The Open Sky Technologies Fund²³ для поддержки организаций, использующих космические технологии и спутниковые возможности в «земной» промышленности, а также для стимулирования действующих программ ЕКА – Программы по трансферу технологий²⁴ и инициатив по созданию бизнес-инкубаторов, во многом схожих с американскими программами, рассмотренными ранее. Свыше 200 передовых космических технологий были использованы для активизации деятельности коммерческого космического сектора Евросоюза на локальных, региональном и мировом рынках. Тем самым ЕКА упрочило свой уникальный – с позиций

perspectives of the European Space Policy. 19th ECSL Summer Course on Space Law and Policy, University of Jaén (Spain), 2nd September 2010.

²¹ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community // Official Journal of the European Union (English edition). Notice No 2007/C 306/01. URL: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:EN:HTML> (дата обращения: 30.05.2011).

²² 7th Space Council resolution: «Global challenges: taking full benefit of European space systems». Brussels, 25 November 2010. URL: http://download.esa.int/docs/7th_Space_Council_resolution.pdf (дата обращения: 17.05.2011).

²³ European Space Agency Official Website. URL: http://www.esa.int/esaMI/TTP2/SEMTZNRMTWE_0.html (дата обращения: 20.05.2011).

²⁴ Technology Transfer Programme // European Space Agency Official Website. URL: http://www.esa.int/SPECIALS/Technology_Transfer/ (дата обращения: 20.05.2011).

международного права – статус полноправного космического ведомства объединенной Европы.

Таким образом, дальнейшее развитие инновационного направления непосредственно связано с задачами повышения качества продукции (услуг) и ее конкурентоспособности на мировом космическом рынке. За последние пятьдесят лет ведущие участники КД прошли самостоятельный путь осмысления собственных стратегий в области космической деятельности исходя из своих исторических особенностей, технического и технологического уровня. Рассмотренные в данной статье примеры позволяют выделить ключевые нормативно-правовые инструменты реализации политики в области инновационного развития указанных регионов мира, являющихся лидерами международной космической деятельности практически по всем ее направлениям. Тем не менее эти механизмы еще несовершенны, и для наиболее эффективного их использования требуется дальнейшее развитие сопряженных и не менее важных финансовых, налоговых, антимонопольных и иных регуляторов с учетом особенностей развития космической деятельности в условиях активно развивающегося мирового космического рынка.

Выявленные национальные нормативно-правовые механизмы доказали свою практическую применимость и могут быть использованы при разработке собственных стратегий других стран, провозгласивших курс на строительство экономик, основанных на стабильном всестороннем законодательном обеспечении инновационного развития.

Библиографический список

Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 6, доп. и перераб. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2010. – 1088 с.

Черешнев В.А., Малинецкий Г.Г. Без крупного наукоемкого бизнеса инновационного будущего у России не будет // Нанотехнологии. Экология. Производство. – 2010. – №5 (7). – С. 30–35.

Muñoz-Rodríguez M.C. Developments and perspectives of the European Space Policy. 19th ECSL Summer Course on Space Law and Policy, University of Jaén (Spain), 2nd September 2010.

Schaefer M. Introduction: Formalism, Informalism, and Innovation in Space and Telecommunications Law // Nebraska Law Review. – Vol. 86

Issue 2. – 2008. – P. 495. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/nlr/vol87/iss2/4> (дата обращения: 20.05.2011).

United Nations Treaties and Principles on Outer Space // United Nations Office on Outer Space Affairs, New York, 2008. 84 p.

Space and Innovations in the Context of Space Law (Summary)

*Olga A. Volynskaya**

Now, after fifty years of space exploration, the world is facing a new challenge – transition from scientific research to practical use of space for the benefit of humanity. To ensure transfer of perspective space technologies to the Earth economy space-faring nations are developing comprehensive regulatory frameworks for innovation-based development to ensure strong positions of national enterprises in world space markets.

This article covers international law aspects and specific features of US and European space legislations on innovations. Legal mechanisms and strategies successfully applied in these regions can be a starting point for modernizing other world economies oriented to innovative development.

Keywords: space; innovations; space activities; international space law.

* Olga A. Volynskaya – postgraduate student of the Chair of International Law, Russian Foreign Trade Academy. aocerjia88@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международно-правовое регулирование передачи технологий в условиях глобализации: состояние и перспективы

*Шугуров М.В.**

Статья посвящена обобщающему рассмотрению состояния современного международно-правового регулирования передачи технологий. Автор делает вывод о необходимости повышения эффективности международно-правового регулирования технологического обмена в условиях глобализации, одним из главных факторов которой является НТП. Особое внимание уделяется перспективам международно-правового регулирования передачи технологий в контексте достижения Целей развития тысячелетия (MDGs), а также реализации стратегии устойчивого развития. В статье осуществляется конкретизация содержания международно-правового принципа устойчивого развития в аспекте устойчивого технологического развития и обмена. Анализируется состояние научных исследований международно-правового регулирования передачи технологий в рамках отечественной и зарубежной международно-правовой доктрины. В системной форме выявляются основные проблемы и противоречия международной передачи технологий, показываются возможности международного права в их разрешении. Обосновывается выделение различных целей международного регулирования передачи технологий и его различные аспекты. В представленной статье автор выявляет новые перспективы международно-правового регулирования процессов технологического

* Шугуров Марк Владимирович – доктор философских наук, профессор Саратовской государственной академии права. shugurovs@mail.ru.

обмена, связанные с глобализацией международной передачи и распространения знаний и технологий.

Ключевые слова: международное научно-технологическое сотрудничество; международное право; международная передача технологий; устойчивое развитие; информационно-технологический обмен.

К числу важных социально-исторических обстоятельств функционирования и прогрессивного развития современного международного права относится научно-технологическая глобализация. Современный мир стал представлять собой огромное, поистине глобальное пространство, в котором происходит создание, циркуляция и перемещение потоков знаний, информации, технологий и прав на них, продуктивных практик, инновационных и высокотехнологичных товаров и услуг.

Наиболее широко распространенными достижениями НТП, оказывающими непосредственное воздействие на развитие государств, народов и индивидов, являются технологии. Они тракуются ЮНКТАД как совокупность технических знаний, необходимых для выпуска соответствующей продукции, применения соответствующего процесса или оказания услуг независимо от того, существуют ли такие знания в письменной (например, в виде технической документации, включая чертежи, инструкции и т.д.) или устной форме.

В современных условиях развитие государств, народов и равным образом человеческой личности все более зависит не столько от объемов полученных знаний и количества разработанных технологий, сколько от их использования и практического применения. Технологии проявляют свой потенциал в качестве глобальных факторов развития при условии распространения в целях использования. Это достигается благодаря их международной передаче. Различные виды (коммерческая и некоммерческая передача) и формы международной передачи технологий (экспорт и импорт оборудования, продажа лицензий, уступка патентов, передача конфиденциальной технологической информации и ноу-хау, оказание коммерческих услуг в технической сфере и др.) регулируются на основе сложной композиции норм и принципов. В настоящее время можно говорить о тесном переплетении и взаимодействии национального и международного права в сфере регулирования международной передачи технологий.

Передача технологий не только находится в поле постоянного внимания субъектов современного международного права, но и относится

к одному из вопросов, находящих свое осмысление в науке международного права. Системный интерес международно-правовой доктрины к отношениям в сфере передачи технологий и их международно-правовому регулированию проявился в 60-е годы XX века. В рамках отечественной науки международного права различные аспекты международной передачи технологий выступали и продолжают выступать в качестве самостоятельного предмета анализа. Помимо этого они затрагиваются в контексте более широкой проблематики международно-правового регулирования научно-технологического сотрудничества, а также в рамках исследования иных проблемных тем современного международного права¹. Ключевой особенностью подхода отечественной международно-правовой доктрины является акцентирование необходимости соблюдения в процессе международного сотрудничества в сфере передачи технологий, норм и принципов международного права². К числу важнейших достижений отечественной науки международного права можно отнести успешный опыт системного анализа международно-правовых проблем международной передачи технологий³. Обращение к различным вопросам международной передачи технологий характерно также и для зарубежной международно-правовой доктрины⁴.

Если в обобщенном виде представить проблемное поле международно-правового регулирования передачи технологий, то оно характеризуется ставшими уже традиционными вопросами выработки норм, принципов и стандартов, регулирующих передачу технологий. Сюда также можно отнести вопросы кодификации норм, регулирующих

¹ Гуреев С.А., Зенкин И.В., Иванов Г.Г. Международное морское право. М., 2011. С. 178–182; Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. М., 2010. С. 13; Бекашев К.А. Морское рыболовное право. М., 2001. С. 288–289.

² Boguslavsky M.M. Technology Transfer and International Law: the Soviet Approach // German Yearbook of International Law. 1985. Vol. 28. P. 355–369.

³ Международная передача технологии: правовое регулирование. Отв. ред. М.М. Богуславский. М., 1985.

⁴ Bulajic M. Transfer of Technology and International Law of Economic Development: Universal Code of Conduct or Dual Norm // The New International Economic Order. The Hague, 1980. P. 256–265; Kimminich O. Technology Transfer and International Law: Towards Conceptual Clarify // German Yearbook of International Law. 1982. Vol. 25. P. 54–84; Nanyenya-Takirambudde P. Technology Transfer and International Law. N.Y., 1980; P. Vitzhum W.G. Transfer of Technology and Public International Law // Law and State. 1987. Vol. 36. P. 95–118; Wilner G.M. An International Legal Framework for the Transfer of Technology // The Political Economy of International Technology Transfer. Ed. by J.R. McIntyre and D.S. Papp. N. Y., 1986. P. 53–60.

передачу технологий, совершенствование международно-правовых режимов передачи технологий в соответствующих сферах международного сотрудничества и повышение эффективности правовой охраны и защиты передаваемых технологических разработок в контексте прав интеллектуальной собственности (IPRs)⁵.

Международные отношения, связанные с передачей технологий, являются самостоятельным объектом международно-правового регулирования. В настоящее время можно констатировать расширение перечня источников мягкого и твердого международного права, содержащих нормы и принципы регулирования передачи самых различных видов современных технологий. Как отмечает Ю.М. Капица, начиная с 1985 года положения, затрагивающие регулирование различных аспектов передачи технологий, вошли более чем в двадцать многосторонних международных соглашений⁶. Нельзя не упомянуть значительный массив двухсторонних международных соглашений в сфере научно-технологического сотрудничества, в которых затрагиваются вопросы, связанные с передачей технологий и обеспечением доступа к результатам научных исследований, полученных в рамках совместной деятельности. По подсчетам западных экспертов, насчитывается более восьмидесяти международных соглашений, отдельные положения которых посвящены тем или иным аспектам международно-правового регулирования передачи технологий⁷. Все сказанное, а также факт формирования практики имплементации соответствующих международно-правовых положений на международном и национальном уровне (включая опыт государств, межправительственных и неправительственных международных организаций, ТНК, компаний) определяет актуальность продолжения исследования места и роли международного права в регулировании международной передачи технологий.

Усиление внимания к международно-правовому регулированию передачи технологий в международно-правовой науке, в том числе

⁵ Yusuf A.A. *Transfer of Technology // International Law: Achievement and Prospects*. Ed. by M. Bedjaoui. Dordrecht, 1991. P. 691 – 708; *The United Nations and International Law*. 2nd edition. Ed. by Ch. Joyner. Cambridge, 1997. P. 252–253.

⁶ Капица Ю.М. *Международно-правовое регулирование в сфере трансфера технологий и национальные приоритеты: проблемы соотношения* // http://iee.org/ua/Files/alushta/33-kapica-mejdunarodnoe_pravovoe_reg.pdf (дата обращения: 1.09.2011 г.).

⁷ *Compendium of International Arrangements on Transfer of Technology: Selected Instruments (Relevant provisions in Selected International Arrangements Pertaining to Transfer of Technology)* // UNCTAD/ITE/IPC/Misc.5.

отечественной⁸, во многом связано с принятием проекта Кодекса поведения при передаче технологии (ЮНКТАД, 1985 г.), предлагающего унифицированные правила передачи технологии на справедливой и взаимовыгодной основе⁹. Положения проекта Кодекса 1985 года имеют рекомендательный характер. Нельзя не отметить, что в отношении отдельных его положений пока не достигнуто универсального консенсуса. Однако некоторые из его положений имплементируются рядом государств не только на международном, но и на национальном уровне.

Сложившееся на сегодняшний день международно-правовое регулирование международных отношений в области передачи технологий является достаточно объемным явлением и предполагает дифференцированные правила. Каждый вид международного научно-технологического сотрудничества в той или иной сфере (комической, атомной, информационной, экологической и т.д.) отличается своей спецификой. Это находит свое отражение в кодификации международно-правовых норм, регулирующих передачу различных видов технологий, на уровне многосторонних конвенций, относящихся к различным отраслям международного права.

Динамичное возникновение и развитие международных отношений, связанных с передачей новых космических, морских, атомных, информационно-коммуникативных и иных технологий, определяет возникновение соответствующих правил и рекомендаций, имеющих различную юридическую силу и предметную специфику. Следует указать на то, что передача технологий на сегодняшний день осуществляется в рамках различных международно-правовых режимов. Это означает, что для международно-правового регулирования передачи технологий характерна дифференциация в зависимости от видов передаваемых технологий¹⁰. Поэтому вызывает интерес принятие

⁸ Мировой океан и международное право. Правовой режим морских научных исследований и передача технологий / Под ред. А. Мовчана. М., 1991. С. 168–171.

⁹ UNCTAD Draft International Code of Conduct on the Transfer of Technology // TD/CodeTOT/47 1985, 20 June.

¹⁰ Чок В. Передача ядерной технологии как предмет международных соглашений // Правовые проблемы использования атомной энергии. М., 1985. С. 92–103; Даниленко Г.М. Международно-правовые проблемы передачи морской технологии // Сотрудничество государств в исследовании и использовании Мирового океана. М., 1986. С. 14–17; Даниленко Г.М. Передача космической технологии: правовые проблемы // Новое в космическом праве. На пути к международному частному космическому праву. М., 1990. С. 77–91; Мировой океан и международное право. Правовой режим морских научных исследований и передача технологий / Под ред. А. Мовчана. М., 1991;

рекомендательных стандартов, касающихся передачи отдельных категорий технологий, например морских¹¹. На повестке дня стоит вопрос о приобретении стандартами, предусмотренными рекомендательными актами, обязательного характера. Если же говорить о стандартах передачи, предусмотренных универсальными конвенциями, то особой актуальностью отличается задача повышения эффективности действия содержащихся в них правил.

Думается, что условием преодоления тенденции чрезмерного разветвления международно-правового регулирования передачи технологий и устранения негативных моментов в международной практике выступает выработка и последующая имплементация общих стандартов передачи технологий, представляющих собой универсально признанные нормы и принципы. Данная проблематика находится в поле внимания не только государств, но и международных организаций, которые осуществляют свою деятельность в экономической, торговой и научно-технологической сфере и стремятся выработать универсальные стандарты. Однако вряд ли реалистично полагать, что возможно принятие имеющего обязательную юридическую силу единого кодифицированного международно-правового акта в сфере международного научно-технологического сотрудничества в целом и передачи технологий в частности. Поэтому основное внимание субъектов международного права должно сосредотачиваться на обеспечении строгого соблюдения положений существующих кодексов, руководящих принципов, действующих конвенций и двухсторонних международных соглашений, а также на выработке мер международно-правовой ответственности в случае их несоблюдения.

Интенсификация обменных процессов в сфере технологий в условиях глобализации формирует новые исследовательские горизонты для международно-правовой науки, позволяя по-новому взглянуть

Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. М., 2007. С. 108–109; Шугуров М.В. Международно-правовое регулирование трансфера технологий в целях сохранения и устойчивого использования биоразнообразия: проблемы и решения // Право и политика. 2010. № 8. С. 1448–1461; Negm H. Transfer of Nuclear Tecnology under International Law. Case Study of Iraq, Iran and Israel. Leiden, 2009; Li W. Transfer of Technology for Deep Sea-Bed Mining: the 1982 Law of the Sea Convention and Beyond. Dordrecht, 1994; Sanusi Z.A. Technology Transfer under Multilateral Environmental Agreements: Analyzing the Synergies // UNU-IAS Working Paper No. 134.

¹¹ Пересмотренный Проект критериев и руководящих принципов МОК в отношении передачи морской технологии // ЮС-XXII/2 Annex 12 rev. (Paris, 2001, May 21).

на особенности международно-правовой регламентации передачи технологий в условиях глобализации. Прогрессивное развитие международно-правового регулирования передачи технологий не может не учитывать возникновения в условиях глобализации новых моментов в международной передаче технологий.

Во-первых, XXI век характеризуется возрастающим вниманием к передаче технологий¹². Передача технологий как результатов интеллектуальной деятельности затронула сегодня все сферы общества и направления международного сотрудничества – культурного, инвайроментального, научного, инвестиционно-производственного. В результате международная передача технологий превратилась в самостоятельную область международных отношений и мировой политики в целом¹³, а также мировой экономики в частности¹⁴.

Во-вторых, в конце XX – начале XXI века стала осуществляться глобализация научно-технического и экономического сотрудничества, составной частью которого стал глобальный институционализированный технологический обмен в форме передачи технологий. Институционализация передачи является продолжением общей институционализации международного научно-технологического сотрудничества, под которой, в частности, понимается сотрудничество в рамках международных организаций. Это означает повышение координирующей роли международных организаций. Значимость сотрудничества в сфере обмена технологиями сегодня не только подчеркивается ООН, Советом Европы, ОЭСР и др., но и активно осуществляется в их формате.

В-третьих, в условиях глобализации НТП представляется обоснованным говорить об интенсификации международной передачи инновационных технологий. Это становится отправной точкой для анализа передачи технологических разработок в контексте функционирования

¹² Butler J., Gibson D. Introduction: Technology Transfer in Global Perspectives. Issues for the Twenty-first Century // Global Perspectives on Technology Transfer and Commercialization. Building Innovative Ecosystems. Ed. by J. S. Butler and D. V. Gibson. Cheltenham; Northampton, 2011. P. III.

¹³ Thomas Ch. Transfer of Technology in the Contemporary International Order // Fordman International Law Journal. Volume 22, Issue 5. 1998. P. 2096–2111.

¹⁴ См.: Вертош Е. Механизм международного трансфера технологий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. № 2. С. 79–83; McIntyre J.R., Papp D.S. The Political Economy of International Technology Transfer. N.Y., L., 1986; Perlmutter H., Sagafi-Nejad T. International Technology Transfer: Guidelines, Code and a Muffled Quadrilogue. N.Y., 1981.

транснациональной системы инноваций¹⁵. Усиление вектора международного научно-технологического сотрудничества, связанного с разработкой, передачей и использованием инновационных технологий, нашло свое отражение в международно-правовых актах универсального характера, а также в двухсторонних межгосударственных и межправительственных договорах¹⁶.

В-четвертых, к существенным тенденци следует отнести усложнение субъектного состава международного сотрудничества по передаче технологий. Передача технологий осуществляется не только на межгосударственном уровне, но и – в несравнимо больших объемах – на уровне частного сектора в форме внешнеэкономических сделок. Поэтому в целом международная передача технологий предстает как сфера тесного переплетения публичных и частных интересов, взаимодействия международного публичного и национального права.

Расширение круга субъектов, принимающих участие в международном научно-технологическом сотрудничестве и вовлеченных в коммерческую форму передачи технологий, усиливает значение международного частного права. В результате формируется новый предмет доктринальных исследований – соотношение международного публичного и частного права в сфере передачи технологий. В качестве методологической основы в этом направлении выступают работы, посвященные становлению и развитию, например, международного частного космического права (МЧКП)¹⁷, а также частнопроводным вопросам международного научно-технологического сотрудничества, включая вопросы передачи технологий¹⁸.

¹⁵ International Public Goods and Transfer of Technology under Globalized Intellectual Property Regime. Cambridge, 2005. P. 33–36.

¹⁶ См.: п. iv) ст. 2 Киотского протокола 1997 года; раздел III Европейской энергетической хартии 1991; ст. 7 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2000 года.

¹⁷ Международное космическое право. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М., 1999. С. 130–133; Юзбашян М.Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

¹⁸ Михайлова Ю.П. Договор о международной передаче технологии как договор особого рода // Труды института государства и права РАН. 2010. № 6. С. 180–190; Шахназаров Б.А. Проблемы правового регулирования трансграничной передачи технологий (technology transfer) // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 361–366; Сомма Сомай. Правовое регулирование передачи технологии развивающимся странам. На примере стран Западной Африки. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.,

Повышение роли норм и принципов национального права, включая международное частное право, не означает ослабление актуальности международно-правового регулирования международных отношений по передаче технологий. Напротив, происходит возрастание значения международно-правовых механизмов и стандартов регламентации подобной передачи. Последние задают единое международно-правовое поле данной деятельности, включающей в себя коммерческие и некоммерческие направления.

Глобализация технологического развития, немислимая без передачи научных знаний, техники, технологий и затрагивающая судьбы цивилизационного развития в целом, предполагает глобальную систему управления международными отношениями в сфере передачи технологий. Одних рыночных механизмов для регулирования мировых потоков технологий явно недостаточно ввиду значимости последних для национального и мирового развития. Поэтому рыночный подход вполне закономерно дополняется регуляторным подходом¹⁹.

На упорядочение отношений в сфере передачи технологий самое непосредственное влияние оказывает современное международное экономическое право, регулирующее такие каналы передачи и диффузии технологических разработок, как торговля и прямые иностранные инвестиции²⁰. В целом все отрасли современного международного экономического права – торговое, инвестиционное, право интеллектуальной собственности, право развития, валютно-финансовое право – через соответствующие международно-правовые режимы оказывают самое непосредственное воздействие на состояние международного трансфера технологий, регулируя в конечном итоге воздействие технологического процесса на развивающиеся страны. Кстати говоря, правовые режимы международного инвестиционного права и права интеллектуальной собственности определяют механизмы выполнения обязательств

1994; Лисицын-Светланов А.Г. Рассмотрение споров по контрактам в области международного промышленного и научно-технического сотрудничества. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.

¹⁹ Transfer of Technology. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements. New York; Geneva, 2001. P. 47–67.

²⁰ Tang Y.S. The International Trade Policy for Technology Transfer: Legal and Economic Dilemmas on Multilateralism Versus Bilateralism. The Netherland, 2009; Комиссия по росту и развитию: Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. М., 2009. С. 41–43; Hoekman В.М., Smarzynska Javorcik Global Integration and Technology Transfer. World Bank, 2006. P. 1–28; Sagi K. Trade, Foreign Direct Investment and International Technology Transfer. World Bank, 2000.

по передаче технологий, предусмотренных международным экологическим правом в сфере передачи технологий по предотвращению изменений климата²¹.

Необходимость всестороннего международно-правового регулирования передачи технологий и, следовательно, его комплексного доктринального исследования предопределяется целым рядом причин. Они заключаются в необходимости разрешения на универсальном и региональном уровне различных противоречий, связанных с бурным развитием современных технологий и их интенсивным распространением. Следует указать на противоречия между необходимостью глобального распространения технологий и интересами обладателей прав на них, между потребностями государств и народов в развитии, с одной стороны, и потребностями в безопасности – с другой.

Международное право, характеризующееся прогрессивным развитием режимов и форм передачи технологических разработок, обладает значительным потенциалом, обеспечивающим разрешение данных противоречий. Одновременно это способствует передаче технологий в целях их совместного использования в глобальном масштабе. Как гласит преамбула Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине 1997 года, государства – члены Совета Европы исходят из необходимости международного сотрудничества во имя того, чтобы все человечество могло пользоваться достижениями в области биологии и медицины. Таким образом, к одной из целей международно-правового регулирования технологий следует отнести обеспечение всеохватного доступа государств, народов и индивидов к современным технологиям, практическое использование которых создает перспективы решения различных социально-экономических проблем.

Комплексный анализ международно-правового регулирования передачи технологий требует выделения его целевых ориентаций. Различные международно-правовые инструменты закрепляют согласованные цели, задающие содержательный вектор международной передачи технологий и механизмы его эффективной реализации. Так, международно-правовое регулирование передачи технологий и их разработки в соответствии с Конвенцией о биоразнообразии 1992 года нацелено

²¹ Technology Transfer in the UNFCCC and Other International Legal Regime: the Challenge of Systemic Integration. International Council on Human Rights Policy, 2010. P. 7–18 // http://www.ichrp.org/files/181/138_technology_transfer_UNFCCC.pdf (дата обращения 05.07.2011).

на обеспечение доступа к генетическим ресурсам, сохранение и устойчивое использование биоразнообразия. На сохранение и устойчивое использование трансграничных рыбных запасов нацеливает Преамбула, а также п. *к* ст. 5 Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими. Рамочная конвенция ООН об изменении климата исходит из необходимости обмена технологиями в целях предотвращения необратимых изменений климата. Передача технологии в соответствии со ст. 144 Конвенции ООН нацелена на глубоководную разработку природных ресурсов морского дна Района. Эта цель нашла свое подтверждение в разделе III «Передача технологии» Приложения к Соглашению 1994 года об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Исследование и использование космического пространства на благо и в интересах всех стран и народов, как это предусмотрено Договором о космосе 1967 года, со всей очевидностью предполагают обмен технологиями. Соответствующие обязательства нашли свое закрепление в двухсторонних межправительственных договорах, например в ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях 2006 года.

В условиях экологизации мирового развития важное значение имеют положения международных актов, регулирующих вопросы передачи технологий в целях предотвращения риска причинения трансграничного ущерба от опасных видов деятельности и/или его уменьшения, т.е. в целях достижения международной экологической безопасности²².

В результате объективной интенсификации международного сотрудничества в сфере энергоэффективности вызывают интерес такие цели передачи технологий и соответствующей технологической информации, как обеспечение доступа к энергоресурсам, устойчивое

²² См.: п. 1 ст. 4 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года, ст. 16 (Обмен технологиями) Хельсинкской конвенции ЕЭК ООН о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 года, подп. е) п. 2 ст. 10, п. 1 ст. 14 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года. Обмен информацией и технологиями в аналогичных целях предусмотрен ст. 3, ст. 7, п. с ст. 8 Конвенции ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года.

энергообеспечение и охрана окружающей среды (Европейская энергетическая хартия 1991 года). Из целей повышения энергоэффективности и охраны окружающей среды исходит также подп. *е п.* 2 ст. 3 Протокола 1994 года к Европейской энергетической хартии, содержащий такой программный принцип сотрудничества Договаривающихся Сторон, как распространение и передача технологий. В ст. 7 «Содействие энергетически эффективной технологии» последние характеризуются как энергетически эффективные и экологически обоснованные. Ориентация на снижение загрязнения окружающей среды и сведение деградации последней к минимуму выступает в качестве основания для поощрения применения более чистых видов топлива и использованию технологий и технологических средств (подп. *д*) ст. 19 Договора 1994 года к Европейской энергетической хартии).

Передача технологий может рассматриваться и в других ракурсах. Так, один из них представляет собой направленность передачи технологий на решение проблем мирового экономического развития, а также экономического развития отдельных государств и регионов. Это непосредственным образом связано с информационным и институциональным обеспечением передачи технологий, а также с развитием технической помощи и рынка услуг. В частности, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области использования космической и авиационной техники, технологий и дистанционного зондирования Земли 1998 года исходит из необходимости расширения и углубления сотрудничества по использованию космических и авиационных технологий (обмен которым предусматривает в ст. 1, а передача – в ст. 4) для решения социально-экономического развития обоих государств и обеспечения их безопасности.

В дополнение к сказанному следует отметить, что современная парадигма устойчивого развития предполагает нацеленность международного технологического обмена на решение общецивилизационных проблем. В частности, в Докладе Комитета по использованию космического пространства в мирных целях было подчеркнуто то, что прикладные космические технологии обладают неопределимыми качествами, использование которых позволяет решать стоящие перед миром многие глобальные проблемы, а также содействовать улучшению жизни людей²³.

²³ Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях об осуществлении рекомендаций третьей Конференции ООН по исследованию

Самые разные эффекты развития, вытекающие из практического применения технологий в глобальном масштабе, зависят от целого ряда условий – от того, как организована международная передача технологий, насколько и на какой основе в нее интегрированы разные страны и народы, содействует ли она достижению Целей развития тысячелетия (MDGs) и соответствует ли она высоким международно-правовым принципам и идеалам.

Интересы сбалансированного мирового и национально-государственного развития требуют обеспечения доступа к перспективным технологиям в глобальном масштабе и распределения выгод от их использования между всеми государствами, народами и группами. Поэтому государства и международные организации высказывают свою приверженность поощрению передачи технологий в целях развития. Как отмечается в п. 60 Итогового документа пленарного заседания высокого уровня 65-й Генеральной Ассамблеи ООН «Выполнение обещания: объединение во имя достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия», государства и правительства «преисполнены решимости активизировать усилия по мобилизации адекватной и предсказуемой финансовой и технической поддержки, а также содействовать разработке и распространению соответствующей, доступной и устойчивой технологии и ее передаче на взаимосогласованных условиях, что имеет исключительно важное значение для достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия»²⁴.

Передача технологий рассчитана не только на решение экологических и экономических проблем, но и на решение, собственно, технологических проблем, а именно – на выравнивание технологического уровня мирового развития, существенные различия в котором получили название «технологический разрыв». Немаловажным обстоятельством выступает необходимость не только передачи развивающимся государствам технологий, но и налаживание сотрудничества по их совместной разработке. Поскольку технологии являются воплощением научных разработок, то вполне понятно, что вовлечение в процесс создания/разработки технологий начинается с активного международного научно-технического сотрудничества. Это нашло свое закрепление

и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС-III) // Док. ООН. А/59/174 от 23 июля 2004 года.

²⁴ Док. ООН. А/Res/65/1 от 22 сентября 2010 года.

в пункте 2 статьи 17 Конвенции ООН о биоразнообразии, посвященного обмену информацией – результатами технических, научных и социально-экономических исследований. В свете сказанного к одному из изменений в процессе международной передачи технологий относится перенос акцента с сотрудничества по предоставлению технологий на оказание содействия в их адаптации и по развитию национального технологического потенциала.

Не последнюю роль имеет и такой целевой вектор международно-правового регулирования передачи технологий, как достижение различных аспектов международной безопасности. Ввиду противоречивых последствий развития технологий и их передачи в целях использования в глобальном масштабе настоятельно требуются четкие и эффективные международно-правовые ориентиры как самого научно-технологического развития, так и передачи его результатов. Осознавая это мировое сообщество уже в 1992 году в главе 34 Повестки дня на XXI век, принятой на Конференции в Рио, акцентировало внимание на важности передачи экологически чистой технологии и обеспечении доступа к ней.

Однако большинство технологий, передаваемых с целью использования, являются опасными. Возможные риски и опасности для человека и окружающей среды зачастую связаны, например, с космическими технологиями, предполагающими применение ядерных источников энергии. Однако риски не являются основанием для отказа от этих технологий. Гарантией их безопасного использования выступает, в частности, строгое соблюдение Принципов, касающихся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве 1992 года²⁵. В настоящее время мировое сообщество обеспокоено вопросами безопасности применения и использования нанотехнологий.

В этом контексте достаточно актуальными становятся вопросы совершенствования международно-правового института контроля и института ответственности за характером и последствиями применения совместно разработанных или же приобретенных технологий в направлении уменьшения их вредного воздействия на окружающую среду и человека. Это актуализирует вопрос о безопасной глобализации научно-технологического прогресса и интенсивного обмена технологиями. Одним из инструментов обеспечения безопасности является экспортный контроль за передачей технологий двойного назначения,

²⁵ Док. ООН. A/Res/47/68 от 14 декабря 1992 года.

который предусматривается не только национальным законодательством, но и международными соглашениями в сфере международного научно-технологического сотрудничества.

Нельзя не отметить, что востребованность международного права определяется тем, что передача технологий, реализуемая в рамках международного научно-технологического и экономического сотрудничества, порождает массу вопросов – внешнеторговых, финансовых, социально-культурных, требующих своего разрешения на международном уровне. Отсутствие своевременного разрешения указанных вопросов на международно-правовой основе способно привести к возникновению барьеров на пути передачи и распространения технологий.

Следует отметить, что во второй половине XX века оформилась специфика международно-правовой регламентации передачи технологий. Международные договоры в области научно-технологического и экономического сотрудничества достаточно редко включают положения, посвященные регламентации исключительно только передачи технологий. Примером закрепления самостоятельного обязательства по передаче технологии является Раздел 5 «Передача технологии» Соглашения 1994 года об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года.

Наибольшее распространение получило закрепление «комплексных» обязательств. Это демонстрирует тесную интеграцию направлений и форм современного международного научно-технологического сотрудничества. Несмотря на то, что передача технологий имеет самостоятельное значение, она интегрирована в более широкий контекст обмена информацией, знаниями, оборудованием, материалами и т.д. Комплексное обязательство закреплено в ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании космического пространства в мирных целях 2003 года. Здесь предусматривается оказание содействия широкому и взаимовыгодному обмену научной и технической информацией, специальными знаниями, оборудованием и материальными ресурсами.

С точки зрения аргументации об интеграции обязательств по передаче технологий со смежными обязательствами большой интерес вызывает Соглашение между Правительством Российской Федерации и Республики Болгарии о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 1995 года. В п. 2

ст. 6 содержится положение о то, что к обмену техническими знаниями применяются руководящие принципы, критерии и стандарты, относящиеся как к обмену и распространению информации, так и передаче техники и технологий, а также научно-исследовательских открытий.

Есть все основания также считать, что принцип сотрудничества государств в научно-технологической сфере предполагает комплексное обязательство по координации разработки, передачи, распространению и использованию различной техники и технологии. Передача технологий имеет самое непосредственное отношение к таким формам международного научно-технологического сотрудничества, как отношения по совместной разработке и совместному внедрению технологий в целях использования. Поэтому обязательства государств в сфере передачи технологий находятся в одном ряду с обязательствами по сотрудничеству в сфере их совместной разработки, применения и совершенствования (подп. *с*) п. 2 ст. 10 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и удалением 1989 года). Аналогичное обязательство содержится в Конвенции ООН о биоразнообразии, в п. 4 ст. 18 которой предусматривается поощрение и разработка форм сотрудничества в области создания и использования технологий, включая подготовку кадров и обмен специалистами. В п. 5 ст. 18 КБР говорится о создании совместных научно-исследовательских программ и совместных предприятий для разработки технологий.

В подп. *с*) п. 1 ст. 4 «Обязательства» Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 года нашло свое закрепление обязательство государств по содействию и сотрудничеству в разработке, применении, распространении, включая передачу технологий, методов и процессов, приводящих к ограничению, снижению или прекращению антропогенных выбросов парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом. Европейская энергетическая хартия также исходит не только из необходимости развития сотрудничества в сфере осуществления технологических разработок (ст. 2 Раздела 1), но и из использованию новых и возобновляемых источников энергии и чистых технологий (ст. 3 Раздела 1), а также из необходимости поощрения сотрудничества по передаче технологий и содействию нововведениям (Раздел III)²⁶.

²⁶ Рассматриваемый подход реализован в Протоколе к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам 1994 года. Так, в подп. *е* п. 2 ст. 3 Протокола распространение и передача технологий рассматриваются в ряду тех целей, которые определяют политику, проводимую

В многосторонних и двухсторонних международных договорах в сфере исследования и использования космического пространства в мирных целях особое внимание уделяется совместному использованию космических технологий. Однако, помимо этого проектирование, разработка, испытание, производство, внедрение, использование и применение технологий, судя по ст. ст. 3 и 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2000 года, рассматривается не только как область сотрудничества, но и как форма сотрудничества.

Обязательства по совместной разработке и применению технологий также предусматриваются двухсторонними договорами, предполагающими также сотрудничество в части промышленного внедрения (ст. 3) и промышленного освоения (ст. 7) совместно разработанных технологий (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2000 года). Таким образом, отношения по передаче технологий интегрированы в промышленное сотрудничество между государствами, которое на практике осуществляется хозяйствующими субъектами.

В документах различной международно-правовой природы уделялось и продолжает уделяться повышенное внимание вопросам охраны передаваемых технологий. На наш взгляд, на сегодняшний день это один из самых актуальных вопросов международно-правового регулирования передачи технологий в условиях глобализации. Ключевое значение данного аспекта определяется правовой природой передачи технологий, представляющей собой передачу прав на использование различных технических и технологических разработок.

Необходимость создания и поддержания справедливых и наиболее благоприятных условий передачи технологий развивающимся странам непосредственным образом затрагивает вопросы охраны интеллектуальной собственности (ИС). Данный аспект международно-правового регулирования передачи технологии является наиболее

Договаривающимися Сторонами в области энергоэффективности, в том числе в сфере правового регулирования. В п. е) ст. 8 предусматривается содействие использованию наиболее энергетически эффективных технологий. Более того, в ст. 7 данного Протокола сотрудничество в области энергетически эффективных и экологически обоснованных технологий рассматривается в качестве интегрированного в сотрудничество области услуг и методов управления, относящихся к энергии.

дискуссионным. Это определяется различными интересами развитых и развивающихся стран. Первые заинтересованы в высоких стандартах защиты и охраны ИС, а вторые – в снижении уровня защиты, что обеспечило бы им более широкий доступ к технологиям.

В плане согласования данных интересов достаточно примечательной является Конвенция ООН по биоразнообразию. В п. 5 ст. 16 Конвенции сказано, что Стороны, руководствуясь национальным законодательством и международным правом, должны заботиться о том, чтобы права интеллектуальной собственности не стали препятствием для достижения целей Конвенции. В ней нашли свое закрепление не только интересы развивающихся, но и интересы технологически развитых государств в форме обеспечения эффективной охраны интеллектуальной собственности на передаваемые биотехнологии. Думается, что одновременное выполнение данных постановлений на практике представляется весьма сложным делом по причине разнонаправленности интересов, свойственных данным группам стран в области охраны ИС.

Внимание к вопросам интеллектуальной собственности характерно выражено в подп. *h*) п. 1 ст. 19 Договора 1994 года к Европейской энергетической хартии. В частности, здесь указывается на обязательство Договаривающихся сторон поощрять создание благоприятных условий для передачи и распространения экологически чистых технологий при одновременном учете необходимости надлежащей и эффективной охраны прав интеллектуальной собственности.

Обязательства по охране и закреплению прав интеллектуальной собственности в последнее время стали неотъемлемой частью двусторонних соглашений в научно-технологической сфере²⁷. В детальной форме вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью, прописаны в приложениях к двусторонним соглашениям. Обращают на себя внимание и обязательства по охране передаваемых технологий,

²⁷ Ст. 8 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях 2006 года; ст. 9 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2000 года; ст. 5 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2003 года; ст. 5 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгария о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 1995 года.

что нашло свое закрепление в двухсторонних межправительственных соглашениях (ст. 10 Соглашения между Правительством России и Правительством Испании 2006 года). Как представляется, целью предполагаемых мер является предотвращение несанкционированного доступа к технологиям, а также их несанкционированной передачи и использования. Эти цели нашли свое закрепление в ст. 1 Соглашения между Правительством Республики Казахстан, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о мерах по охране технологий в связи с запусками Россией с космодрома Байконур космических аппаратов, в отношении которых имеются лицензии США 1999 года.

Современное международное право отражает объективный характер передачи технологий, заключающийся в неразрывной связи с международно-правовой регламентацией передачи знаний и информации. Если обратиться к анализу некоторых универсальных инструментов, то можно заметить, что зачастую обязательства государств и международных организаций в рассматриваемой сфере интегрированы с обязательствами по предоставлению (обмену) информацией и знаниями²⁸.

Информационный ресурс в настоящее время является решающим для эффективности глобального обращения технологий и достижения его целей. Поэтому он является объектом специального регулирования и управления²⁹. Далекое не случайно, что в одном ряду с обязательствами сторон научно-технологического сотрудничества и обмена технологиями по охране интеллектуальной собственности идут обязатель-

²⁸ Статьи 200, 242, 244 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года; подп. 5 п. 1 ст. 13 Протокола 1996 года к Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года; подп. 3. п. 1 ст. 13 Протокола 1996 года к Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года; (п. с) ст. 8 Конвенции ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года; ст. 4 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года; п. 2 ст. 17 «Обмен информацией» Конвенции о биоразнообразии 1992 года; подп. h) п. 1 ст. 4 «Обязательства» Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года; п. 2 ст. 14 «Научные технические исследования» Протокола 1996 года к Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года. Аналогичное обязательство содержит ст. 2 раздела I Европейской энергетической хартии 1991 года, где предусматривается развитие сотрудничества по облегчению обмена технологической информацией и ноу-хау в энергетической и экологической областях.

²⁹ См.: Бирюков А.Л., Савостова Т.П. Управление информационно-экономическим аспектом трансфера технологий // Право и управление, XXI век. 2010. № 3. С. 39–42.

ства по защите передаваемой информации. Это имеет важное значение для защиты технологий от несанкционированного использования в том случае, если они предстают в виде информации и технических данных.

Технологическая информация и данные представляют собой знания, выраженные в различной форме (чертежи, планы, формулы и т.д.) и охраняемые не в качестве интеллектуальной собственности, а в качестве коммерческой тайны и ноу-хау³⁰. Не меньшее значение имеет и охрана деловой конфиденциальной информации, затрагивающей в числе прочего распоряжение технологией и предоставляющей преимуществами экономического и технического характера (ст. 7 Соглашения между Правительством РФ и Европейским космическим агентством). В ст. 2 Европейской энергетической хартии 1991 года предполагается сотрудничество по обеспечению взаимного доступа к технической и экономической информации, совместимой с правами собственности.

Очевидно, что ни обмен информацией, ни совместная реализация проектов, ни передача технологий для реализации конвенционных целей невозможны без финансовых механизмов, обеспечивающих доступ к финансовым ресурсам. Развивающиеся страны, для которых данная проблематика наиболее чувствительна, имеют право не только на то, чтобы развитые государства передавали им на льготных условиях технологии в целях использования, но и на активное участие в международном сотрудничестве по их разработке. Все это предполагает эффективно действующие финансовые механизмы. Только в этом случае возможно «включенное развитие», которое позволяет избежать иждивенческих настроений.

Вопросы финансового опосредования передачи технологий, особенно с учетом интересов развивающихся стран, затрагиваются в целом ряде универсальных конвенций³¹. Финансирование передачи

³⁰ Статья 6 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2003 года; п. 4 ст. 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2000 года; п. 4 и п. 5 ст. 9 Соглашения между Правительством России и Правительством Испании в космической сфере 2006 года.

³¹ Пункты 4, 5 ст. 20 «Финансовые ресурсы», п. 4 ст. 21 Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 года; п. 9 ст. 4, п. 5 ст. 11 Рамочной Конвенции ООН по изменению климата; подп. а) п. 2 ст. 11, подп. б) п. 2 ст. 11 Киотского протокола 1997 года.

и распространения технологий следует рассматривать в контексте общих вопросов финансирования научно-технологического сотрудничества в целом. Регламентации данных вопросов посвящены отдельные статьи двухсторонних и многосторонних межгосударственных и межправительственных соглашений³².

В двусторонних международных договорах со всей очевидностью проявляются и торговые аспекты передачи технологий. В п. 1 ст. 12 Соглашения между Правительством России и Правительством Испании 2000 года технологии в виде информации и технических данных, зафиксированных на материальных носителях, подводятся под термин «товар». Рассмотрение технологий как товара подразумевается и в ст. 1, 2, 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области использования космической и авиационной техники, технологий и дистанционного зондирования Земли 1998 года. Здесь предусматривается продвижение аэрокосмических технологий на рынки договаривающихся государств и рынки третьих сторон. Данный аспект предусмотрен в ст. 7 Протокола к Европейской энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам 1994 года, предполагающей коммерческую торговлю в области технологий, услуг и методов управления, относящихся к энергии.

Подводя итоги, следует отметить, что международная передача технологий в условиях глобализации является мощным инструментом устойчивого развития во всех его измерениях – экономическом, социальном, экологическом, человеческом. В этой связи к важной цели международно-правового регулирования отношений, связанных с передачей технологий, относится обеспечение охраны и защиты прав и интересов как субъектов международного права, так и негосударственных акторов (хозяйствующих субъектов). Это предполагает четкую систему гарантий баланса их интересов, а также эффективные меры по стимулированию справедливых и разумных условий передачи технологий. Обращая свой регулятивный потенциал на международные

³² Ст. 7 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях 2006 года; ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях 2003 года.

отношения в сфере передачи технологий, являющихся одновременно перспективной сферой предпринимательской активности, международное право в очередной раз доказывает свою жизнеспособность и социальную ценность.

Библиографический список

Даниленко Г.М. Международно-правовые проблемы передачи морской технологии // Сотрудничество государств в исследовании и использовании Мирового океана. М.: ИГиП АН СССР, 1986. С. 14 – 17.

Международная передача технологии: правовое регулирование. Отв. ред. М.М. Богуславский. М.: Наука, 1985. – 279 с.

Метелица А. Обзор правового регулирования международной передачи технологий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. № 2. С. 29 – 31.

Сумин А.В., Харламова В.Н., Абрамова А.В. Международная торговля объектами интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2010. – 240 с.

Blakeney M. Transfer of Technology and Developing Nations // *Fordham International Law Journal*. Volume 11. Issue 4. 1987. P. 690 – 725.

Hoekman B.M., Smarzynska Javorcik B.K. Global Integration and Technology Transfer. World Bank, 2006. – 346 p.

International Public Goods and Transfer of Technology under a Globalized Intellectual Property Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 922 p.

International Technology Transfer: The Origins and Aftermath of the United Nations Negotiations on a Draft code of Conduct. Ed. by S.J. Patel, P. Roffe, A. Yusuf. The Hague: Kluwer Law International, 2001. – 496 p.

Kariyawasam R. International Economic Law and the Digital Divide: New Silk Road? Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2007. – 391 p.

Nanyenya-Takirambudde P. Technology Transfer and International Law. N.Y.: Praeger Publishers, 1980. – 177 p.

International Law Regulation of Technology Transfer of the Age of Globalization: State and Perspectives (Summary)

*Mark V. Shugurov**

The article is devoted to analysis of the existing international rules for technology transfer in the context of scientific and technological globalization. The goal of this article is formulation the problem submission of international technology transfer to achievement MDGs. The author begins to negotiate that technology transfer needs to arising from both international economic benefits and noneconomic benefits. Much attention is paid to features of international legal regulation of technology transfer. The article examines the correlation between global technology transfer and global technology gap. It also demonstrates role of contemporary international economic law in control and regulation technology flows.

Keywords: international scientific and technology cooperation; international law; technology transfer; technology gap; sustainable development.

* Mark V. Shugurov – Grand PhD (philosophy), professor of Saratov State Juridical Academy (SGJA). shugurovs@mail.ru.

Понятие «международное торговое право»

Тюрина Н.Е.*

В статье представлены результаты исследования особенностей международного торгового права, обусловленные глобализацией международной торговли. Отмечаются особенности юридического содержания некоторых принципов международного торгового права, его функций, субъектов и метода. Рассматривается соотношение права ВТО и международного торгового права.

Ключевые слова: международное торговое право; право ВТО; право международной торговли; таможенные территории; наднациональность.

В современный период динамично развивающимся сегментом международного права является его отрасль – международное экономическое право¹, в частности торговое право. Особенности, отмечаемые в правовом регулировании международной торговли, свидетельствуют о том, что в международном торговом праве происходят изменения, которые не наблюдаются, во всяком случае столь явно, в других отраслях. Вместе с тем изменяющееся международное торговое право не вступает в противоречие с общепризнанными принципами и общей концепцией международного права. Эта совместимость дает основание полагать, что изменения в международном торговом праве есть реализующийся потенциал международного права в условиях, определяющих направление мирового развития в современный период, а именно в процессе глобализации.

Рассмотрим специфику международного торгового права в аспектах, определяющих структуру правовой парадигмы, – контентном, ценностном и организационном.

В контентном аспекте необходимо обратить внимание прежде всего на особенности юридического содержания некоторых принципов международного торгового права, которые, как и другие отраслевые принципы, развивают и конкретизируют основные принципы международного права применительно к соответствующим отношениям.

* Тюрина Наталья Евгеньевна – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета. tyurina.natal@yandex.ru.

¹ Вылегжанин А.Н., Лабин Д.К., Шумилов В.М. Международное экономическое право. М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. С. 3 и сл.

Нельзя не заметить, что основные принципы международного права, получившие закрепление еще в Уставе ООН 1945 г. и предназначенные для всей сферы действия международного права, выработывались в условиях политической напряженности, существенных различий национальных социально-экономических систем. Это сказалось на их содержании, в котором ключевым моментом является суверенное равенство, незыблемость государственного суверенитета.

Между тем объективная экономическая взаимозависимость государств и высокая заинтересованность в торгово-экономических связях послужили предпосылкой для такой формы реализации суверенитета, в которой существенное место занимает добровольный отказ от определенных суверенных прав, получивший воплощение в некоторых принципах международного торгового права и формах торгово-экономического сотрудничества.

Так, принцип либерализации международной торговли не позволяет устанавливать внутренние экспортно-импортные правила, создающие препятствия международной торговле; обязывает к снижению уровня таможенного обложения в отношении предметов импорта; ограничивает право на применение контрмер в условиях, когда предусмотрено одностороннее отступление от установленных требований. Такие обязательства непосредственно затрагивают сферу внутригосударственного регулирования, в которой государство традиционно осуществляло верховенство. Однако указанные ограничения для отдельно взятого государства компенсируются дополнительными возможностями, открывающимися в результате аналогичных ограничений, существующих для других государств.

Принцип преференций в торговле с развивающимися странами, по сути, ведет к нарушению баланса прав и обязанностей и установлению юридического неравенства торговых партнеров. Тем не менее это не влияет на общий международно-правовой статус государств, предоставляющих преференции, и не составляет нарушения принципа суверенного равенства государств. Предоставление преференций является результатом добровольного волеизъявления, не ограничивающим права соответствующего государства на дальнейшее участие в процессе принятия согласованных решений.

Отказ от некоторых суверенных прав имеет место также при передаче отдельных государственных полномочий органам международных организаций экономической интеграции, в результате чего государства

становятся обязанными следовать нормативным установлениям национальных предписаний.

Иногда приведенные факты толкуются как ограничение государственного суверенитета или его утрата. Однако, как можно заметить, во всех случаях «ограничения» суверенитета есть проявление доброй воли. В данных обстоятельствах говорить даже о частичном ограничении суверенитета представляется некорректным с учетом его неделимости. «Самоограничение» тоже не совсем подходящий термин, поскольку то, что происходит в контексте «ограничений суверенитета», обусловлено объективной необходимостью в новой модели межгосударственных отношений, являющейся ответом на вызовы возрастающей взаимозависимости. Получается, что, соглашаясь на подчинение внутреннего законодательства международно-правовым установлениям, на отказ от взаимности, на соблюдение наднациональных предписаний, государства делают осознанный (суверенный) выбор, продиктованный логикой сотрудничества и открывающий для них новые возможности в достижении целей внутригосударственного развития.

Приведенные принципы международного торгового права, в которых, на первый взгляд, может усматриваться некоторое противоречие основным принципам международного права, ставят во главу угла достижение специфических целей без какого-либо ущерба международному праву в целом.

Особенностью содержания современного международного торгового права является также право Всемирной торговой организации (ВТО), в котором принципы международного торгового права получили договорное закрепление.

Специфика ВТО как международной институции вызвала дискуссию о соотношении права ВТО с международным правом. И поскольку прямого ответа на этот вопрос документы ВТО не дают, попытаемся найти его, исходя из общепризнанных норм и устоявшихся положений теории международного права.

Статья 103 Устава ООН устанавливает, что в случае противоречия обязательств по Уставу обязательствам по какому-либо иному международному соглашению преимущественную силу имеют обязательства по Уставу². Следовательно, соглашения между членами ВТО,

² Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

являющиеся по своей юридической природе международными договорами, не могут составлять исключение из этого правила, что находит подтверждение и в ГАТТ 1947/1994. Так, ст. XXI (с) ГАТТ гласит: «Ничто в настоящем соглашении не должно быть истолковано: ... как препятствующее какой-либо Договаривающейся Стороне предпринимать какие-либо действия во исполнение ее обязательств на основании Устава Организации Объединенных Наций для сохранения международного мира и безопасности»³.

В ряде многосторонних торговых соглашений членов ВТО также упоминается, что участие в них не освобождает стороны от обязательств по международным договорам, не входящим в систему ВТО⁴. В частности, вряд ли можно оспаривать то, что к рассматриваемым соглашениям подлежат применению положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., поскольку Венская конвенция не содержит каких-либо исключений, которые могли бы быть использованы в отношении соглашений членов ВТО. Напротив, в ст. 5 Конвенции зафиксировано: «Настоящая конвенция применяется к любому договору, являющемуся учредительным актом международной организации, и к любому договору, принятому в рамках международной организации, без ущерба для соответствующих правил данной организации»⁵.

Приведенное указание имеет существенное значение для подтверждения связи между правом ВТО и международным правом, поскольку оно обязывает при толковании соглашений членов ВТО руководствоваться п. 3 (с) ст. 31 Венской конвенции, где говорится, что при толковании международных договоров необходимо принимать во внимание любые относящиеся к данному случаю нормы международного права, т.е. соглашения членов ВТО должны толковаться в контексте других норм международного права.

Из ст. 5 Венской конвенции следует, что к соглашениям членов ВТО применима и ст. 30 данного документа, посвященная разрешению нормативных коллизий. На основании этой статьи должны разрешаться коллизии между соглашениями членов ВТО и другими международными договорами и коллизии между разными соглашениями членов ВТО,

³ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 // http://www.mineconomy.am/files/news/425_ru.pdf

⁴ См.: Тюрина Н.Е. Международная торговля как фактор развития международного публичного права. Казань, 2009. С. 67.

⁵ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

если иное прямо не предусмотрено в праве ВТО. Поскольку правом ВТО регулируются торговые отношения более полутора ста субъектов международного права, можно утверждать, что оно и есть современное международное торговое право, взаимодействие которого со всем международным правом носит характер взаимодействия части и целого.

Ценностный аспект международного торгового права можно проследить через выполняемые им функции. Важнейшей *социальной функцией этого права* является укрепление и развитие международной торговой системы, от состояния которой во многом зависит прочность экономической базы государства и уровень жизни населения. Торговля – это по сути отношения сотрудничества. Международно-правовое регулирование международной торговли, осуществляемое в целях ее развития, способствует поддержанию мира и защите таких общечеловеческих ценностей, как человеческая жизнь, здоровье, безопасность, трудовая занятость, духовное развитие, социальные блага. В этом контексте международное торговое право выполняет *гуманитарную функцию*. Гуманитарное измерение международной торговли в широком смысле, включая защиту прав человека в любых обстоятельствах, может и должно быть главным тестом на право осуществления тех или иных торгово-экономических мероприятий и принятия нормативных установлений на всех уровнях. Правовые основы для достижения этой цели были заложены в тексте ГАТТ 1947 г. и не утрачивают своего значения в настоящее время. Соответствующие положения получили закрепление в преамбуле и ст. XX (b) ГАТТ, ст. XIV Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС)⁶, ст. XIII Соглашения по правительственным закупкам (СПЗ)⁷, ст. 27.2 Соглашения по торговым аспектам интеллектуальной собственности (ТРИПС)⁸. В указанных статьях предусматриваются исключения из общих правил в пользу соблюдения прав человека.

Несмотря на то что последовательная и устойчивая практика толкования данных статей в контексте норм международного права о правах человека в ВТО еще не сложилась, можно утверждать, что международное торговое право обладает большим гуманитарным (в широком смысле) потенциалом.

⁶ General Agreement on Trade in Services 1994/<http://www.wto.org>.

⁷ Agreement on Government Procurement 1994/<http://www.wto.org>.

⁸ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights 1994/<http://www.wto.org>.

Исходя из допустимости указанных исключений, в национальном законодательстве закрепляются положения, которые можно назвать гуманитарными в широком смысле оговорок. Так, согласно ст. 32 и 35 Федерального закона РФ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г. меры, затрагивающие внешнюю торговлю, могут вводиться, если они необходимы для охраны или здоровья людей, обороны страны и безопасности государства⁹.

Разновидностью гуманитарных оговорок являются социальные оговорки. Обязательства, основанные на социальной оговорке, требуют соблюдения международных стандартов в сфере труда. Однако исполнение таких требований во многом зависит от экономических возможностей государства, поэтому гуманитарная ценность социальных оговорок для развивающихся стран представляется сомнительной. В то же время стремление увязывать соблюдение международных стандартов в сфере труда с предоставлением торговых преимуществ указывает на тенденцию к использованию торгового права в качестве инструмента решения социальных проблем.

Не менее важной и столь же острой проблемой, рассматриваемой на современном этапе в связи с международной торговлей и правами человека, является экологическая безопасность. Индивидуальные торговые интересы государств и бизнеса зачастую вступают в противоречие с интересами экологической безопасности. В этих условиях с позиции общечеловеческих интересов необходимо признание исключений из принципа либерализации международной торговли в пользу соблюдения норм международного экологического права и соответствующих им национальных экологических стандартов. Однако единые стандарты в этой области для развитых и развивающихся стран ведут к нарушению принципа взаимной выгоды. Между тем в двухсторонних отношениях уже имеют место случаи лишения торговых преимуществ за нарушение экологических норм.

Учитывая неоднозначность последствий как либерализации, так и исключений из данного принципа в целях защиты окружающей среды¹⁰, нельзя не заметить, что международное торговое право, посред-

⁹ Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. С. 4850; 2004. № 35. Ст. 3607.

¹⁰ Предложения о проведении анализа торговых соглашений с целью оценки указанных последствий вызывают протест со стороны развивающихся стран из-за опасений потери преимуществ на мировом рынке в случае повышения экологических требований

ством которого предпринимаются попытки достижения указанных целей, приобретает *экологическую функцию*.

Предпосылки к выполнению международным торговым правом новых функций коренятся в особенностях его *организационного компонента*, которые связаны с субъектами, методами и местом в юридической конструкции «право международной торговли».

О субъектах. С позиции международного торгового права, существенной частью которого является право ВТО, государство – это прежде всего самостоятельная таможенная территория, границы которой устанавливают пределы национального регулирования экспортно-импортных операций, а органы власти обладают достаточной компетенцией для выполнения обязательств члена ВТО. Таким образом, для характеристики государства как субъекта международного экономического (торгового) права таможенная территория является важным специфическим атрибутом.

Наряду с государствами в международных торговых отношениях участвуют самостоятельные таможенные территории, не являющиеся государствами. Это производные от государств образования двух типов.

Первый тип возникает в результате согласованного волеизъявления государств и представляет собой особую разновидность международных организаций; второй тип – территориальное образование, создаваемое односторонним волеизъявлением государства. Рассмотрим каждый из них.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что международные экономические организации в настоящее время имеют две принципиальные разновидности: организации традиционного типа и организации экономической интеграции. Закономерным этапом развития интеграционных объединений является образование таможенного союза с заменой таможенных территорий государств-членов единой таможенной территорией. Такие объединения – самостоятельные таможенные территории – могут быть членами ВТО, других международных организаций, участниками международных договоров¹¹. Подтверждаемая таким образом международная право- и дееспособность таможенных союзов позволяет причислить их к субъектам международного

к этим странам. См.: Salzman J. Executive Order and the Environmental Review of Trade Agreements//AJIL. 2001. Vol. 95. № 2. P. 380.

¹¹ См.: Тюрина Н.Е. Международная правосубъектность таможенных союзов // РЕМП 2010. СПб, 2011. С. 223–233.

экономического (торгового) права и рассматривать как разновидность производных субъектов международного права.

Второй тип производных от государства образований представляют обособленные таможенные территории, сформированные односторонним волеизъявлением государства. Такие территории в политическом аспекте являются частью государства, в котором они выделяются в самостоятельную административно-экономическую единицу. Такие территории наделяются правоспособностью вступать во взаимоотношения с другими государствами, проводя собственную торговую политику и осуществляя регулирование внешнеторговой деятельности на основе собственного законодательства, что позволяет им в соответствующей сфере выступать на равных началах с государствами.

Олицетворением такого рода участников международных торговых отношений являются китайские территории Гонконг, Макао и Тайпей, каждая из которых состоит в двухсторонних договорных отношениях с отдельными государствами и обладает членством в ВТО. Международная деятельность данных образований свидетельствует о наличии у них международной право- и дееспособности и дает основание для признания их субъектами международного торгового (и шире – экономического) права.

С учетом того, что торгово-экономическое сотрудничество является важной составляющей объекта международно-правового регулирования, учет особенностей международного торгового права, связанных с его субъектами, служит адекватному отражению в теории международного права состояния международной действительности и развитию научных представлений о международной правосубъектности.

О методе. По способам воздействия на соответствующие отношения международное торговое право отличается от других отраслей тем, что в этой области получил наиболее заметное развитие наднациональный метод регулирования. Его применение связано прежде всего с деятельностью международных организаций различной степени экономической интеграции, начиная с таможенных союзов, участники которых наделяют органы этих организаций правотворческими функциями. Акты, принимаемые данными органами, имеют обязательную силу для государств – членов организации. Такое представление о наднациональном методе излагается в учебно-методических и научных

публикациях по международному праву¹². Однако с учетом практики ВТО оно является неполным.

ВТО иногда характеризуют как международную организацию наднационального типа, несмотря на то, что органы этой организации не наделены правотворческой функцией. Однако обоснование указанной характеристике существует. Как представляется, оно состоит в том, что члены ВТО согласно Марракешскому соглашению о создании Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. обязаны приводить свое законодательство в соответствие с многосторонними соглашениями, принятыми в этой организации. Таким образом, предусмотренная международным правом в обобщенном виде обязанность государств добросовестно выполнять свои международные обязательства в ВТО дополняется императивным предписанием способа исполнения, выражающим приоритет права ВТО над национальным правом.

Как метод наднациональное регулирование имеет производный характер от координационного метода, что исключает основание для противопоставления его юридической природе международного права. Отмечаемый производный характер наднационального метода указывает на то, что он не отменяет и не заменяет координационный метод и, следовательно, является субсидиарным по отношению к нему. Применение данного метода ограничено отношениями между членами определенного объединения – субъекта международного права, причем такие объединения могут возникать не только на региональном, но и на универсальном уровне.

Дополнение координационного метода наднациональным методом ведет к изменению качества соответствующего правового регулятора. Так, универсальный характер права ВТО, обусловленный его природой, усиливается за счет признания его приоритета над национальным правом.

Особенности метода международного торгового права, не противоречащие общему методу международного права, позволяют сделать вывод о том, что способы международно-правового регулирования не ограничиваются теми, которые уже получили признание

¹² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 1996. С. 166; Моисеев А.А. Суверенитет государств и надгосударственность международных организаций // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / International Relations and Law: A Look into XXI Century. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. С.В. Бахина. СПб, 2009. С. 195.

в доктрине международного права, и что практика воздействия на международные торговые отношения может получить распространение и в других сферах.

Регулируя межгосударственные отношения, международное торговое право способствует формированию благоприятных условий для совершения международных торговых сделок, закрепляет поддерживаемые государствами интересы бизнеса, обеспечивает защиту неторговых интересов, затрагиваемых в процессе осуществления международного товарообмена. Решение названных вопросов средствами международного права продиктовано необходимостью поддержания международного правопорядка, существенным элементом которого является международный торговый порядок.

Роль международного торгового права в упорядочении отношений между негосударственными субъектами состоит в том, что его источники – международные договоры – являются формой унификации норм международного частного права. В результате международное торговое право, имплементированное в национальные правовые системы, выступает регулятором гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Внутригосударственные отношения в области внешнеторговой деятельности в настоящее время также в значительной мере подвергаются воздействию международного торгового права, которое обусловлено обязательствами государств, основанными на международных договорах. Это обязательства в сфере таможенного, нетарифного, антидемпингового регулирования, регулирования субсидируемого импорта, технических барьеров, правительственных закупок, торговли отдельными видами товаров, защиты связанных с торговлей интеллектуальных и инвестиционных прав и др.

Юридикो-технический инструментарий, посредством которого нормы международного торгового права имплементируются в международное частное и национальное право, может быть различным, однако его проникновение как исходного нормативного начала в указанные правовые системы становится все более и более очевидным. В свете выделенных особенностей современное международное торговое право в организационном аспекте предстает как универсальный правовой регулятор.

По мнению автора, особенности международного торгового права, отмечаемые во всех трех аспектах, обусловлены объективным

процессом глобализации международной торговли. Однако этот процесс не ограничивается рамками отдельной сферы. Постепенно он захватывает и другие области межгосударственного взаимодействия. Из этого вытекает, что многие изменения, происходящие в международном торговом (и шире – экономическом) праве, следует ожидать и в других отраслях международного права, и они должны учитываться в определении национальной внешней стратегии. Прогнозирование изменений в других отраслях с учетом тех, которые уже имеют место в международном торговом праве, могло бы способствовать решению данной задачи.

Библиографический список

Вылегжанин А.Н., Лабин Д.К., Шумилов В.М. Международное экономическое право. М. МГИМО(У) МИД России. 2012.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: БЕК, 1996.

Моисеев А.А. Соотношение суверенитета государств и надгосударственности международных организаций // Международные отношения и право: взгляд в XXI век/*International Relations and Law: A Look into XXI Century*. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. С.В. Бахина. СПб, 2009. С. 183-197.

Тюрина Н.Е. Международная правосубъектность таможенных союзов // *Российский ежегодник международного права 2010*. СПб: Россия-Нева, 2011. С. 223-233.

Тюрина Н.Е. Международная торговля как фактор развития международного публичного права. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009.

Salzman J. Executive Order and the Environmental Review of Trade Agreements // *American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95. N 2. P. 366-380.

The Concept of International Trade Law (Summary)

*Nataliya Y. Tyurina**

The article attempts at forecasting the development of international trade law, affected by the process of globalization. The author points out the contents of certain principles, functions, subjects and method of international trade law and considers the relation between the WTO law and international law.

Keywords: international trade law; WTO law; law of international trade; custom territories; super nationalism.

* Natalya Y. Tyurina – Ph.D. in Law, associate professor of the Chair of International and European law, Kazan (Volga region) Federal University. tyurina.natal@yandex.ru.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Суверенные фонды как субъекты международного рынка капиталов (правовые аспекты)

*Дораев М.Г.**

В статье анализируются суверенные фонды, представляющие собой новые механизмы участия государств в процессе международного движения капиталов. Как и транснациональные корпорации, суверенные фонды не могут признаваться субъектами международного права, по отношению к ним не должна применяться доктрина государственного иммунитета.

Рост инвестиций суверенных фондов в экономики развитых стран вызывает обоснованные опасения государств – реципиентов инвестиций. В России эти опасения послужили одной из причин запрета на установление контроля иностранных государств над российскими хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение. При этом в целях обеспечения эффективности установленного запрета предлагается использование критерия происхождения инвестируемого капитала для квалификации инвесторов, подконтрольных иностранным государствам.

Ключевые слова: суверенные фонды; иностранные инвестиции; допуск иностранных инвесторов в экономику; хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства.

* Дораев Мерген Германович – партнер юридической фирмы «Егоров, Кряжевских и партнеры», соискатель кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. mdoraev@ekiplaw.ru.

Произошедшее за последнее десятилетие превращение суверенных фондов (Sovereign Wealth Fund¹) из уникального явления, свойственного единичным неразвитым экономикам, во влиятельных игроков международного рынка капиталов, потеснивших на этом поле традиционные транснациональные корпорации, сделало суверенные фонды объектом пристального внимания научного сообщества.

Несмотря на то что рассматриваемый феномен не является новым², внимание международного сообщества суверенные фонды начали привлекать с 2005 г., когда США и Европа столкнулись с агрессивной инвестиционной политикой быстро растущих суверенных фондов развивающихся государств³. Особую роль суверенные фонды сыграли в период международного экономического кризиса 2008 г., когда их средства активно привлекались для рекапитализации крупнейших американских банков⁴.

Значительный размер аккумулированных в них средств, общий объем которых по состоянию на декабрь 2011 г. превысил 4,75 трлн долларов США⁵, позволяет исследователям с уверенностью относить суверенные фонды к важнейшим мировым источникам долгосрочных инвестиций⁶. При этом сравнительная новизна научного изучения описываемого явления предопределила отсутствие единства мнений

¹ В пер. с англ. – «государственный фонд благосостояния».

² Например, один из крупнейших суверенных фондов – Инвестиционный фонд Кувейта – был основан еще в 1953 г.

³ См.: Fiechter, J. The French Strategic Investment Fund: A Creative Approach to Complement SWF Regulation of Mere Protectionism? Harvard European Law Association. Working Paper Forum 2010. URL: <http://www.law.harvard.edu/students/orgs/hela/workingpaper2010.html>. См. также: Джонсон С. Подъем суверенных фондов накопления богатства // Финансы и развитие. 2007. Т. 44. № 3. С. 56–57.

⁴ См.: Столбов М. Инвестиции суверенных фондов. Аналитическое эссе (июнь 2008 г.). URL: http://www.dcenter.ru/pdf/2008/world_08-01.pdf.

⁵ URL: <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>.

Подробнее о назначении суверенных фондов см.: Коновалова-Посель И. Суверенные фонды БРИК: экспансия или подъем благосостояния. Национальный центр научных исследований Франции. Парижская экономическая школа. URL: <http://www.parisschoolofeconomics.com/peaucelle-irina/textes/BRIC-09-RU.pdf>; Blundell-Wignall A., Y. Hu and J. Yermo. Sovereign Wealth and Pension Fund Issues, OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions, No. 14, OECD Publishing (2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/8/10/40345767.pdf>.

⁶ См.: Santiso, J. Sovereign Development Funds: Key financial actors of the shifting wealth of nations. OECD Emerging Markets Network Working Paper (October, 2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/46/61/41944381.pdf>.

в определении понятия суверенных фондов. Термин «суверенный фонд» был введен в научный оборот в 2005 г. нашим соотечественником А. Розановым⁷ и в дальнейшем получил всеобщее распространение.

Говоря о первоначальном значении этого понятия, А. Розанов отмечает, что под суверенными фондами подразумевались принадлежащие государствам пулы активов, не являющиеся ни традиционными государственными пенсионными фондами, ни резервными активами, поддерживающими национальные валюты⁸.

В. Делвин и Б. Браммитт подчеркивают, что «суверенный фонд» является общим понятием, используемым для описания специализированного государственного фонда, который управляет и/или инвестирует государственные сбережения, как правило, обособленные от государственного бюджета⁹.

С. Ловери определяет суверенные фонды как государственные инвестиционные механизмы, которые формируются из иностранной валюты и управляются отдельно от иных публичных финансовых резервов¹⁰. С незначительными вариациями такое определение суверенных фондов приводится В.В. Кудряшовым¹¹ и используется в аналитических материалах Казначейством США¹².

В 2008 г. ряд государств, имеющих суверенные фонды, при поддержке Международного валютного фонда основали Международную рабочую группу (далее МРГ) по подготовке свода общепринятых принципов и практики деятельности суверенных фондов¹³. В том же году

⁷ См.: Rozanov, A. Who Holds the Wealth of Nations. *Central Banking Journal*. 2005. Vol. 15. No. 4. URL: <http://www.docstoc.com/docs/80286792/Who-Holds-The-Wealth>.

⁸ См.: Rozanov A. Definitional Challenges of Dealing with Sovereign Wealth Funds. *Asian Journal of International Law*. 2011. Volume 1. Issue 1. P. 252.

⁹ См.: Devlin, W., Brummitt, B. A Few Sovereigns More: The Rise of Sovereign Wealth Funds. *Economic Round-up* (Spring 2007). Pp. 119–136. URL: <http://search.informit.com.au/documentSummary;dn=282954022550056;res=IELBUS>.

¹⁰ См.: Lowery, C. Remarks on Sovereign Wealth Funds and the international financial system. US Department of the Treasury (June 2007). URL: <http://www.frbsf.org/banking/asiaresource/events/2007/0706/papers/lowery.pdf>.

¹¹ См.: Кудряшов В.В. Инвестиционная политика мировых суверенных фондов в финансово-правовом контексте // *Финансовое право*. 2009. № 7 (СПС «КонсультантПлюс»).

¹² URL: http://www.treasury.gov/resource-center/international/exchange-rate-policies/Documents/2007_Appendix-3.pdf.

¹³ В составе МРГ были представлены 26 государств, включая Россию. В соответствии с Кувейтской декларацией от 06 апреля 2009 г. МРГ была преобразована в новую международную организацию – Международный Форум Суверенных Фондов (International Forum of Sovereign Wealth Funds).

разработанный МРГ декларативный документ, получивший известность как Принципы Сантьяго¹⁴, был одобрен членами этой организации, добровольно обязавшимися следовать изложенным в нем положениям. В приложении № 1 к Принципам Сантьяго суверенные фонды определены как специализированные инвестиционные фонды или структуры, принадлежащие государству. Создаваемые в макроэкономических целях такие фонды владеют и управляют активами для выполнения финансовых задач и реализуют инвестиционные стратегии, включающие инвестирование в зарубежные финансовые активы. Источником формирования суверенных фондов обычно выступают излишки платежного баланса, государственные валютные операции, доходы от приватизации, налоговые излишки и/или доходы от товарного экспорта. При этом определение суверенных фондов не включает в себя валютные резервы, подконтрольные государственным кредитно-финансовым учреждениям для обеспечения платежного баланса либо целей кредитно-денежной политики, государственные организации (*state-owned enterprises / SOEs*) в традиционном понимании, пенсионные фонды государственных служащих или активы, управляемые в интересах физических лиц¹⁵.

С учетом анализа наиболее распространенных дефиниций С. Меззакапо предлагает рассматривать суверенный фонд как: (i) принадлежащий государству пул активов (внутригосударственных и зарубежных); (ii) юридически, финансово и операционно обособленных от иных государственных активов и обязательств; (iii) предоставляющих политическим (т.е. не кредитно-денежным) органам возможность достижения различных публичных целей (например, защита бюджета и экономики от волатильности поступлений, избавление кредитно-денежных органов от нежелательной ликвидности, сбережение средств будущих поколений или социально-экономическое развитие); (iv) кроме связанных с осуществлением кредитно-денежной и валютной политики и управлением публичными пенсионными фондами¹⁶.

С точки зрения государственного регулирования рыночной экономики суверенный фонд можно рассматривать в качестве одного

¹⁴ См.: Sovereign Wealth Funds: Generally Accepted Principles and Practices (URL: <http://www.iwg-swf.org/pubs/eng/santiagoprinciples.pdf>).

¹⁵ См. также дефиницию, переработанную международным Институтом по изучению суверенных фондов (URL: <http://www.swfinstitute.org/what-is-a-swff/>).

¹⁶ См.: Mezzacapo, S. The so-called "Sovereign Wealth Funds": regulatory issues, financial stability and prudential supervision. EC Economic and Financial Affairs. Economic Papers 378 (April 2009). URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/.

из элементов (механизмов) государственного сектора экономики¹⁷, посредством которого государство-эмитент фонда реализует собственную инвестиционную стратегию на внутреннем и внешнем рынке.

В зависимости от источников финансирования выделяют две основные категории суверенных фондов: (1) товарные фонды (commodity-based funds), финансируемые за счет поступлений от товарного экспорта, осуществляемого государством либо облагаемого налогами; и (2) нетоварные фонды (non-commodity-based funds), получающие активы из валютных резервов государства¹⁸.

В качестве отдельной разновидности выделяют суверенные фонды, финансируемые за счет прибыли от добычи природных ресурсов – так называемые фонды невозобновляемых ресурсов (non-renewable resource funds)¹⁹.

Международный валютный фонд классифицирует суверенные фонды в зависимости от основных целей деятельности: (1) стабилизационные фонды, создаваемые богатыми природными ресурсами государствами для предохранения бюджета и экономики от волатильности цен на сырьевые товары; (2) сберегательные фонды, распределяющие накопленные материальные ценности между поколениями (например, переводят невозобновляемые ресурсы в диверсифицированный портфель международных финансовых активов для обеспечения будущих поколений или в иных долгосрочных целях); (3) резервные инвестиционные корпорации, создаваемые в виде обособленных организаций для снижения издержек от сохранения резервов или реализации инвестиционной политики с высокой доходностью; (4) фонды развития, создаваемые для финансирования приоритетных социально-экономических проектов (например, инфраструктурных); (5) резервные пенсионные фонды, имеющие пенсионные и/или какие-либо неопределенные обязательства на государственном балансе²⁰.

Стоит отметить классификацию суверенных фондов, предлагаемую Главным контрольно-финансовым управлением США, с точки зрения их приоритетности для высших должностных лиц: (1) представляющие

¹⁷ Подробнее см.: Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2005. С. 221–260.

¹⁸ См.: Lowery, C. Ibid.

¹⁹ См.: Gould, M. Managing Manna from Below: Sovereign Wealth Funds and Extractive Industries in the Pacific. Economic Roundup Issue 1. Australian Government, The Treasury (2010). P. 66.

²⁰ URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2007/02/pdf/annex12.pdf>.

собой уполномоченные или спонсируемые государством инвестиционные структуры; (2) инвестирующие некоторые или все фонды в активы, не являющиеся государственной задолженностью, вне учредившего суверенный фонд государства; (3) финансируемые за государственный счет из излишков государственного бюджета, торговых излишков, валютных резервов центрального банка или выручки от товарного экспорта; (4) неактивно функционирующие в качестве пенсионных фондов (использующие средства частных лиц)²¹.

Наряду с пониманием суверенного фонда как специфического имущественного комплекса (инвестиционного механизма, пула активов и т.п.), используемого в инвестиционной деятельности государства, в юридической и экономической литературе суверенные фонды нередко рассматриваются как субъекты международных инвестиционных отношений.

При определении правового статуса суверенных фондов М. Сорнараджа совершенно справедливо предлагает использовать аналогию с более традиционными субъектами международной инвестиционной деятельности – государственными организациями и транснациональными корпорациями, считая, что по своей природе суверенные фонды сходны с любой корпорацией или организацией, располагающей фондами для инвестиций²². Как и в случае с транснациональными корпорациями, с позиции международного публичного права суверенные фонды не могут обладать международной правосубъектностью и являются предметом регулирования международного права.

«Государственность» суверенных фондов, отмечает В.В. Кудряшов, не дает никаких преимуществ их инвестициям в смысле защиты – согласно принятым мировым подходам такие инвестиции квалифицируются как обычные иностранные инвестиции без предоставления суверенного иммунитета от юрисдикции принимающего государства²³. С точки зрения господствующей в мире теории функционального иммунитета особенности суверенных фондов, связанные с их целевым назначением и происхождением инвестируемого имущества, не должны

²¹ См.: Sovereign Wealth Funds: Laws Limiting Foreign Investment Affect Certain U.S. Assets and Agencies Have Various Enforcement Processes. GAO-09-608 (May 2009). P. 5.

²² См.: Sornarajah, M. Sovereign Wealth Funds and the Existing Structure of the Regulation of Investments. *Asian Journal of International Law*. 2011. Volume 1. Issue 1. Pp. 267–288.

²³ См.: Кудряшов В.В. Суверенны ли суверенные фонды? // *Право и экономика*. 2009. № 9. С. 35–40.

служить основанием для применения исключений в отношении инвестиционной деятельности суверенных фондов.

Однако подобный подход не разделяет Л. Бакер, считающий, что тесная связь между экономической деятельностью государства-эмитента фонда и его правовой системой позволяет рассматривать суверенный фонд в качестве особого государственного механизма (*sovereign vehicle*), в отношении которого применим режим налогового и судебного иммунитета, в отличие от ситуации с инвестиционным фондом – частной организацией, владельцем которой выступает государство²⁴. При этом существующая практика рассмотрения инвестиционных споров пока не столь однозначна в оценке применения доктрины государственного иммунитета в отношении суверенных фондов, демонстрируя дифференцированный подход в зависимости от особенностей применения доктрины государственного иммунитета в различных юрисдикциях²⁵.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с оптимистичной оценкой перспектив привлечения средств суверенных фондов для развития мировой экономики²⁶ столь значительный рост подконтрольных отдельным государствам инвестиционных ресурсов вызвал традиционные для государств – реципиентов капитала опасения относительно угроз экономическому суверенитету, таящихся в расширении иностранного присутствия в национальной экономике²⁷.

Как отмечает Т. Тейчлер, причинами озабоченности принимающих инвестиции государств проблемой роста инвестиций суверенных фондов являются следующие: (1) суверенные фонды – это государственные образования, управляющие национальными сбережениями для целей инвестирования; (2) ожидание, что некоторые фонды могут использоваться для явных или скрытых политических целей; (3) суверенные фонды могут использоваться для получения контроля над стратегическими отраслями экономики или вывоза технологий и иных форм

²⁴ См.: Backer, L.C. *Sovereign Investing in Times of Crisis: Global Regulation of Sovereign Wealth Funds, State Owned Enterprises and the Chinese Experience*. *Transnational Law & Contemporary Problems*. 2009. Vol. 19. No. 1. P. 114.

²⁵ Подробнее см.: Yassin, Y. *SWF Legal Immunity Poses Challenge for Lawmakers*. *Central banking* (Jun 10, 2011). URL: <http://www.centralbanking.com/>.

²⁶ См.: МВФ призвал суверенные фонды спасти мир // *Ведомости*. 14.09.2011.

²⁷ Подробнее см.: Фархутдинов И.З. *Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету* // *Московский журнал международного права*. 2008. № 3. С. 5–20. См. также: Marchick, D. *Sovereign Wealth Funds and National Security*. *OECD / City of London Conference* (March 31, 2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/38/12/40395077.pdf>.

интеллектуальной собственности; (4) свойственная суверенным фондам непрозрачность корпоративного управления²⁸.

А. Розанов выделяет три основных причины подобного беспокойства: (1) неясность целей, структуры и мотивации суверенных фондов; (2) вероятность «некоммерчески мотивированных» инвестиций; (3) отсутствие взаимности в режиме иностранных инвестиций²⁹.

Ответом на инвестиционную экспансию суверенных фондов из развивающихся стран стали попытки развитых государств разработать эффективные механизмы регулирования этой разновидности иностранных инвестиций на международном и национальном уровне. Кроме уже упомянутых Принципов Сантьяго такой попыткой стала Декларация о суверенных фондах и политике государств-реципиентов, закрепившая добровольные обязательства членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по обеспечению инвестиционной открытости экономик, принятая на заседании Совета министров иностранных дел стран ОЭСР 4–5 июня 2008 г. в Париже³⁰.

На национальном уровне многие государства предприняли меры по ужесточению процедуры допуска иностранных инвестиций на внутренний рынок. Так, неудавшаяся попытка компании Dubai Ports World, подконтрольной суверенному фонду Investment Corporation of Dubai, в 2005 г. получить контроль над сетью крупнейших портов США была использована в качестве обоснования для разработки и принятия Закона об иностранных инвестициях и национальной безопасности 2007 г.³¹, существенно расширившего полномочия государства по проверке иностранных инвестиций в американскую экономику³².

Попытку выработать собственные подходы к регулированию инвестиций суверенных фондов сделал Европейский союз³³ и входящие

²⁸ См.: Teichler, T. National Security vs. International Markets: Possibilities for Sharing Control of FDI in Strategic Industries. Manchester Institute of Innovation Research, UK. Presentation at Security in Futures – Security in Change Conference. Turku (June 4, 2010). URL: <http://www.futuresconference.fi/2010/presentations/ws3-Teichler.pdf>

²⁹ См.: Rozanov A. Ibid. P. 250.

³⁰ OECD Declaration on Sovereign Wealth Funds and Recipient Country Policies. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/displaydocumentpdf?cote=C/MIN\(2008\)8/FINAL&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/displaydocumentpdf?cote=C/MIN(2008)8/FINAL&doclanguage=en).

³¹ Public Law 110-49.

³² Подробнее см.: Jackson, J.K. The Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS). CRS Report for Congress (July 29, 2010). URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL33388.pdf>.

³³ См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A common

в него страны. В 2005 г. правительством Франции был утвержден перечень стратегических отраслей экономики, инвестиции в которые должны подлежать обязательной проверке³⁴. Более того, в качестве проактивной тактики в 2008 г. Франция объявила о создании собственного суверенного фонда «для защиты национальной экономики»³⁵. В Германии в связи с возрастающим присутствием суверенных фондов в немецкой экономике³⁶ в Закон о международной торговле и платежах были внесены изменения³⁷, позволяющие блокировать иностранные инвестиции из стран, не входящих в Европейский союз.

В России в соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»³⁸ иностранные государства, международные организации, а также находящиеся под их контролем организации, в том числе созданные на территории Российской Федерации, не вправе совершать сделки, влекущие за собой установление контроля над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако на практике инвестиции суверенных фондов могут без труда обходить запрет на установление контроля иностранных государств в стратегических отраслях экономики России.

Как отмечает В.В. Кудряшов, только половина суверенных фондов создается в виде самостоятельных юридических лиц, отделенных от государства и от центральных банков, а остальные существуют в виде суммы активов, часто под управлением частной управляющей компании, что вуалирует принадлежность этих активов иностранному государству³⁹. При этом решением, на наш взгляд, могло бы стать использование в качестве обязательного дополнительного критерия для

European approach to Sovereign Wealth Funds. COM (2008). URL: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/sovereign_en.pdf.

³⁴ Decree No. 2005-1739 of December 30, 2005. Official Journal December 31, 2005.

³⁵ См.: Fiechter, J. Ibid.

³⁶ См.: Williamson, H. Germany Agrees on Sovereign Fund Law. Financial Times (Apr 9, 2008). URL: www.ft.com.

³⁷ Dreizehnte Gesetz zur Änderung des Außenwirtschaftsgesetzes und der Außenwirtschaftsordnung, German Federal Gazette 2009 I. P. 770.

³⁸ СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

³⁹ См.: Кудряшов В.В. Инвестиционная политика мировых суверенных фондов в финансово-правовом контексте. Там же.

квалификации инвестора как находящегося под контролем иностранного государства критерия происхождения инвестируемого капитала.

Возрастающее значение инвестиций суверенных фондов, долговременный и стабильный характер которых делает их предметом межгосударственной конкуренции, обуславливает активные попытки их привлечения в российскую экономику⁴⁰. При этом необходимо найти разумный баланс между инвестиционной открытостью, направленной на привлечение средств суверенных фондов для развития отечественной экономики, и правилами допуска иностранных инвесторов, позволяющими обеспечить национальную безопасность на должном уровне.

Библиографический список

Джонсон С. Подъем суверенных фондов накопления богатства // *Финансы и развитие*. 2007. Т. 44. № 3. С. 56–57.

Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2005. С. 221–260.

Кудряшов В.В. Инвестиционная политика мировых суверенных фондов в финансово-правовом контексте // *Финансовое право*. 2009. № 7 (СПС «КонсультантПлюс»).

Кудряшов В.В. Суверенны ли суверенные фонды? // *Право и экономика*. 2009. № 9. С. 35–40.

Кудинов В. Суверенные фонды готовят инвестиции для России // *Ведомости*. 24.05.2011.

Коновалова-Посель И. Суверенные фонды БРИК: экспансия или подъем благосостояния. Национальный центр научных исследований Франции. Парижская экономическая школа. URL: <http://www.parisschoolofeconomics.com/peaucelle-irina/textes/BRIC-09-RU.pdf>;

Столбов М. Инвестиции суверенных фондов. Аналитическое эссе (июнь 2008 г.). URL: http://www.dcenter.ru/pdf/2008/world_08-01.pdf.

Фархутдинов И.З. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // *Московский журнал международного права*. 2008. № 3. С. 5–20.

Backer, L.C. Sovereign Investing in Times of Crisis: Global Regulation of Sovereign Wealth Funds, State Owned Enterprises and the Chinese Experience. *Transnational Law & Contemporary Problems*. 2009. Vol. 19. No. 1. P. 114.

⁴⁰ См.: Кудинов В. Суверенные фонды готовят инвестиции для России // *Ведомости*. 24.05.2011.

Blundell-Wignall A., Y. Hu and J. Yermo. Sovereign Wealth and Pension Fund Issues, OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions, No. 14, OECD Publishing (2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/8/10/40345767.pdf>.

Devlin, W., Brummitt, B. A Few Sovereigns More: The Rise of Sovereign Wealth Funds. Economic Round-up (Spring 2007). Pp. 119–136. URL: <http://search.informit.com.au/documentSummary;dn=282954022550056;res=IELBUS>.

Gould, M. Managing Manna from Below: Sovereign Wealth Funds and Extractive Industries in the Pacific. Economic Roundup Issue 1. Australian Government, The Treasury (2010). P. 66.

Fiechter, J. The French Strategic Investment Fund: A Creative Approach to Complement SWF Regulation of Mere Protectionism? Harvard European Law Association. Working Paper Forum 2010. URL: <http://www.law.harvard.edu/students/orgs/hela/workingpaper2010.html>.

Jackson, J.K. The Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS). CRS Report for Congress (July 29, 2010). URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL33388.pdf>.

Lowery, C. Remarks on Sovereign Wealth Funds and the international financial system. US Department of the Treasury (June 2007). URL: <http://www.frbsf.org/banking/asiasource/events/2007/0706/papers/lowery.pdf>.

Marchick, D. Sovereign Wealth Funds and National Security. OECD / City of London Conference (March 31, 2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/38/12/40395077.pdf>.

Mezzacapo, S. The so-called “Sovereign Wealth Funds”: regulatory issues, financial stability and prudential supervision. EC Economic and Financial Affairs. Economic Papers 378 (April 2009). URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications.

Rozanov, A. Who Holds the Wealth of Nations. Central Banking Journal. 2005. Vol. 15. No. 4. URL: <http://www.docstoc.com/docs/80286792/Who-Holds-The-Wealth>.

Rozanov A. Definitional Challenges of Dealing with Sovereign Wealth Funds. Asian Journal of International Law. 2011. Volume 1. Issue 1. P. 252.

Santiso, J. Sovereign Development Funds: Key financial actors of the shifting wealth of nations. OECD Emerging Markets Network Working Paper (October, 2008). URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/46/61/41944381.pdf>.

Sornarajah, M. Sovereign Wealth Funds and the Existing Structure of the Regulation of Investments. *Asian Journal of International Law*. 2011. Volume 1. Issue 1. Pp. 267–288.

Teichler, T. National Security vs. International Markets: Possibilities for Sharing Control of FDI in Strategic Industries. Manchester Institute of Innovation Research, UK. Presentation at Security in Futures – Security in Change Conference. Turku (June 4, 2010). URL: <http://www.futuresconference.fi/2010/presentations/ws3-Teichler.pdf>

Yassin, Y. SWF Legal Immunity Poses Challenge for Lawmakers. *Central banking* (Jun 10, 2011). URL: <http://www.centralbanking.com>.

Williamson, H. Germany Agrees on Sovereign Fund Law. *Financial Times* (Apr 9, 2008). URL: www.ft.com.

Sovereign Wealth Funds as Participant of International Capital Market: Legal Issues (Summary)

*Mergen G. Doraev**

This article analyses sovereign wealth funds (SWFs) as a new vehicle for active participation of states in international capital flows. As well as multinational corporations, SWFs cannot be recognized as the subjects of international law, and the governments should not provide them with sovereign immunity.

The rapid growth of SWF investments in economies of developed states causes reasonable concern of host-countries. In Russia this concern became the basis to forbid foreign governments to acquire control over business entities of strategic importance for national defense and state security. For these purposes the criterion of origin of capital is considered as effective means to indicate investors controlled by foreign governments.

Keywords: sovereign wealth funds (SWF); foreign investment; FDI admission to national economy; business entity of strategic importance for national defense and state security.

* Mergen G. Doraev – Partner of EK&P Law Firm, post-graduate student of the Chair of Business Law of the Law School of the Moscow State University. mdoraev@ekiplaw.ru.

Собственность супругов по праву Испании

*Акинфиева Т.В.**

Вопрос о правоотношениях собственности супругов является одним из самых сложных в семейном законодательстве любой страны. Однако опыт Испании является ярчайшим примером того, насколько многообразно и четко регламентировано правовое решение этого вопроса на территории одного государства.

В Испании не существует отдельного семейного кодекса, а все правоотношения супругов регулируются положениями Гражданского кодекса 1889 г. Нормы ГК Испании являются нормами общего характера, помимо которых в Испании применяются исторически сложившиеся на протяжении веков локальные нормы, действие которых носило строго территориальный характер. В процессе нормотворческой деятельности такие нормы стали приобретать силу закона. Причем локальные нормы имеют превалирующее значение на данных территориях, а нормы общего характера являются дополняющими.

Что касается общих норм, регулирующих правоотношения собственности супругов, то в ГК Испании этому разделу посвящены 129 статей. Такой очень детальный подход к правовому решению, в частности вопроса о разделе имущества в случае развода, представляет значительный интерес для российского законодательства.

Ключевые слова: семейный кодекс; гражданский кодекс; фортальное право; режим собственности супругов.

* Акинфиева Татьяна Владимировна – соискатель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России. atv_01@mail.ru.

В современном мире Испания считается одним из самых децентрализованных государств Европы. Это относится не только к административно-территориальному делению Испании, но и ко всей правовой системе в целом.

Разнообразие норм права, существующих в Испании, уходит корнями в далекое историческое прошлое, когда на территории Иберийского полуострова сосуществовали несколько королевств, каждое со своими нормами права.

В Испании не существует отдельного семейного кодекса, а все правоотношения супругов регулируются положениями Гражданского кодекса (1889 г.), а также нормами форального права¹, которое всегда отражало и отражает явно выраженные реалии образа жизни, исторических и культурных особенностей развития, сложившихся на территории отдельных административных единиц. Речь идет не о каком-то едином региональном праве, а об отличном друг от друга региональном праве, характерном для каждой отдельной территории. Это относится в первую очередь к таким Автономным Сообществам (в дальнейшем АС) как: Арагон, Каталония, Наварра, Галисия, Валенсия, частично Страна Басков, Балеарские острова.

При таком разнообразии норм в рамках гражданского права Испании, регулирующих правоотношения собственности супругов, возникает вопрос о выборе режима имущества. Несмотря на несомненную важность правоотношений собственности супругов, выбор режима имущества не носит в Испании повсеместного характера, поскольку в большинстве случаев супруги не уделяют этому вопросу должного внимания и острота возникает только на момент развода. В отличие от Семейного Кодекса РФ в ГК Испании не регламентируется отдельно законный и договорный режим имущества супругов. В общих положениях (ст. 1315) указано, что предпочтение отдается тому режиму собственности, который будет указан в брачном договоре. При отсутствии брачного договора действует режим совместной собственности.

Брачный договор можно заключить, также как в России, до регистрации брака, так и после нее. Он должен быть подписан в присутствии нотариуса и подтвержден актовой записью. По взаимной договоренности в брачном договоре можно заменять один режим

¹ От *fuero* (исп.): фуэрос – исторически означали права, привилегии или свободы, пожалованные королями отдельным территориям. Впоследствии легли в основу правовых документов, действующих на данных территориях.

собственности на другой, а также вносить изменения, которые, однако, не будут противоречить закону, обычаю или ограничивать равенство в правах каждого из супругов.

В главе II, раздела III (книга 4), посвященной брачному договору (ст. 1344-1444) перечислены следующие режимы собственности супругов²:

1. Режим общего имущества.
2. Режим участия в доходах, получаемых другим супругом.
3. Режим раздельного имущества.

1. Режим общего имущества характеризуется созданием общего фонда, источником средств которого являются доходы, получаемые обоими супругами. Этот фонд является собственностью обоих супругов, они совместно и на равных правах им распоряжаются и несут все семейные расходы. Исходя из принципа совместного распоряжения этим фондом, срочные и необходимые расходы могут осуществляться одним супругом. Однако чтобы продать часть общего имущества, необходимо прийти к соглашению. Помимо общего имущества режим выделяет понятия личного имущества, а также имущества, купленного в рассрочку.

К общему имуществу (ст.1344-1345) относятся:

- доходы, полученные в результате трудовой деятельности, коммерции или бизнеса каждым из супругов;
- прибыль, доход или проценты, получаемая как с личного, так и с общего имущества;
- имущество, покупаемое из общих средств, независимо от того, предназначено оно одному или обоим супругам;
- имущество, приобретенное в результате реализации права обратной покупки, даже если оно осуществляется на средства одного из супругов. В этом случае выплаченная сумма является долговым обязательством общего имущества по отношению к личному имуществу одного из супругов;
- права в отношении компаний, учрежденных на общие средства;
- право пользования чужим имуществом относится к личному имуществу, а прибыль, полученная с этого имущества, считается общим имуществом;

² Código Civil, 1889. (Гражданский Кодекс с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civil.udg.es/normacivil/estatal/CC/1t4.htm>.

- доходы, полученные в результате игры;
- имущество, полученное в результате дарения или наследства, оставленного обоим супругам, пока действует режим общего имущества, является общей собственностью; дарение или наследство, оставленное одному из супругов, является личной собственностью.

Личное имущество – это то, которое принадлежало каждому из супругов до вступления в брак, а также полученное в качестве подарков или наследства во время брака. В ГК подробно перечисляются все возможные виды личного имущества, включая также имущественные права, возмещение ущерба, причиненного одному из супругов; предметы, необходимые для осуществления профессиональной деятельности, за исключением тех, которые приобретались для организации общего бизнеса, и др., (ст. 1346-1361 ГК Испании)³.

Личное имущество может быть переведено обоими супругами в разряд общего имущества, а имущество, приобретенное частично на общие средства, а частично на личные, считается как общим, так и личным того супруга, который внес деньги, в соответствующих пропорциях. Существует также презумпция общего имущества, т.е. имущество, приобретенное во время брака, считается общим, пока не будет доказано обратное.

Если рассматривать имущество, купленное в рассрочку, то ГК Испании различает 2 ситуации:

- если имущество приобретено в рассрочку одним из супругов из общего имущества, пока действует режим общей собственности – это будет общее имущество, независимо от того что остальной платеж будет осуществлен одним супругом; и наоборот, если первый платеж был осуществлен из личного имущества, имущество также будет считаться личным;

- если имущество приобретено одним из супругов до вступления в силу режима общего имущества, оно всегда будет иметь характер личного, даже если окончательная сумма или часть отсроченного платежа будет выплачена из общего имущества.

Исключением из этой нормы является приобретение жилья, мебели и домашней утвари: если оно частично было приобретено на личные средства, а частично на общие, оно будет относиться как к личному

³ R.Aldesa y M.Martínez. Comentarios al Código Civil. El régimen económico del matrimonio. Madrid, 2006. P. 76

имуществу, так и к общему в той пропорции, в которой были внесены деньги.

При этом если супруги улучшают какую-то часть личного имущества одного из супругов, но на общие деньги, то супруг, собственник этого имущества, становится должником общего имущества на сумму ремонта и наоборот.

Ст.1362-1374 ГК Испании регламентируют те обязательства, которые исполняются за счет общего имущества, а именно: содержание семьи, питание, одежда и образование общих детей и не общих, но которые живут в семье; приобретение, владение и пользование общим имуществом; необходимое управление личным имуществом любого из супругов; обычное ведение бизнеса или расходы, связанные с осуществлением профессиональной деятельности каждым из супругов; подарки, сделанные при общем согласии; в случае если такое согласие не достигнуто, то они должны быть оплачены из личного имущества.

Игровые долги одного из супругов будут считаться долгами общего имущества в случае, если размер этого долга рассматривается как умеренный расход, исходя из уровня жизни семьи.

По собственным долгам более крупного размера каждый супруг отвечает своим личным имуществом. Если его личного имущества будет недостаточно, чтобы ответить по обязательствам, он будет отвечать из той половины общего имущества, которая к нему относится⁴.

Управление общим имуществом осуществляется на основании норм ГК, перечисленных в ст. 1375-1391. Общим правилом является совместное управление, что означает, что распоряжение общим имуществом осуществляется только с согласия обоих супругов. Если один из супругов без согласия другого продает, сдает в аренду или передает права на общее имущество и действует в ущерб интересам другого супруга, то такие акты отчуждения могут быть аннулированы.

Если как следствие акта отчуждения, произведенного одним из супругов, последний получил для себя выгоду, но затронул интересы общего имущества, он должен вернуть в общее имущество стоимость понесенного ущерба.

Аннулирование режима общего имущества может быть произведено по следующим причинам:

– прекращение брака (например, смерть одного из супругов);

⁴ R.Aldesa y M.Martínez. Comentarios al Código Civil. El régimen económico del matrimonio. Madrid, 2006. P. 83.

- признание брака недействительным;
- объявление в судебном порядке о раздельном проживании супругов. В этом случае будет действовать режим раздельного имущества, даже если и произойдет примирение сторон. Если супруги захотят вернуть режим общего имущества, то такое намерение должно быть нотариально заверено в брачном договоре;
- при смене записи в брачном договоре на другой режим правоотношений собственности супругов;
- при вынесении судебного решения о признании одного из супругов безвестно отсутствующим;
- при вынесении судебного решения о банкротстве одного из супругов и др.

Порядок аннулирования режима общей собственности предусмотрен в ст. 1392-1410 ГК Испании⁵. Для этого, во-первых, делается опись общего имущества, состоящая из двух частей: активной и пассивной. К активной части относится общее имущество, существующее на момент ликвидации режима общего имущества, причем с указанием стоимости. В случае если один из супругов осуществил недобросовестную сделку по продаже какой-либо части общего имущества, должна быть указана его реальная стоимость. К пассивной части относятся долги, подлежащие оплате из общего имущества; общая обновленная стоимость личного имущества, которое было использовано в общих интересах и которая должна быть возвращена наличными тому супругу, который предоставил это личное имущество; общая обновленная сумма, которая была уплачена одним из супругов, но относилась к обязательствам по общему имуществу, и которая, по сути, являлась кредитом общего имущества. Стоимость активной части предназначена на оплату долгов общего имущества, а его остаток делится пополам между супругами. Результат этой операции может быть положительным или отрицательным. В последнем случае каждый из супругов будет отвечать по долгам общего имущества из своего личного имущества. После аннулирования режима общего имущества должны быть внесены изменения в реестр собственности на недвижимость, соответствующую каждому супругу.

Этот режим общего имущества, хотя и является самым сложным по содержанию, вместе с тем считается наиболее справедливым,

⁵ R.Aldesa y M.Martínez. Comentarios al Código Civil. El régimen económico del matrimonio. Madrid, 2006. P. 102.

поскольку основывается на принципе равенства сторон в браке, который записан в Конституции (ст. 32 п. 1)⁶.

2. Режим участия в доходах, получаемых другим супругом (ст. 1411-1434 ГК Испании) означает право каждого из супругов участвовать в доходах другого супруга в течение всего периода действия данного режима. Управление и право получения прибыли со своего собственного имущества, даже того, которое было приобретено во время действия данного режима (включая покупку, дарение, наследство и т.д.), принадлежит каждому в отдельности на правах личного имущества. Только прибыль с этого имущества может быть использована на общие нужды⁷.

Этот режим мало используется в Испании, хотя и обеспечивает большее равенство супругов при разводе, чем режим раздельного имущества: кто получил больше выгод, должен выплатить другому супругу компенсацию.

При прекращении действия данного режима имущественных отношений в ГК предусмотрен порядок учета выгод, которые понимаются как разница между первоначальным и конечным имуществом.

Начальное имущество делится на активную и пассивную часть. К активной части относится имущество каждого из супругов в начале действия данного режима, а также имущество, приобретенное во время его действия путем покупки, дарения, завещательного отказа и т.д. К пассивной части: из предыдущей активной части вычитаются непоплаченные на начало действия режима долговые обязательства. Если пассивная часть превышает активную часть, считается, что начальное имущество отсутствует.

Конечное имущество также состоит из активной и пассивной частей. К активной части относятся имущество и права каждого супруга на момент прекращения действия режима. Пассивная часть – это разница между активной частью и долговыми обязательствами, которые еще не выполнены. В конечное имущество включается также стоимость имущества, которое было отчуждено или подарено без согласия другого супруга. Конечное имущество должно оцениваться по стоимости,

⁶ Конституции зарубежных стран: сборник/сост. В.Н.Дубровин. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 208

⁷ Código Civil, 1889. (Гражданский Кодекс с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civil.udg.es/normacivil/estatal/CC/1t4.htm>.

действующей на момент прекращения режима, также оценивается и имущество, которое было продано или подарено в мошеннических целях. Долги, которые один супруг имеет по отношению к другому, включаются в активную часть конечного имущества в случае супруга-кредитора, и в пассивную часть – в случае супруга-должника.

Если разница между конечным и начальным имуществом одного и другого супруга дает положительный результат и если этот результат одинаков в обоих случаях, то нет никакой выгоды и, следовательно, супругам нечего делить.

Если положительный результат одного из супругов больше, чем у другого, то тот супруг, у которого результат меньше, получает половину разницы между этими показателями.

Если только один из супругов получает положительный результат, то другой супруг получает право на участие в выгодах в размере половины возросшей стоимости имущества другого супруга.

Сумма участия в выгодах должна быть выражена в денежном выражении, при этом юридически может быть предоставлена отсрочка выплаты, но не более 3 лет. При этом как по выплате основного долга, так и по процентам с кредита должна быть предоставлена банковская гарантия.

Компенсация доли участия может быть также осуществлена посредством выделения конкретного имущества по договоренности между сторонами или присуждена по решению суда. Если должник не имеет достаточно имущества для выплаты суммы, которая ему соответствует, супруг-кредитор может оспорить дарения, сделанные без его согласия или в нарушение его прав. Для этого он располагает сроком в 2 года, считая со дня прекращения действия данного режима.

3. Режим раздельного имущества (ст.1435-1444 ГК). Этот режим исходит из принципа полной экономической независимости супругов. Каждый супруг имеет в полной собственности и свободном распоряжении то имущество, которое у него было до вступления в брак, а также то, которое он приобретает в браке, независимо от источника (заработная плата, доход с имущества или капитала, наследство, дарение и др.). Если какое-то имущество было приобретено совместно, каждый супруг имеет право продать свою часть без согласия другого супруга, хотя последний и имеет преимущественное право на приобретение этой части. Что касается общих семейных расходов, то супруги

обязаны нести их совместно, пропорционально своим финансовым возможностям. Это означает, что если один супруг работает, а другой нет, то первый несет ответственность за второго. Иногда в брачном договоре оговаривается процентное соотношение этих расходов.

Режим раздельного имущества применяется в том случае, если об этом есть запись в брачном договоре, а также констатация того факта, что супруги не желают использовать ни режим общего имущества, ни режим участия в доходах другого супруга.

Использование этого режима влечет определенные правовые последствия для супругов, а именно:

- супруги участвуют в общих расходах семьи, если не предусмотрено иное, пропорционально своим финансовым возможностям;

- домашняя работа считается вкладом в общие семейные расходы и дает право тому супругу, который эту работу осуществлял, на компенсационные выплаты, которые в случае прекращения режима раздельного имущества фиксируются в судебном порядке;

- если один из супругов управляет имуществом другого, считается, что он выступает в качестве уполномоченного лица и, следовательно, несет ответственность за такую деятельность. Если полученная в результате прибыль идет на семейные нужды, то предоставление отчетности не обязательно;

- обязательства, принимаемые на себя одним из супругов, ложатся исключительно на его ответственность;

- при невозможности определения принадлежности конкретного имущества или права считается, что оно принадлежит обоим супругам в равных долях⁸.

Этот режим предлагает больше независимости и больше преимуществ для тех супругов, которые осуществляют (один или оба) профессиональную деятельность, связанную с риском. Также создает меньше проблем при разводе, поскольку изначально каждый супруг располагает своим собственным имуществом. Однако если не быть предусмотрительным, этот режим может оставить одного из супругов в менее выгодном положении.

В отличие от российского семейного законодательства в Испании все три формы правового режима имущества супругов можно считать законными, поскольку они регулируются общими положениями

⁸ R.Aldesa y M.Martínez. Comentarios al Código Civil. El régimen económico del matrimonio. Madrid, 2006. P. 128.

гражданского кодекса, и каждый из них может быть включен в брачный договор. Но какова бы ни была структура управления имуществом или его раздела во всех случаях общим остается одно: семейные расходы (содержание семьи, жилья, обучение и содержание детей и др.) должны нести оба супруга. При отсутствии брачного договора при разводе и разделе имущества за основу берется, как и в РФ, режим общего имущества.

Что касается вопроса выбора режима собственности в тех АС, где превалируют нормы форального права, а нормы общего характера, содержащиеся в ГК Испании, носят дополняющий характер, то, например, в Арагоне существует полная свобода выбора режима собственности, включаемого в брачный договор – либо супруги сами определяют по своему желанию условия этого режима, либо можно сослаться на любой закон: арагонский, ГК Испании или иностранный⁹. Если же условия брачного договора составляются, основываясь только на пожеланиях вступающих в брак или уже находящихся в браке, то единственным ограничением является невозможность выполнения этих условий, противоречие Конституции Испании и нормам Арагонского права. Такое положение содержится в Законе 2/2003 от 12 февраля АС Арагон, который регулирует правоотношения собственности как супругов в браке, так и вдовствующих супругов¹⁰. Данный закон отменил статьи закона 15/1967 от 8 апреля, касающиеся этого вопроса, и внес некоторые изменения. В преамбуле закона 2003 г. указано, что все нормы закона были рассмотрены заново с учетом уважения конституционных норм, исторически сложившихся традиций данного региона, а также опыта, накопленного в судах и специалистами в области права. Что касается нововведений, то самым главным является то, что нормы, регулирующие правоотношения собственности супругов и вдов получили статус закона и его конкретное название, что отсутствовало в течение многих десятилетий. Абсолютно новым в законе является и то, что он охватывает все стороны правоотношений собственности, что исключает необходимость обращения к ГК Испании.

⁹ Serrano García , J.A. Manual de Derecho Civil Aragonés. Ed. El Justicia de Aragón. Zaragoza, 2006. P. 215

¹⁰ Ley de Régimen Económico Matrimonial y Viudedad (LEREM) Закон о режиме собственности супругов и выплате пенсии по вдовству, 2/2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unizar.es/derecho/derecho_aragones/progcivil/Documentos/Bienesconsor.pdf.

Практика заключения брачных договоров в АС Арагон показывает, что в большинстве случаев выбор падает на режим раздельного имущества супругов. В случае отсутствия брачного договора суд также руководствуется правовыми последствиями именно данного режима (ст. 21–27), хотя он и не носит императивного характера, а применяется лишь в случае, если со стороны супругов нет иного пожелания. При этом суд исходит из принципа наименьшего вмешательства в супружескую жизнь и применяет данный режим, поскольку он в наименьшей степени затрагивает экономическое положение супругов¹¹.

По режиму раздельного имущества АС Арагон каждому из супругов принадлежит имущество, которое они имели на момент заключения брака, а также то, которое каждый из супругов приобретает во время брака. При этом каждый имеет право свободного управления и распоряжения своим имуществом, не нанося ущерба семейному жилищу. Собственником имущества выступает тот, кто его приобрел (ст. 24.1). В случае если невозможно определить, кому из супругов принадлежит какая собственность, считается, что она принадлежит обоим поровну (ст. 24.2).

Что касается долговых обязательств, то каждый супруг отвечает исключительно самостоятельно по своим долгам, за исключением тех, которые были вызваны семейными нуждами. В этом случае супруги несут солидарную ответственность (ст. 27).

На втором месте по степени применения в Арагоне стоит режим общего имущества, который носит дополняющий характер по отношению к режиму раздельного имущества. Этот режим еще называется режимом супружеского имущества. Он восходит корнями к самым древним уложениям (*fueros*) и имеет собственные характеристики среди всех прочих режимов собственности. Отличительной чертой и ключом для понимания к применению этого режима служит волеизъявление самих супругов. По арагонскому праву, супружеский союз, как таковой, не является юридическим лицом, а, следовательно, субъектом права. Имущество, которое ему принадлежит, и в целом отношения, которые затрагивает это имущество, представляют собой автономный предмет. Этим имуществом супруги владеют совместно, без конкретного деления на доли. Следствием этого является то, что ни один из супругов

¹¹ Martínez Cortés, J., *Actas de los Decimoterceros Encuentros del Foro de Derecho Aragones. Ed. El Justicia de Aragón. Zaragoza, 2004. P. 110.*

не может являться должником другого до тех пор, пока брак не будет расторгнут¹².

Что относит режим к общему имуществу:

1. На начало действия режима – то имущество, которое супруги внесли сами, а также то, которое им подарено по случаю заключения «супружеского союза».

2. Во время брака – приобретенное имущество. Но (опять отличие от ГК) решить какую форму придать этому имуществу – личного или общего имущества – могут только супруги по своему желанию и на момент его приобретения, и только путем подписания нотариально заверенного документа (ст.33). Только такой документ дает право на подведение баланса между личным и общим имуществом в случае развода.

По праву АС Наварра (официальное название – Форальное Сообщество Наварра), супруги, также как и в АС Арагон, имеют полную свободу как при заключении брачного договора, так и при достижении любых других договоренностей, в т.ч. в отношении дарения. Этот принцип полной свободы вносимых в брачный контракт условий соответствует исторически сложившейся правовой традиции в Наварре, в отличие от традиций романского права, положенного в основу ГК Испании. Хотя после реформы семейного законодательства 2005 г. (Закон 13/2005 от 1 июля) в ГК Испании было внесено изменение в ст. 1323 ГК, которая предусматривает, что супруги могут заключать любой вид договоренностей по поводу перевода друг на друга документов о правовом титуле имущества или прав. Хотя для определения, к какому виду собственности (общему или личному) относится то или иное имущество, достаточно устного признания другого супруга (ст. 1324 ГК)¹³. Такое признание, однако, не должно нарушать прав его законных наследников. В отношении дарения движимого имущества, по ГК Испании, достаточно устной договоренности. Составление нотариально заверенного документа требуется только в отношении дарения недвижимого имущества, включенного в брачный договор.

¹² Lacruz Berdejo, J.L. Comentarios a la Compilación del Derecho Civil de Aragón. Vol.2. Ed. Diputación General de Aragón. Zaragoza, 1993. P. 15.

¹³ Código Civil, 1889. (Гражданский Кодекс с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civil.udg.es/normacivil/estatal/CC/1t4.htm>.

По праву АС Наварра нотариально заверенный документ требуется даже в отношении перечня подарков, сделанных по случаю заключения брака, как в виде движимого имущества, так и в денежном выражении¹⁴.

Таким образом, все вышеизложенное является ярким примером того насколько многообразно в Испании правовое решение одного из самых сложных вопросов в семейном законодательстве любой страны, вопроса о правоотношениях собственности супругов.

Именно изучение законодательства различных стран, в том числе опыта Испании, позволяет лучше понять достоинства и недостатки национального законодательства.

Библиографический список

Конституции зарубежных стран: сборник/сост. В.Н. Дубровин. М.: Юрлитинформ, 2003.

R.Aldesa y M.Martínez. Comentarios al Código Civil. El régimen económico del matrimonio. Madrid, 2006.

Lacruz Berdejo, J.L. Comentarios a la Compilación del Derecho Civil de Aragón. Vol. 2. Ed. Diputación General de Aragón. Zaragoza, 1993.

Martínez Cortés, J., Actas de los Decimoterceros Encuentros del Foro de Derecho Aragonés. Ed. El Justicia de Aragón. Zaragoza, 2004.

Serrano García, J.A. Manual de Derecho Civil Aragonés. Ed. El Justicia de Aragón. Zaragoza, 2006.

¹⁴ Fuero Nuevo de Navarra, 1973 (Новый Закон Наварры). [Электронный ресурс]. URL: http://www.noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/11-1973.11t11.htm.

Matrimonial Property Law in Spain (Summary)

*Tatyana V. Akinfieva**

The issue of Matrimonial Property is one of the most complicated issues in the Family Law of any country. But the experience of Spain in this field is the brightest example of how diversified and detailed legislation on issue of Matrimonial Property can be in the territory of one state.

There is no separate Family Code in Spain and the issues of Matrimonial Property are regulated by the Civil Code of 1889. The regulations of the Civil Code are considered to be the common norms.

Besides general norms of Civil Code in Spain there is such a phenomenon as Foral Law which for centuries has been reflecting well expressed realities of way of life as well as historical peculiarities of separate administrative territories which for the last scores of years started to take forms of law. It does not concern the common regional law but the diverse regional law of each separate territory. And the regulations of Foral Law are prevailing over the general norms of Civil Code which are additional in these territories.

As far as the general norms regulating Matrimonial Property are concerned there are 129 articles dedicated to it in the Civil Code of Spain.

Such a detailed approach to the legal solution of such issues like for example family arrangement in case of divorce is of considerable interest for Russian Family Legislation.

Keywords: family code; civil code; foral law; matrimonial regime.

* Tatyana V. Akinfieva – post-graduate student of the Chair of International Private and Civil Law, MGIMO-University MFA Russia. atv_01@mail.ru.

О некоторых правовых аспектах международного управления природными ресурсами

*Василенко Е.В.**

Исследовано понятие институционального механизма международного управления, формирование которого во многом связано с необходимостью эффективного разрешения природоресурсных споров, а также формированием и обогащением концепции устойчивого развития в свете планирующегося проведения Конференции по устойчивому развитию 2012 года. Освещены вопросы деятельности международных межправительственных организаций и международных судебных учреждений в сфере освоения, разведки и эксплуатации природных ресурсов.

Ключевые слова: международное управление; природные ресурсы; устойчивое развитие.

Международно-правовое регулирование отношений по поводу установления правового режима, освоения, разведки и эксплуатации природных ресурсов является комплексным, межотраслевым институтом международного права, развитие которого в последние десятилетия привело к формированию понятия «международное управление природными ресурсами». Целью данной статьи является анализ деятельности международных межправительственных организаций и международных судебных органов для обоснования доводов о том, что они формируют институциональный механизм международного управления. Актуальность исследования объясняется усилением наднациональных начал в современном международном праве и тем фактом, что «международное управление, осуществляемое с помощью наднационального решения международной организации, на порядок выше, чем «обычное» (нередко весьма ненадежное) договорное управление, и принципиально отличается от него¹.

* Василенко Екатерина Владимировна – соискатель кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета. sfedu12@ya.ru.

¹ Малеев Ю.Н. Новое международное право? / Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 60-летию кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. М., 2010. С. 179.

Прежде чем осветить правовые аспекты природоресурсной деятельности на институциональном уровне, следует отметить, что понятие международного управления является центральным во многих научных работах последних лет как российских², так и зарубежных³ специалистов в области международного права.

Как отмечает Ю.Н. Малеев, управление природными ресурсами представляет собой процесс планирования, организации, мотивации и контроля использования природных ресурсов для достижения цели устойчивого развития⁴.

Е.Ф. Гладун конкретизирует общее управление природными ресурсами, раскрывая понятие механизма управления природными ресурсами как совокупности средств воздействия на природные⁵. При этом она осуществляет не вполне обоснованную классификацию «механизмов управления», называя в качестве обособленных категорий правовой, информационный, организационный, административный, экономический, общественный, международный, идеологический механизмы управления. В свою очередь, в каждый механизм входят свои «инструменты управления». Например, в рамках административного механизма автор учебного пособия выделяет лицензирование, экологическое нормирование, стандартизацию, оценку воздействия на окружающую среду, экологическую экспертизу⁶. На наш взгляд, такое деление приводит к излишней структурированности без учета взаимозависимости социальных норм. Даже выделенные административные инструменты нельзя отнести к исключительно административным – к примеру, стратегическую экологическую оценку, которая является важным средством учета экологических и экономических интересов и процесс проведения которой закреплен в Протоколе по стратегической экологической оценке и Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте.

А.Н. Вылегжанин указывает на новизну понятия международного управления, напоминая, впрочем, о факте широкого освещения данного

² См. например: Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы. / А.Н. Вылегжанин, В.К. Зиланов. М., 2000.

³ Benvenisti E. Asian Traditions and Contemporary International Law on the Management of Natural Resources Chinese Journal of International Law, Vol. 7, No. 2, pp. 273-283, 2008.

⁴ Там же.

⁵ Гладун Е.Ф. Управление природными ресурсами. Учебное пособие. Тюмень, 2007. С. 33.

⁶ Там же. С. 134.

термина в работах Ф.Ф. Мартенса⁷. Последний еще в 1899 году давал трактовку данного термина, указывая на то, что это выражение «совсем неупотребительно у писателей международного права и совершенно ими не понимается... Право международного управления постоянно развивается как административными распоряжениями, так и законодательными постановлениями и в особенности международными соглашениями». Такое определение в первую очередь характеризует именно межгосударственное управление на основе международного договора. Однако даже в данный период ученый указывал на то, что «государства в области международного управления являются также сознательными органами высшей организации – международного общения»⁸. Это, на наш взгляд, является предпосылкой формирования понятия институционального международного управления, осуществляемого международными межправительственными организациями, а также международными судебными органами.

Международные межправительственные организации, как субъекты международного права, опосредуют волю государств, включая в свою структуру органы, занимающиеся управлением природными ресурсами либо являясь организациями специальной компетенции, чья деятельность направлена исключительно на развитие сотрудничества в сфере рационального ресурсопользования и охраны окружающей среды.

Так, ООН, как универсальная организация общей компетенции, распределяет свою природоресурсную деятельность в зависимости от ее экологической, экономической, социально-культурной составляющей между главными и вспомогательными органами, а также специализированными учреждениями (ФАО, ИМО, МАГАТЭ, ВОЗ, ЮНЕСКО и т.д.).

Одной из особенностей институционального механизма управления природными ресурсами является наличие большого числа программных документов, составляющих основу институционального сотрудничества, но нередко нуждающихся в консолидации. На примере ООН главной программой, направленной на развитие природоохранного сотрудничества, является ЮНЕП (Программа ООН по окружающей

⁷ Вылегжанин А.Н. Юридические начала управления живыми ресурсами Мирового океана. В кн.: Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. М., 2000. С. 12-13.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2 / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 7.

среде). Правовая природа ЮНЕП вызывает дискуссии в научных кругах. Профессор М.Н. Копылов, авторитетный специалист в области международного экологического права, придерживается единственно верной и юридически обоснованной точки зрения: «Несмотря на то, что ЮНЕП... – пишет М.Н. Копылов, – традиционно квалифицируется как международная организация особого рода, она такой, строго говоря, не является. И в рамках системы ООН такая международная экологическая организация, несомненно, должна быть создана»⁹.

Наличие надгосударственного подхода на региональном уровне и действенность такого подхода при реформировании механизма международного управления связывается с созданием Европейского союза. Особенности институционального управления в ЕС ставят вопрос о принадлежности норм, издаваемых Европарламентом, и правовой природе решений исполнительных органов ЕС, о том, что представляет собой европейское право и входит ли Евросоюз в институциональный механизм международного управления природными ресурсами.¹⁰

Если европейское право является «третьей системой права», законодательная и административная деятельность Евросоюза, определяющая правовые режимы освоения, эксплуатации и охраны природных ресурсов для государств – членов ЕС не относится к международному управлению. Тогда можно сделать вывод о том, что ЕС формирует институциональный механизм управления, но только в процессе взаимодействия с государствами, не являющимися его участниками. Это приводит к двойственности и неоднозначности и, в свою очередь, является доводом для того, чтобы выделять в качестве третьей системы права не европейское, а транснациональное право. Данная позиция, не раз аргументированная видными учеными-международниками¹¹, разработана весьма детально, хотя зачастую требует дополнительного обоснования в части вопроса о соотношении транснационального и международного частного права.

⁹ Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран: Международно-правовые вопросы. Монография. М., ЭКОН. 2000. С. 166–167.

¹⁰ Международно-правовой характер сотрудничества ЕС как надгосударственного образования с государствами, не являющимися его членами, в данном случае не оспаривается. В данном случае речь идет о сотрудничестве субъектов международного права, действующих и принимающих решение на основе международно-правовых норм.

¹¹ См. например: Jessup P.P. Transnational Law. New Haven. 1956, Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. М.: Научная книга, 2007.

Отметим, что Евросоюз активно использует понятие «управление природными ресурсами». Если мы обратимся к решению Европейского парламента и Совета № 1600/2002/ЕС от 22 июля 2002 года о Шестой программе действий Сообщества в области окружающей среды, то обнаружим, что использование рассматриваемого термина производится в нем повсеместно: «управление природными ресурсами», «управление водами», «управление лесами» и т.д. Кроме того, термин «международное управление природными ресурсами», как и «устойчивое развитие», является междисциплинарной категорией, в связи с чем необходимо выделить правовые аспекты управления – например, при рассмотрении деятельности международных судебных учреждений. Помимо того, что их решения разрешают конкретный спор по существу, они, как и нормы мягкого права, обладают большой морально-политической силой и, главное, являются вспомогательными источниками международного права. Таким образом, международное управление природными ресурсами осуществляют:

1) международные суды, универсальные и региональные: Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Орган по разрешению споров ВТО, Экономический суд СНГ, Суд ЕС и т.д.;

2) международный арбитраж – на постоянной основе или создаваемый для рассмотрения конкретного дела (*ad hoc*): Постоянная Палата Третейского суда, Международный экологический суд арбитража и примирения и т.д.

Названные судебные и третейские (арбитражные) органы, по мнению М.К. Сеггер и К. Виранмантри, формируют основу институциональной системы «устойчивого правосудия»¹². При этом основными признаками, отличающими арбитражное разбирательство от судебного, являются меньшая формализованность, применимость к более широкому кругу участников и международных споров¹³.

Разветвленная система судебных органов, разрешающая споры, связанные с устойчивым ресурсопользованием и охраной природных ресурсов, приводит к институциональной фрагментации. А конкуренция экологических, экономических и иных международно-правовых норм,

¹² Segger M., Weeramantry C. Sustainable Justice: Reconciling Economic, Social and Environmental Law. Boston, 2005. P. 506.

¹³ Попков А.Н. Формы международного арбитража и современные тенденции их развития в международном праве // Белорусский журнал международного права и международных отношений. № 3. 1998. С. 10–16.

регулирующих рассматриваемые отношения, приводит к фрагментации правовых режимов и норм материального международного права.

Данный термин получил распространение в связи с включением в долгосрочную программу работы ООН в 2002 году темы «Риск фрагментации международного права», которая после формирования Исследовательской группы получила формулировку «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права».

Предметом споров, рассматриваемых Международным судом ООН и связанных с вопросами разведки и эксплуатации природных ресурсов, выступают отношения по поводу национализации, делимитации границ и условий концессионных соглашений недропользования.

Особый теоретический и практический интерес представляет дело об Англо-Иранской нефтяной компании. Великобритании подала жалобу на Иран по поводу национализации иранским правительством англо-иранской нефтяной компании. Иран заявил о неподсудности этого вопроса Международному Суду. Суд также признал неподсудность этого спора и не принял дело к рассмотрению.

Суд не согласился с утверждением о «двойственной природе» соглашения с Англо-Иранской нефтяной компанией: с одной стороны, концессионное соглашение, с другой – договор между двумя правительствами¹⁴. Однако Суд заявил, что данное соглашение является «не более чем концессионным соглашением между правительством и иностранной корпорацией. Правительство Соединенного Королевства не является стороной контракта, который не устанавливает связь между обоими правительствами и никоим образом не регулирует отношения между ними. В соответствии с этим контрактом Иран не может предъявлять Соединенному Королевству какие-либо претензии, которые он может предъявлять компании; аналогичным образом и от Ирана нельзя требовать выполнения каких-либо обязательств в отношении Соединенного Королевства, которые он обязан выполнить в отношении компании. Эту ситуацию не изменяет тот факт, что контракт был заключен через посредство добрых услуг Совета Лиги Наций.

Еще одним органом, осуществляющим судебный контроль и, следовательно, международное управление природными ресурсами, является Международный трибунал по морскому праву. Рассмотренные дела (включая три дела, находящиеся в производстве) посвящены:

¹⁴ The Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran). ICJ Reports, 1952. P. 112.

– задержанию и аресту иностранных морских судов, обеспечению соблюдения требований Конвенции о незамедлительном освобождении судна или его экипажа после предоставления залога или иного финансового обеспечения¹⁵. Заявления государств о рассмотрении государством дел об освобождении судна от ареста составляют большинство в практике Трибунала. Отметим, что природные ресурсы не являются предметом данной категории споров, поэтому их нельзя назвать природоресурсными. Однако главным фактором, составляющим мотив правонарушения, вследствие которого происходит арест иностранного судна, является незаконная добыча морских живых ресурсов в исключительной экономической зоне другого государства в нарушение Конвенции 1982 года и других действующих договоренностей;

– правам и обязанностям государств в области охраны живых ресурсов¹⁶. К данной категории дел, рассмотренных Трибуналом, мы относим Дело о южном голубом тунце и Дело о сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана. Данные дела наглядно иллюстрируют тот факт, что вопросы применения принципа устойчивого развития при добыче природных ресурсов остаются неурегулированными. Споры данной категории носят природоресурсный характер, то есть касаются применения судами при вынесении решения норм международного права, регулирующих отношения по освоению и эксплуатации природных ресурсов. Дело о рыбе-меч сопровождалось жалобой Европейского союза в ВТО по поводу запрета чилийскими властями производить разгрузку испанских рыболовных судов в портах Чили. Подобный запрет государство объясняло фактом нарушения Испанией правовых норм национального законодательства Чили по сохранению рыбы-меч и ее устойчивому использованию. ЕС утверждал, что законодательство Чили в данной области противоречит ГАТТ 1994 года, в частности статьям V и XI.

Урегулировать разногласия сторон удалось посредством заключения соглашения о научно-техническом сотрудничестве и договоренности

¹⁵ См., например: The “Tomimaru” Case (Japan v. Russian Federation) Judgment. 6 August 2007, The M/V “Louisa” Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Kingdom of Spain) Order 2011/2. 28 April 2011, The M/V “Virginia G” Case (Panama/Guinea-Bissau) Order of 2011/3. 18 August 2011// URL: <http://www.itlos.ru> (дата обращения 13.10.2011).

¹⁶ Cases № 3, 4: Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Provisional Measures. 27 August 1999, Case concerning the Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile / European Union) // URL: <http://www.itlos.org> (дата обращения 13.10.2011).

о выработке многостороннего соглашения об устойчивом использовании и сохранении рыбы-меч. Поскольку стороны разрешили разногласия, разбирательство в ВТО и Трибунале было прекращено. На наш взгляд, такой способ разрешения противоречий между субъектами МП, как принятие новых двусторонних договоров, не может считаться наиболее оптимальным и эффективным, поскольку нормы таких договоров не устраняют коллизии между универсальными нормами и принципами, более того – могут привести к последующим спорам о применении норм международного права;

– введению предварительных обеспечительных мер. Как правило, запрос о применении этой процедуры не является самостоятельным предметом спора, а представляет собой средство обеспечения интересов сторон на время рассмотрения дела. Исключение составляет спор между Малайзией и Сингапуром о мелиорации земель на побережье пролива Джохор¹⁷. В 2003 году Малайзией было возбуждено разбирательство в арбитраже, который должен быть сформирован в соответствии с Приложением VII к Конвенции 1982 года, по вопросу определения линии разграничения между территориальными морями государств у прибрежных островов. Рассмотрение дела по существу должно было осуществляться в международном арбитраже, однако на момент обращения в Трибунал он еще не был создан;

– обеспечению экологической безопасности. Спор, предмет которого наиболее точно соответствует выделенной категории, рассмотрен Международным трибуналом по морскому праву в Деле об атомной электростанции МОКС¹⁸. Вызвав широкие дискуссии, данное дело рассматривалось в рамках морского арбитража Постоянной палаты третейского суда и Судом Европейского союза, затронув проблему фрагментации МП, в первую очередь в части компетенции международных органов и применения конкурирующих норм международного и европейского права;

– территориальным спорам, в первую очередь спорам о делимитации морских границ;¹⁹

¹⁷ Case concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore), Provisional Measures. Order of 8 October 2003 //URL: <http://www.itlos.ru> (дата обращения 24.09.2011).

¹⁸ The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures. 3 December 2001 //URL: <http://www.itlos.ru> (дата обращения 13.10.2011).

¹⁹ Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh/Myanmar) ITLOS/PV.11/14 22 September 2011

– обязанностям и степени ответственности государств в отношении организационных аспектов деятельности в районе морского дна за пределами национальной юрисдикции.

Механизм разрешения природоресурсных споров Всемирной Торговой Организации, проистекающих из любого соглашения «пакета ВТО», а также порядок исполнения решений, принятых Органом по разрешению споров, отличается от порядка разрешения споров международными судами. Поэтому система разрешения споров в рамках Всемирной Торговой Организации не рассматривается как *stricto sensu* судебная.

Природоресурсные споры касаются ограничения или запрета импорта, которые обосновываются необходимостью охраны окружающей среды от негативного воздействия. Причем истцами могут выступать:

– государства, налагающие запрет или ограничение на импорт товаров; Такие дела рассматривались еще в рамках ГАТТ с 1948 по 1994 г., например о запрете импорта тунца и продуктов из тунца из Канады²⁰; о мерах, затрагивающих экспорт необработанной сельди и лосося²¹; об ограничениях на импорт и внутреннее налогообложение сигарет²²;

– государства, опротестовывающие запрет или ограничение и полагающие, что действия государства-ответчика противоречат праву ВТО. Примерами таких споров являются уже упомянутое нами дело о стандартах переработанного и обычного бензина; о запрете на импорт некоторых видов креветки и продуктов из креветки²³; о мерах, затрагивающих импорт асбеста и асбестосодержащих товаров²⁴.

Итак, центральное место в институциональном механизме управления природными ресурсами занимают международные судебные органы, в то время как решения международного арбитража, особенно создаваемого *ad hoc*, важны в первую очередь для участников спора и не вносят такого же значительного вклада в формирование механизма

//URL: <http://www.itlos.ru> (дата обращения 13.10.2011).

²⁰ United States – Prohibition of Imports of Tuna and Tuna Products from Canada, BISD 29S/91, (Feb. 22, 1982).

²¹ Canada – Measures Affecting Exports of Unprocessed Herring and Salmon, BISD 35S/98 (March 22, 1988).

²² Thailand – Restrictions on the Importation of and Internal Taxes on Cigarettes, BISD 37S/200 (Nov. 7, 1990).

²³ United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products, Appellate Body Report adopted by DSB, WT/DS58/AB/R (November 6, 1998).

²⁴ European Communities – Measures Affecting Asbestos and Asbestos-Containing Products, Appellate Body Report adopted by DSB, WT/DS135/AB/R (April 5, 2001).

природоресурсного управления. Вместе с тем стороны чаще выбирают арбитраж для разрешения природоресурсных, в первую очередь экологических, споров. Это объясняется активной деятельностью международного арбитража в сфере разрешения и предотвращения природоресурсных споров – а именно Постоянной Палаты Третейского Суда и Международного Суда экологического арбитража и примирения.

ППТС, созданная в соответствии со ст. 41 Конвенции о мирном разрешении международных столкновений 1899 года, *inter alia*, разрабатывает правила разрешения споров, возникающих в процессе освоения и эксплуатации природных ресурсов, а также принимает специальные процедурные регламенты:

– Примерный Регламент ППТС по арбитражному разбирательству споров, связанных с природными ресурсами и/или окружающей средой от 19 июля 2001 года (на основе Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ);

– Примерный согласительный регламент ППТС по урегулированию споров, связанных с природными ресурсами и/или окружающей средой от 16 апреля 2002 года (на основе Согласительного регламента ППТС и Согласительного регламента ЮНСИТРАЛ).

Также ППТС предоставляет «административную поддержку» другим международным арбитражным органам. Например, Дело о базальтовом карьере в Новой Шотландии (*Bilcon of Delaware et al v. Government of Canada*): компания *Bilcon* и заинтересованные физические лица в 2008 году обратились в арбитраж с целью взыскать с правительства Канады 188 млн долларов США в качестве ущерба за дискриминационные меры, предпринятые Канадой в нарушение условий предоставления национального режима и режима наибольшего благоприятствования, предусмотренных главой 11 Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Данная глава обеспечивает иностранным инвесторам защиту от произвольных и необоснованных действий органов государственной власти и закрепляет механизм разрешения споров для инвесторов.

Инвестором было получено разрешение на строительство базальтового карьера, использование морского терминала для транспортировки оборудования и последующую добычу базальта в Новой Шотландии (Канада). В соответствии с законодательством Канады любое промышленное освоение должно осуществляться на основе предварительной экологической оценки перед строительством и эксплуатацией

объектов. При этом процедуры экологической экспертизы определяются в зависимости от масштаба проекта и характера предполагаемого воздействия на окружающую среду. Представитель инвестора Барри Эплтон в уведомлении об арбитражном разбирательстве отметил, что экологические нормы и инвестиционный режим применялись к инвестору «произвольным, дискриминационным и несправедливым образом»²⁵. В уведомлении отмечается, что «процесс, в рамках которого органы государственной власти проводили экологическую оценку, был надуманным, не транспарентным, с многочисленными нарушениями правил, норм, процедур и общих предписаний, регулирующих экологическую оценку. В результате процесс оказался чрезмерно запутанным и растянулся на длительный срок – более 5 лет»²⁶. По утверждению заявителя, экологическая экспертиза оказалась чрезмерно дорогой по сравнению с оценкой, проводимой в отношении других инвесторов и проектов. Поэтому предпринятые меры оценки оказались дискриминационными, принципиально несправедливыми и нанесли ущерб в размере 188 млн долларов США. Канада нарушила ст. 1103 НАФТА, в соответствии с которой иностранному инвестору государства – участника НАФТА должен предоставляться режим не менее благоприятный, чем любой другой стороне из государства, не являющегося участником соглашения.

В споре, приведенном нами в качестве примера, широко применяются инвестиционные и экологические нормы, в связи с чем необходимо упомянуть о получившей распространение в научных кругах концепции о необходимости создания Международного экологического суда, который разрешал бы по существу все экологические споры во всем их многообразии. М.Н. Копылов и А.М. Солнцев отмечают: «Если Международный экологический суд будет создан, то потребуются пересмотр и внесение изменений в международные экологические соглашения. Международный экологический суд должен будет либо стать структурной единицей ООН, либо иметь связь с ООН по аналогии с Международным уголовным судом»²⁷.

²⁵ Notice of Arbitration under the Arbitration Rules of the United Nations Commission on International Trade Law and the North America Free Trade Agreement. Claytons&Bilcon of Delaware, INC. v. Government of Canada. May, 26. 2008. p. 3 // <http://www.pca-cpa.org/upload/files/BilconNoticeofArbitration.pdf> (дата обращения: 13.10.2011).

²⁶ Там же. Р. 10.

²⁷ Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. 2010. № 1. С. 126.

На наш взгляд, именно повышение эффективности неюрисдикционных средств разрешения природоресурсных споров (согласительных комиссий, обращений в региональные организации, дипломатических средств) является приоритетным по сравнению с созданием универсального экологического суда. Решения международных судов подтверждают исключительную важность переговорного процесса и применения досудебных (или применяющихся одновременно с рассмотрением дела по существу) мирных средств разрешения природоресурсных споров. Так, в деле о континентальном шельфе Эгейского моря Международный суд отказался применять временные меры, препятствующие Турции в проведении ее морских исследований и разведки в районе островов, находящихся в территориальной близости к Турции и также являющихся предметом спора. Суд посчитал, что такие меры могут усложнить процесс переговоров, а также войти в противоречие с обязанностью, подчеркнутой в специальной Резолюции Совета Безопасности ООН 395 от 25 августа 1976 года, использовать все возможные средства и методы мирного урегулирования споров и уважать права и обязательства друг друга с целью недопущения эскалации конфликта. Более того, Суд указал, что при принятии названной резолюции СБ ООН, стороны в лице своих представителей поддержали идею продолжения прямых переговоров по данному вопросу, указав, что это соответствует их интересам²⁸.

Активно развивающееся европейское право содержит институт вынесения преюдициальных заключений, играющих важную роль в функционировании европейской правовой системы и демонстрирующих эффективность смешанного подхода: применение юрисдикционных средств вкупе с консультативным заключением. На наш взгляд, использование этого института при разрешении международных природоресурсных споров было бы весьма целесообразным в случае, если назревшее реформирование Международного Суда ООН состоится. При смешанном подходе на любом этапе рассмотрения дела по существу судебный или арбитражный орган сможет приостановить разбирательство и обратиться в Международный суд ООН с целью разъяснить толкование норм, которые подлежат применению, в том числе о подсудности данного дела суду.

²⁸ Aegean Sea Continental Shelf Case (Greece v. Turkey) / Request for the Indication of Interim Measures of Protection, Order of 11 September 1976, paras. 38–41.

В настоящее время реализовать преюдициальную международную судебную практику посредством предоставления МС ООН консультативных заключений невозможно. Хотя ст. 96 Устава ООН к общим полномочиям Международного суда относит дачу консультативных заключений по вопросам международного права, однако такие запросы могут поступать только от органов ООН, наделенных такими полномочиями (Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, специализированных учреждений).

В целом рассмотренные предложения и международно-правовые средства повышения эффективности природоресурсного управления сопряжены со значительными трудностями правового и организационного характера, а также с тем фактом, что создание и изменение международно-правовых норм, касающихся правовых режимов освоения и эксплуатации природных ресурсов, требует выражения согласия на обязательность таких норм со стороны государств-членов. Это возможно только в процессе созыва международной конференции, которая должна будет не только рассмотреть вопросы защиты окружающей среды, но и пересмотреть основы природоресурсного сотрудничества в целом, поскольку ООН закрепляет межгосударственное сотрудничество и не обладает свойством наднациональности. В связи с этим одним из наиболее актуальных вопросов возможного реформирования институционального механизма природоресурсного управления является эффективность подготовки к Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 года. Как указывает одна из ведущих российских некоммерческих организаций²⁹, саммит будет посвящен четырем вопросам: обзору хода выполнения предыдущих обязательств в области устойчивого развития, новым проблемам, экологизации экономики в контексте ликвидации нищеты и устойчивого развития, институциональной базе устойчивого развития.

Библиографический список

Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы. – М., 2000.

Гладун Е.Ф. Управление природными ресурсами. Учебное пособие. Тюмень, 2007.

²⁹ Центр по проблемам окружающей среды и устойчивого развития «ЭКО-Согласие» [Электронный ресурс] <http://www.ecoaccord.org/>, (дата обращения 13.10.2011 года).

Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран: Международно-правовые вопросы. Монография. М., ЭКОН. 2000.

Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.

Малеев Ю.Н. Новое международное право? – Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 60-летию кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. Под. ред. проф. А.Н. Вылегжанина. М. 2010.

Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. / Под ред. В.А. Томсинова. М., ЗЕРЦАЛО, 2008.

Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. М.: Научная книга. 2007.

Попков А.Н. Формы международного арбитража и современные тенденции их развития в международном праве // Белорусский журнал международного права и международных отношений. № 3, 1998.

Benvenuti E. Asian Traditions and Contemporary International Law on the Management of Natural Resources Chinese Journal of International Law, Vol. 7, No. 2, 2008.

Jessup P.P. Transnational Law. New Haven. 1956.

Segger M., Weeramantry C. Sustainable Justice: Reconciling Economic, Social and Environmental Law. Boston, 2005.

Some Legal Issues in Natural Resources' International Management (Summary)

*Ekaterina V. Vasilenko**

The article examines the concept of international governance which is largely due to the efficiency of natural resources dispute settlement, supranational phenomenon in contemporary international law, formation and enrichment of the concept of sustainable development in light of the planned Conference on Sustainable Development in 2012. The author highlights the important issues in activities of international governmental organizations and international judicial institutions related to natural resources exploration, prospecting and exploitation.

Keywords: International management; natural resources; sustainable development.

* Ekaterina V. Vasilenko – postgraduate student of the Chair of International law of the Faculty of Law, Southern Federal University. sfedu12@ya.ru.

ДОКУМЕНТЫ

Региональный уровень праворегулирования отношений государств в Арктике (комментарий)*

Опубликованные в номерах 3 и 4 за 2011 год и в настоящем номере документы представляют результаты правотворчества Российской Федерации и других арктических государств на региональном уровне. Соответственно, первый возникающий при их чтении вопрос – о соотношении этого уровня с универсальным договорным праворегулированием.

В докладе одного из судей Международного трибунала по морскому праву, изложенном на международной конференции по политико-правовому положению Арктики в Берлине в 2010 году, отмечено, что этот уникальный регион «может стать лабораторией нового международно-правового режима» (“turn out to be a laboratory for a new international legal regime”), причем на слове «новый» и «глобальный» судья делает акцент¹. Такой подход обозначает некоторый диссонанс с *Идулисатской декларацией* от 28 мая 2008 г., принятой на региональном уровне – пятью государствами, прибрежными к Северному Ледовитому океану, и предусматривающей, в частности, что эти государства «не видят необходимости в разработке нового всеобъемлющего международно-правового режима управления Северным Ледовитым океаном» (“no need to develop a new comprehensive international legal regime to govern the

* Комментарий профессора Вылегжанина А.Н., докт. юр. наук, члена Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

¹ Wolfrum R. The Arctic in the context of International Law. – In “New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region”. Eds. Witschel, Winkelmann, Tiroch, Wolfrum. Berlin. 2010. P. 37.

Arctic Ocean”²). При оценке международно-правовых источников и законодательных документов, применимых к деятельности государств в Арктике, при выявлении вектора развития применимого права предложены разные мнения российских и зарубежных юристов-международников³. Еще более мозаична картина политических оценок потенциального и реального роста экономической активности государств, их юридических и физических лиц в Северном Ледовитом океане в контексте природоохранной безопасности, причем не зависимо от того, обусловлен ли этот рост таянием арктических льдов или связан с поступательным развитием морских технологий⁴.

Отдельные районы Арктики издревле использовались для рыбных и зверобойных промыслов, прежде всего прибрежными обитателями арктических государств; этот район привлекал внимание исследователей и многих других стран. Особый вклад в изучение Арктики, освоение транспортировки грузов через ее ледовые поля и водные пути внесли *российские* мореплаватели, землепроходцы, ученые. И географически, и в экономическом и оборонном измерении, для России северные земли Арктики традиционно были стержневым объектом государственной деятельности. С открытием и началом освоения крупных месторождений полезных ископаемых в Арктике возрастают инвестиционные, коммерческие интересы к ней. Арктика все чаще называется главным природоресурсным резервом арктических государств, сохраняемым для будущих поколений их граждан. Как было сказано еще в 1931 году, очень трудно охарактеризовать правовой режим Арктического региона «таким образом, чтобы не вызвать ни одного возражения»⁵. И сегодня можно повторить, тем более, что в условиях повышения экономической состязательности между государствами

² Ilulissat Declaration, Arctic Ocean Conference, Greenland, 27-29 May 2008 <<http://arctic-council.org/filearchive/Ilulissat-declaration.pdf>> (16 June 2009).

³ Taksoe-Jensen P. An International Governance Framework for the Arctic: Challenges for International Public Law. In: “New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region”... P. 147-155. Heidar T.H. The Legal Regime of the Arctic Ocean. In: “New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region”. P. 157-162. Winkler T. An International Governance Framework for the Arctic: Challenges for International Public Law – A Danish Perspective. In: “New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region”... P. 163-167. Колодкин А.Л. Интервью газете «Известия», 16 апреля 2009 г.

⁴ Environmental Security in the Arctic Ocean. University of Cambridge, UK. 13-15 October 2010. 264 pp.

⁵ Smedal G. Acquisition of Sovereignty over Polar Areas. Oslo. Translated from Norwegian. 1931. 143 pp.

в Арктике в настоящее время причины возражений могут быть еще более разноликие, обусловленные, разумеется, не только не одинаковым пониманием применимого к региону международного права.

Объектом различных правовых и политических оценок являются, прежде всего, *воды Северного Ледовитого океана и его ледяные образования*; есть разные оценки их правового положения, как ниже будет показано. На первый взгляд, одинаково убедительно выглядят обе диаметрально противоположные оценки правового положения вод Северного Ледовитого океана, в т.ч. и тех, которые круглогодично покрыты вековыми льдами⁶.

Первая оценка: из-за отсутствия в этом ледяном поле круглогодичной навигации, спаянности мерзлоты суши (в том числе высокоширотных арктических островов) с примыкающими к ней ледяными образованиями, особой экологической уязвимости северного региона правотворчество арктических государств исторически стало *главным, определяющим фактором* в формировании арктического *lex specialis* – специального правового режима Северного Ледовитого океана.

И вторая констатация: универсальный договорный источник современного международного морского права – Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее также – Конвенция 1982 г.) – не предусматривает именно для Северного Ледовитого океана никакого специального режима, никаких исключений для Арктики, и поэтому *только на основе Конвенции 1982 г.* надо уточнять современные пределы действия юрисдикции и суверенных прав арктических государств в Северном Ледовитом океане.

Выбор одной из этих (или иных) правовых оценок особенно важен для России – страны с самым протяженным арктическим побережьем – при уточнении ее прав на осуществление национально-законодательного регулирования плавания по трассам *Северного морского пути*. Еще более масштабный спорный вопрос, ждущий юридически корректного решения – о квалификации правового режима *подводных и подледных земель* этого самого малого по площади, самого *холодного* и самого *мелководного* из океанов нашей планеты⁷. В рамках выбора

⁶ Возраст некоторых таких льдов составляет, по некоторым данным, миллионы лет.

⁷ В научной литературе эти особенности Северного Ледовитого океана иллюстрируются следующими данными: его площадь составляет 2,8% от площади поверхности нашей планеты, в то время как площадь Тихого океана – более 30% поверхности Земли, площадь Атлантического океана – более 20,8%, площадь Индийского океана – более 14%. Средняя глубина в Северном Ледовитом океане составляет 1050 метров, в то время

одной из обозначенных выше правовых оценок предстоит определить, составляет ли, с точки зрения современного международного права, дно Северного Ледовитого океана за пределами дна 200-мильных исключительных экономических зон пяти прибрежных арктических государств *их континентальный шельф*, подлежащий разграничению между ними? Или же в высокоширотной Арктике этим государством предстоит создавать за счет своего шельфа *международный район морского дна – район «общего наследия человечества»* – в соответствии с одной из статей одного из международных договоров, в котором участвуют не все арктические государства?⁸

Совершенно *не новая* для российской *международно-правовой науки арктическая тема*, скрупулезно исследованная профессором *Лахтиным В.Л.* еще в начале XX века⁹, развитая советской школой юристов-международников, в настоящее время переосмысливается на основе множества *новых применимых правовых источников* и в контексте тех вопросов, которые поставлены *современной международной жизнью*.

Роль арктических государств в формировании правового положения Северного Ледовитого океана была и остается определяющей. В условиях Арктики «не срабатывают» глобальные механизмы, созданные Конвенцией ООН по морскому 1982 г. – и не только из-за колоссальных отличий ледовых районов Севера от теплых вод Индийского океана; потому еще, что одно из пяти арктических прибрежных государств не является участником этой Конвенции 1982 г. и не исполняет конвенционные обязательства, например, по ограничению своего арктического шельфа. Соответственно, если одно арктическое государство не выполняет такие ограничения, а другое – выполняет, то результат такого определения границ арктического шельфа не будет справедливым. Напротив, региональным подходом в этом случае достигается справедливый результат. Министром иностранных дел Российской Федерации обращено внимание на то, что «укрепление регионального

как средняя глубина в Тихом океане – 4300 метров, в Атлантическом – 3300 метров, в Индийском – 3900 метров. Protection of the Arctic Marine Environmental (RAME), “Arctic Marine Shipping Assessment Report 2009”. Tromso. Arctic Council. 2009.

⁸ Конкретно, речь идет о вопросе: только ли ст. 76 Конвенции 1982 г. (о границе между континентальным шельфом прибрежного государства и районом «общего наследия человечества») применима к арктическому шельфу?

⁹ Лахтин В.Л. Права на северные полярные пространства. Издание Литиздата Народного Комиссариата по Иностранным Делах. М. 1928. 48 С.

уровня управления в условиях, когда не срабатывают общемировые механизмы, служит своего рода страховочной сеткой».¹⁰

Термин «арктические государства» (“*the Arctic States*”) обозначает, напомним, группу из восьми государств, *территория которых пересекается Северным полярным кругом*. К арктическим государствам в этом смысле относят *Россию, Канаду, США (из-за полуострова Аляска и прилегающих к нему островов), Норвегию, Данию (из-за острова Гренландия), Финляндию, Исландию и Швецию*. Такой формат обозначен, например, в тексте Декларации о защите арктической среды 1991 г., где сформулирована Стратегия защиты окружающей среды Арктики¹¹.

Важнейшим этапом институционализации формата «арктической восьмерки» стало принятие *Декларации об учреждении Арктического Совета 1996 г.*, согласно которой перечисленные государства обозначены как члены *Арктического Совета*. Роль арктических государств, действующих прежде всего в рамках сотрудничества в Арктическом Совете, оценивается высоко. Руководитель Правового департамента МИД Швеции отмечает, что только арктические государства, «имеющие население в Арктике, осуществляющие суверенитет и юрисдикцию в обширных пространствах этого региона, несут особую ответственность за его устойчивое развитие и управление им, как показывает работа Арктического Совета»¹². В подписанной в 1996 г. представителями правительств восьми арктических государств Декларации об учреждении Арктического Совета заявлено, прежде всего, о «стремлении к достижению благополучия жителями Арктического региона», к «устойчивому развитию» этого региона, о стремлении «к защите арктической природной среды, включая здоровье арктических экосистем, поддержание биологического разнообразия Арктического региона и сохранение и стабильное использование природных ресурсов». Представители правительств восьми арктических государств, желая «обеспечить

¹⁰ www.mgimo.ru/news/guests/index.phtml.

¹¹ В изданной в Лондоне книге «Природоохранная безопасность в Северном Ледовитом океане» схематично дана «Хронология рамочных основ арктической политики с конца «холодной войны» до настоящего времени», первым событием в которой обозначена речь М.С. Горбачева в Мурманске в 1987 г., ориентирующая на «сотрудничество арктических государств, Европы и всего международного сообщества» в использовании потенциала этого региона. – Berkman P.A. Environmental Security in the Arctic Ocean. Promoting Co-operation and Preventing Conflict. Royall United Service Institute. Whitehall Paper 75. 2010. P. 25.

¹² Jacobson M. Cooperation in the Arctic Region: Legal Aspects. Paper presented at the Swedish – Finnish Cultural Center, 8 November, 2010. P. 6-7.

регулярное рассмотрение арктических вопросов на межправительственном уровне», заявили, что «Арктический Совет учреждается в качестве форума высокого уровня». В качестве его целей в Декларации указаны нахождение «способов организации сотрудничества, координации и взаимодействия между арктическими государствами по вопросам Арктики, представляющим общий интерес, с привлечением объединений арктических коренных народов и других жителей Арктики, особенно по вопросам устойчивого развития и защиты арктической окружающей среды».

Список *членов Арктического Совета – законченный*: как указано в документе, таковыми являются Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Финляндия, Швеция. Эта законченность обусловлена *региональным характером* данного института. На международных конференциях иногда утверждается, что помимо перечисленных государств членами Арктического Совета являются еще и организации, представляющие коренные народы Арктики¹³. Такие утверждения представляются юридически не точными. Согласно Декларации 1996 г. обозначены, кроме членов Арктического Совета – восьми арктических государств, еще и *«постоянные участники Арктического Совета»*. К ним отнесены в документе «Приполярная конференция инуитов, Совет саамов и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». При этом данный перечень *постоянных участников* (но не членов Арктического Совета – перечисленных выше государств) *не является законченным*: такой статус могут «на равных условиях получить и другие арктические организации коренных народов», если Арктический Совет определит, что такая организация соответствует критериям, установленным в Декларации. А решения Арктического Совета «принимаются его членами» (но не «постоянными участниками»). Вместе с тем, государства – члены Арктического Совета, принимая согласно документу 1996 г. решения «на основе консенсуса», с необходимостью учитывают интересы коренных народов Арктики; в противном случае вряд ли обеспечивается такой консенсус.

Неарктические государства, а также международные организации могут получить статус наблюдателей в Арктическом Совете, что

¹³ На эти утверждения приходилось реагировать и автору настоящего комментария, в качестве сопредседателя Международной конференции по природоохранной безопасности в Северном Ледовитом океане (Кембриджский университет, 2010 г.)

предусмотрено Декларацией 1996 г. Тем самым в этом институциональном механизме обеспечен разумный баланс интересов: а) государств Арктического региона – прежде всего, в сохранении и защите арктической окружающей среды, в предупреждении экологических катастроф в этом особо уязвимом регионе, от которых пострадали бы конкретные арктические государства; и б) неарктических государств – главным образом в сохранении для них равных с арктическими странами новых возможностей использования транспортного потенциала Северного Ледовитого океана в условиях таяния льдов.

Восемь стран – членов Арктического Совета приняли уже немало юридически значимых документов: Инувикскую декларацию о защите окружающей среды и устойчивом развитии в Арктике 1996 г., Икалуитскую декларацию министров государств – членов Арктического Совета 1998 г., другие международные документы, нацеленные, прежде всего, на региональное сотрудничество в области охраны окружающей среды в Арктике (см. МЖМП № 3 и 4 за 2011 г.). В настоящем номере опубликован текст Нуукской декларации министров государств – членов Арктического Совета (2011 г.).

Роль арктических государств, особенно прибрежных, в формировании правового положения ледовых и водных районов Северного Ледовитого океана традиционно была решающей. Сегодня эта роль также высока, прежде всего, при уточнении современного правового режима высокоширотной Арктики. *Соглашение о сохранении белых медведей (Agreement on the Conservation of Polar Bears)* было подписано пятью государствами, прибрежными к Северному Ледовитому океану, 15 ноября 1973 года. В историко-правовом плане такой пятисторонний формат сотрудничества арктических государств в целях согласованного уточнения статуса Арктики не так уж и нов. Так, после призыва секретаря по морским делам США Демби в 1924 г. «присоединить северный полюс (как продолжение Аляски) к американским владениям», Великобритания, действующая от имени своего доминиона Канады, выдвинула проект созыва международной конференции пяти полярных государств¹⁴. Это Соглашение стало сильным сигналом и для неарктических стран принять меры против браконьерского боя этого знакового живого компонента в арктической экосистеме. Одновременно был обозначен согласованный порядок традиционных промыслов белого медведя коренными, малочисленными народами в рамках

¹⁴ Лахтин В.Л. Права на северные полярные пространства... С. 21-22.

мер жизнеобеспечения. В ряде международных документов признана «особая роль и ответственность арктических стран в вопросах защиты, сохранения и восстановления арктической среды, сохранения арктической флоры и фауны» (Инувикская декларация 1996 г.). Для международного сообщества понятно также большое значение Арктики для реализации оборонных интересов арктических государств, особенно России.

В последние годы воссоздан, приведен в действие этот «старый-новый» *арктический формат* встреч – только *пяти государств, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану*. Только эти государства, как отмечалось, в настоящее время имеют здесь районы своих *внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа*. Их называют в документах «*арктические прибрежные государства (the Arctic coastal states)*» или «*пять стран, окружающих Арктику (the five Arctic Rim countries)*»: Россия, Канада, США, Норвегия и Дания (из-за о. Гренландия). Только они приняли *Илулиссатскую декларацию* от 28 мая 2008 г.¹⁵ При этом Россия и Канада имеют *самое протяженное* такое побережье, в разы превышающее совокупную протяженность арктического побережья Дании, Норвегии и США¹⁶. Пять упомянутых государств осуществляют в Северном Ледовитом океане: 1) суверенитет над *внутренними морскими водами, их дном и недрами дна* (к берегу от исходных линий); над *территориальным морем, его дном и недрами* (к морю от исходных линий до ширины в 12 морских миль); 2) суверенные права и целевую, прежде всего природоресурсную юрисдикцию в своих *200-мильных исключительных экономических зонах*, установленных соответствующими актами национального законодательства; 3) суверенные права *над своим континентальным шельфом*, включая его *недра*, в целях разведки и разработки его естественных ресурсов.

Итак, главное географическое, климатическое и политико-правовое *своеобразие морских районов Северного Ледовитого океана* состоит

¹⁵ Ilulissat Declaration, Arctic Ocean Conference, Greenland, 27-29 May 2008. Фундаментальное юридическое значение этого пятистороннего документа будет ниже охарактеризовано. Некоторые авторы относят к прибрежным арктическим государствам еще и Исландию...

¹⁶ США стали арктическим государством из-за уступки Россией полуострова Аляска в 1867 году – фактор, имеющий значение при оценке исторических правооснований в Арктике. См.: Oppenheim L. International Law. A Treatise. Six edition. London. New York. Toronto. Ed. H. Lauterpacht. 1947. P. 486-538.

в том, что даже в условиях таяния льдов безопасно осуществлять судоходство, рыболовство, иную экономическую деятельность в этих экстремально суровых полярных районах неарктическое государство может не только при поддержке соответствующего арктического прибрежного государства, при опоре на его береговую инфраструктуру, его технические средства связи, его возможности реагирования на чрезвычайные ситуации, поиска и спасания людей и грузов, устранения последствий загрязнения морской среды и т.д. Это тем более значимо, если станут реальностью последние по времени прогнозы о предстоящем глобальном похолодании (а не потеплении) на Земле.

Невозможно осуществлять проход по Северному Ледовитому океану из Азии в Европу или в обратном направлении, не пересекая при этом районы, находящиеся под суверенитетом или юрисдикцией какого-то из пяти арктических прибрежных государств. В этих районах, в том числе и в 200-мильных исключительных экономических зонах, необходимо соблюдать природоохранные стандарты *соответствующего арктического прибрежного государства*. А такие стандарты могут быть, по современному международному праву, *выше*, чем установленные международными природоохранными конвенциями или документами, принятыми компетентными международными организациями. То есть особое фактическое положение дел обуславливают *лидирующую роль арктических прибрежных государств* в уточнении правового режима морских районов Арктики.

Исторически основу правового режима Арктики составило, прежде всего, национальная правовая практика *арктических государств*, их *национальное законодательство*. *Заслуги* государства с самым протяженным побережьем в Северном Ледовитом океане – *России* – состоят, прежде всего, в открытии многих арктических территорий, географическом и юридическом обозначении, их начальном освоении. Такие действия нередко были, сообразно международному праву конкретного периода, достаточным титулом для распространения на отдаленные пространства властных полномочий российского государства.

Что касается нормативной базы, то уже указы русского царя в 1616-1620 гг. предусматривают ряд исключительных прав Руси в некоторых районах Арктики. В 1821 г. издан именной Указ Императора Александра I Сенату «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских,

Курильских и прочих», которым предписывалось: «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах и вообще по всему Северо-Западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51 градуса Северной широты, а также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири; так и как по островам Курильским, то есть, начиная от того же Берингова пролива до Южного мыса острова Урупа ... предоставляется в пользование единственно Российским подданным»¹⁷. Права России на северные земли и прилегающие к ним моря отражаются в русско-шведских договорах 1806 и 1826 гг., русско-американской конвенции 1824 г., русско-английской конвенции 1825 г.¹⁸ Теоретически анализируя нормативно-правовой материал, характеризующий правовое положение Арктики, В.Л. Лахтин обратил внимание на «политическое и экономическое значение северных полярных пространств» и констатировал, что эти «пространства сделались новой возможной ареной столкновения интересов» ряда государств¹⁹. Он объяснил это тем, что в высокоширотных полярных пространствах «никаких экономических интересов, до появления современных авиационных и воздухоплавательных возможностей, быть не могло»²⁰. Но с появлением таких возможностей (пролет над Северным полюсом в 1926 г. самолета, ведомого американским авиатором Бэрдом, чуть позднее – дирижабля «Норвегия», ведомого норвежцем Амундсеном и итальянцем Нобиле) стали понятны перспективы «использования северного полярного пространства в качестве воздушного моста между отдаленнейшими континентами»; они-то, продолжает Лахтин В.Л., и «вызвали составление проектов об установлении трансарктической воздушной связи», что вызвало межгосударственную состязательность²¹. В настоящее время, как известно, такая трансарктическая аэросвязь создана и успешно

¹⁷ § 1 Указа от 4 сентября 1821 г. – Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Том XXXVII. 1820-1821. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 903-904.

¹⁸ Эфендиев О.Ф. Арктические воды. – В кн. «Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана». Отв. ред. М.И. Лазарев. М. 1974. С. 184.

¹⁹ Лахтин В.Л. Цит. соч. С. 12-13.

²⁰ Там же, с. 17. Это иллюстрируется фактами. За 429 дней американский исследователь Пири достиг в 1909 г. Северного полюса и водрузил на нем флаг США. Когда же ему удалось телеграфировать президенту США Тафту, что «полюс находится в его распоряжении», Тафт ответил, что он «затрудняется найти применение для этого интересного и щедрого дара». – Лахтин В.Л. Цит. соч. С. 5-7.

²¹ Там же. С. 8–17.

функционирует, а воздушные сообщения над полярными районами не представляют сами по себе международной проблемы. Характеризуя «юридическое положение северных полярных пространств», автор констатирует, прежде всего, *отсутствие каких-либо возражений со стороны неарктических («неполярных») государств в отношении суверенитета соответствующего арктического государства на «близлежащие» земли и острова, в том числе неоткрытые.* Ученый пишет, что отсутствие в отношении этих земель и островов «достаточной практической заинтересованности у неполярных государств, при наличии довольно большой практической заинтересованности» у арктических прибрежных государств, «создало то положение, начало расцвета которого наблюдается сейчас. На земли и острова Северного Ледовитого океана фактически распространился суверенитет соответствующих близлежащих приполярных государств, хотя и не осуществляющих эффективной оккупации, ввиду физической невозможности таковой»²².

Более сложный вопрос – о правовой квалификации морских арктических районов, в том числе покрытых льдами. Правовое положение этих районов определяется В.Л. Лахтиным дифференцированно: 1) для *ледяных образований* («ледяных полей, ледяных нагромождений, плавучих льдов») и 2) для *остальных арктических вод*, «свободных от ледяного покрова». Что касается *первых*, то автор, прежде всего, напоминает о выдвинутых зарубежными юристами концепциях юридического учета специфики ледяных полей²³. Рассуждая о неоднократных случаях «использования неподвижных ледяных полей для целей сухопутного передвижения» и считая «технически вполне возможным использование их под промежуточные аэро-станции и посадочные

²² Там же. С. 8–17. Эту мысль тот же автор еще более четко сформулировал ниже: «независимо от факта той или иной национальности, земли эти сейчас принадлежат приполярным государствам, в районе тяготения которых эти острова находятся, вне зависимости от факта эффективности их оккупации». Там же. С. 29.

²³ Например, по концепции проф. Ваултрин, «плавающие льды так же, как полярные моря, должны быть подчинены режиму открытых морей», а «неподвижные льды могут быть предметом владения наряду с территорией»; по мнению проф. Фошиля «лед, будучи по своим физическим свойствам существенно отличен как от воды, так и от суши, может быть предметом только ограниченной в пространстве и времени эксплуатации»; проф. Брейтфус считает, что «суверенитет приполярных государств должен по секторам распространяться не только на сушу, но и, в известной степени, на покрытые льдом моря, омывающие эти земли и острова». – Лахтин В.Л. Цит. соч. С. 32.

площадки», правовед делает следующий вывод: «Ледяные образования, хотя бы и относительно неподвижные, должны быть, поскольку они фактически могут быть использованы для общепользовательных целей (для надобностей зверобойного и рыболовного промысла; для надобностей воздушного сообщения и т.д.), приравнены по своему юридическому положению к полярным территориям, с распространением на них суверенитета приполярных государств по секторам их тяготения». Но плавающие льды «должны разделить юридическую судьбу полярных морей». Эту *вторую категорию районов Северного Ледовитого океана* В.Л. Лахтин рассматривает, тоже учитывая ее физическую и юридическую разноликость. Наиболее легко решаются им вопросы обозначения статуса внутренних морских вод, в том числе исторических, а также территориального моря. Понятно, что эти районы находятся по суверенитетом соответствующего арктического государства. И сегодня эти вопросы не вызывают трудных юридических дискуссий. В настоящее время также не вызывает особых сложностей установление правового режима 200-мильных исключительных экономических зон, в которых каждое из пяти арктических государств, берега которых граничат с водами Северного Ледовитого океана, имеют, соответственно, суверенные права и юрисдикцию по современному международному праву.

Что же касается морских районов Арктики, находящихся *за пределами действия суверенитета и юрисдикции* прибрежного арктического государства, то и в начале XX века, и в настоящее время этот вопрос вызывает затруднения в контексте имеющейся правой практики и применимого права. В.Л. Лахтин предложил следующее решение этого вопроса:

– Морские районы, «покрытые более или менее неподвижными значительными ледяными образованиями», должны быть приравнены по своему юридическому положению к полярным территориям «с распространением на них суверенитета» соответствующего арктического прибрежного государства, «по секторам их тяготения».

– Все остальные воды, «свободные от ледяного покрова», следует подчинить «хотя бы ограниченному суверенитету приполярных государств по секторам их тяготения». Ограничения эти автор видит в обязанности соответствующего арктического государства обеспечить «свободный проход всем морским судам», а также «допускать под условием регулирования и контроля зверобойный и рыболовный промыслы»²⁴.

²⁴ Там же. С. 33-34.

Такая логика правовых оценок длительное время была доминирующей в международно-правовой доктрине. Норвежский правовед Г. Смедал, со ссылкой на работу В.Л. Лахтина, не только в основном солидаризируется с ними, но и приводит дополнительные им подтверждения, в частности, в практике Канады. Он пишет: «Канада считает, что ... она обладает правами на весь свой архипелаг между ее северным побережьем и Северным полюсом (between her Northern coast and the North Pole)²⁵. Английский аналитик Х. Стил, исследовавший ход продвижения все дальше на Север контрольных функций канадской власти, пишет о «мирном и захватывающем завоевании Канадой арктических и субарктических районов», также не разделяя ледовые сухопутные и ледовые морские районы²⁶. Равно благожелательно воспринимались длительное время в международно-правовой доктрине и предложенные В. Лахтиным границы «районов тяготения» прибрежных арктических государств, или их «полярных секторов» в Арктике. «Наиболее бесспорными являются границы американского северного полярного сектора... как установленные конвенциями 1825 и 1867 гг.» – писал ученый²⁷. Он, однако, не анализирует и не цитирует текст этих конвенций. Между тем, эти международные договоры и сегодня сохраняют свое юридическое значение и заслуживают анализа, особенно в современном контексте оценок правового положения Арктики, арктического шельфа²⁸.

Конвенция 1825 г. – это «*Санкт-Петербургская Конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке*». Ст. III этой Конвенции предусматривает: «Черта разграничения между владениями Высоких договаривающихся сторон... будет проведена следующим образом...» (далее идет обстоятельное описание этой разграничительной линии в южной части). Что касается северной части, то Конвенция описывает эту разграничительную линию как идущую по меридиану в направлении Северного полюса: «и наконец от сей точки пересечения та же меридиальная линия 141 градуса составит в своем продолжении до Ледовитого моря границу между Российскими и Великобританскими

²⁵ Smedal G. Op. cit. P. 8.

²⁶ Steel H. Policing the Arctic. Jurrolds Publishers. London. 1936. P. 9.

²⁷ Лахтин В.Л. Цит. соч. С. 38.

²⁸ О научной дискуссии об оценках права, применимого к уточнению правового положения арктического шельфа, см., например: Международные суды: актуальные проблемы международного права. Межвузовский сборник научных трудов. 2(6) выпуск. Отв. ред. Игнатенко Г.В., Лазутин Л.А. Екатеринбург 2010. С. 23-42.

владениями...». То есть в Конвенции 1825 г. впервые вводится понятие «*полярные владения*» Российской Империи и Великобритании (за канадский доминион) в Арктике; в этом же международном договоре впервые обозначается принцип *размежевания властных полномочий двух соседних государств по секторальной (меридианной) линии*, направляющейся к Северному полюсу. При этом видимо следует обратить внимание, во-первых, на то, что при разграничении «обоюдных пространств владений России и Англии» воля договаривающихся сторон состояла в том, чтобы разграничивать и *сушу*, и прилегающие к ней *водные районы*, в т.ч. покрытые льдами. Во-вторых, меридианная разграничительная линия, идущая к Северному полюсу, воспринималась договаривающимися государствами как удобная, обеспечивающая *простоту для практического учета* огромной по протяженности линии разграничения полярных владений двух государств, что впоследствии отмечено зарубежным правоведом²⁹.

Второе убедительное правовое оформление практики разграничения между арктическими прибрежными государствами своих юрисдикций по меридиану, идущему к Северному полюсу – русско-американская конвенция 1867 г. Ее полное название – «*Договор, заключенный между Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами в Вашингтоне 18(30) апреля 1867 года, об уступке Российских Североамериканских колоний*». Согласно этому Договору обозначена граница, к востоку от которой все земли передаются Россией Соединенным Штатам Америки, а к западу – остаются без изменения под суверенитетом России. По смыслу Конвенции 1867 г., Россия уступает Соединенным Штатам Америки «все права, льготы и привилегии» во всей обозначенной «территории, ее владениях и принадлежностях». «Вышепостановленная уступка территории и Верховного на оную права, сим признается свободною и изъятою от всяких ограничений... Уступка эта ... заключает в себе все права, льготы и привилегии, ныне принадлежащие России в сказанной территории, ее владениях и принадлежностях» (ст. VI). В ст. I предусмотрена отсылка к меридианной линии, обозначенной русско-английской конвенцией 1825 г.: «Сказанная территория заключается в нижеозначенных географических границах, а именно: восточною границей служит линия разграничения

²⁹ О таком качестве «секторального принципа» разграничения между соседними государствами прав в Арктике (“the Sector Principle”), как простота говорит, например, Г. Смедал. – Smedal G. Op.cit. P. 12.

между Российскими и Британскими владениями в Северной Америке, как таковая линия постановлена Конвенциею, заключенной между Россией и Великобританией – 16/28 февраля 1825 года ...». Договор 1867 г. предусматривает, таким образом, вторую – и в практике России, и в мировой практике – секторальную (меридианную) границу, идущую в направлении Северного полюса: указанная граница проходит через точку меридиана, отделяющего в Беринговом проливе «на равном расстоянии острова Крузенштерна или Игналукъ от острова Ратманова или Нунарбукъ и направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется въ Ледовитом океане (et remonte en ligne directe, sans limitation, vers le Nord jusqu'à ce qu'elle se perde dans la mer Glaciale)» (ст. I)³⁰. Т.е. В. Лахтин и Г. Смедал совершенно корректно исходят из того, что уступленная по Конвенции 1867 г. территория не ограничивается сушей. Уступлена и суша (в т.ч. острова, как обозначенные на тот период на картах, так и еще не открытые), и права в морских районах, к ней прилегающих, в т.ч. в покрытых льдами. По своей геометрической форме и по юридическому смыслу согласованного волеизъявления Сторон уступленная территория и являла собой первый, четко обозначенный арктический сектор.

Итак, и по Конвенции 1825 г., и по Конвенции 1867 г. обозначенные секторальные линии служили изначально именно для *межгосударственного размежевания между соседними арктическими странами их прав на «полярные владения»*. Сами эти полярные владения, однако, не провозглашались территорией, находящейся под суверенитетом соответствующего государства.

Первым из государств на законодательном уровне юридически точно заявила *о секторальных пределах своих прав* в Арктике Канада. Французский профессор Ф. де Хартингх пишет: «Канадский сектор одержал триумфальную победу в 1923 г.»³¹. Но правопритязания на арктический сектор Канады заявлены еще в 1907 г.: канадский сектор Пуарье (Poigier) обосновал, что секторальный принцип разграничения районов

³⁰ Договор 1867 г. подписан от России Тайным Советником Императора Всероссийского Э. Стеклем, а от США – Статс-секретарем В. Сьюардом. Текст договора (русский и французский) цитируется по: «Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами». Издано в С.-Петербурге, 1891. С. 299-303. См. также: Овчинников И.А. Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию. Петроград, 1914. С. 82 и сл.

³¹ F. de Hartingh. Les conceptions sovietiques du droit de la mer. Paris. 1960. P. 39.

Арктики позволит избежать «трудностей» и «конфликтов», поскольку каждое государство, прибрежное к Северному Ледовитому океану, «распространяет свои владения (ses possessions) до Северного полюса (jusqu'au pole nord)»³². Еще ранее на картах, выпущенных канадским министерством, границы арктического сектора проходят от канадских оконечностей (западной и восточной) на северном побережье страны по меридианам 60 и 141 градус западной долготы до их схождения в точке Северного полюса³³. В порядке закрепления таких прав последовали заявления на правительственном уровне. В соответствии с принятыми в 1925 г. поправками к известному закону «О северо-западных территориях (the Northwest Territories Act)» Канада установила, что для осуществления деятельности в пределах канадского арктического сектора, в т.ч. в целях разведки и разработки природных ресурсов, требуются соответствующие разрешения канадских властей³⁴. В 1926 г. законодательством Канады предусматривается установление «Заповедника арктических островов (the Arctic Islands Preserve)»; северные границы этого заповедника, согласно законодательству, совпадают с границами арктического сектора Канады. В мае 1929 года в законодательном акте Канады вновь применены границы ее арктического сектора³⁵.

Вторым государством, на *уровне законодательства* закрепившим меридианные границы своего арктического сектора стал Советский Союз (ранее Российская Империя, повторим, первой обозначила на *договорно-правовом уровне* секторальные границы разграничения полярных владений в Арктике). Что же касается национальных правовых актов Российской Империи, то как уже было показано, они юридически закрепляли суверенитет российского государства на сухопутные полярные районы, в том числе арктические острова вдоль российского

³² Цит. по: UN ILC. Documents of the Second Session Including the Report of the Commission to the General Assembly. Note 34. P. 107.

³³ Reid I. The Canadian Claim to Sovereignty over the Waters of the Arctic. – 12 Canadian Yearbook of International Law, III, 1974. – Цит. по: Барсегов Ю.Г., Могилевкин И.М. и др. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002. С. 29.

³⁴ British North America Acts 1867-1907. Printed by C.H. Parmelee, Printer of the King's Most Excellent Majesty. 1913. P. 1-2; P. 209. Pharand D. Canada's Arctic Waters in International Law. Cambridge, 1988. P. 45-50.

³⁵ Timchenko L. Quo Vadis, Arcticum? The International Law Regime of the Arctic and Trends in its Development. "Osнова". Kharkiv. 1996. P. 73. См. также: Николаев А.Н., Буник И.В. Международно-правовые обоснования прав Канады в ее арктическом секторе. Московский журнал международного права, № 1, 2007. С. 12-14.

побережья в морях Северного Ледовитого океана (нота МИД России 1916 г.), а также на «все заливы, бухты, рейды русского побережья Северного Ледовитого океана» (Инструкция 1893 г.). Первоначально только эту правовую позицию поддерживало и Советское правительство. Так, в 1921 г. Советом Народных Комиссаров Советской России принят Декрет «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море»³⁶. В декрете заявлено, что «право производства рыбного и звериного промыслов предоставляется лишь русским гражданам по особым письменным разрешениям» (статья 2). Устанавливались государственные меры по обеспечению выполнения Декрета. В 1924 г. Наркоминдел СССР направил представителям ряда государств меморандум, в котором констатировались случаи нарушения иностранцами суверенных прав СССР у северного побережья Сибири. При этом подтверждалась действительность упомянутой ноты русского правительства 1916 г. о принадлежности нашему государству заявленных арктических территорий. В меморандуме обращено внимание «всех держав, официальные или частные исследователи и суда которых посещают или будут посещать указанные воды», на необходимость «предупредить со стороны своих граждан нарушения суверенитета Союза над этими территориями».

С учетом, видимо, упомянутого канадского законодательства об арктическом секторе, 15 апреля 1926 г. Президиумом ЦИК СССР принято Постановление «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»³⁷. Согласно Постановлению 1926 г., территорией Союза ССР объявлялись «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего постановления признанной Правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса» в пределах между меридианами, проходящими через восточную и западные оконечности территории страны. Это положение, как понималось, применимо и к тем островам, скалам и т.д., которые могли бы возникнуть в будущем вследствие геологического развития Земли.

³⁶ СУ РСФСР, 1921, № 49, ст. 259. С. 351-352.

³⁷ СЗ СССР, 1926, №32, ст. 203. Цит. по: Международное право в избранных документах (часть I) // Отв. ред. В.Н. Дурденевский. М. 1955. С. 210. Далее также – Постановление 1926 г.

В зарубежной литературе в 1986 г. сделан вывод о применимости Постановления 1926 г. *ко всем пространствам*, находящимся в пределах обозначенного им сектора, ледовым и морским: «В Приложении к советским Извещениям мореплавателям, поименованном «*Нормативные акты и правила, утвержденные государственными органами СССР по вопросам судоходства*», содержалось репринтное воспроизведение текста Постановления 1926 г. Включение Постановления 1926 г., основанного на секторальном принципе, в контекст морского закона... – это указание на тот факт, что сектор до сих пор остается основанием в советском морском праве»³⁸.

Вместе с тем надо учитывать, что термин «земли и острова», использованный в Постановлении 1926 г., по-разному был истолкован правоведами. В Постановлении, исходя из контекста, слова «острова» и «земли» не означают земли материка, а союз «и» свидетельствует о том, что юридически «острова» – это не «земли». Но в обычном значении острова – это тоже земли. Состояла ли воля ЦИК СССР в том, что к территории государства относятся не только острова в пределах арктического сектора, но еще и «земли», например, подводные, подледные? Либо словом «земли» ЦИК обозначил те острова, в названиях которых было слово «земля»: «Земля Франца-Иосифа», «Северная Земля» и т.д.? Е.А. Коровин истолковал данное постановление так: речь идет о власти государства в пределах обозначенного арктического сектора над: а) островами; б) над ледяными образованиями; в) над морскими пространствами, не спаянными льдом³⁹. В рамках толкования этого правового акта, по мнению Л. Тимченко, допустимо, что суверенитет каждого государства распространяется *не только на наземные районы* соответствующего арктического сектора (такой суверенитет даже «может быть распространен на воздушное пространство над ним»)⁴⁰. Толкование Постановления 1926 г., предло-

³⁸ Franckx E. “Nature Protection in the Arctic: Recent Soviet Legislation” (1992) 41 ICQL 366. P. 372–373.

³⁹ См. об этом: Timchenko L. Op. cit. P. 76. Проф. Коровин Е.А., анализируя текст Постановления Президиума ЦИК СССР 1926 г., пишет, что его надлежит истолковывать «таким образом, что по мысли советского законодателя «земли и острова» обнимают собою и ледяные глыбы и омывающие их воды, ибо, в противном случае, пришлось бы считать прилегающий к СССР полярный сектор открытым морем, со всеми вытекающими отсюда последствиями». Отвечая на это В. Лахтин замечает: «все же следует отметить умолчание положительного права по этому вопросу». – Лахтин В.Л. Цит. соч. С. 32-33.

⁴⁰ Ibid. Районы в пределах арктического сектора, по мнению В.Л. Лахтина, должны подчиняться власти приполярных государств «по секторам их тяготения». При этом

женное В.Л. Лахтиным, вписывается в его характеристику правового положения Арктических районов, изложенную выше. По этой характеристике, суверенитет каждого арктического прибрежного государства распространяется не только на наземные районы соответствующего арктического сектора, но такой суверенитет еще «может быть распространен на воздушное пространство над ним».

В иностранной международно-правовой литературе предложено, в порядке обобщения, что под термином «земля», используемом в канадском и советском (российском) законодательстве об арктических секторах, следует понимать не «ледяные глыбы», не воздушное пространство, а *только подледные и подводные земли* (т.е. в том числе и *континентальный шельф*) в пределах обозначенного полярного сектора⁴¹.

В соответствии с *Постановлением ЦИК СССР от 27 июня 1935 г. «О единых географических наименованиях советской Арктики»* были определены названия и географические пределы отдельных частей Северного Ледовитого океана, в том числе морей Печорского, Карского, Лаптевых и Восточно-Сибирского, причем эти моря были названы «*прилегающими к территории СССР*»⁴².

автор ссылается на юридическую формулу «района тяготения (territorial propinquity), разработанную американскими юристами Х. Хэллеком (H. Halleck) и Д. Миллером (D. Miller). В.Л. Лахтин. Цит. соч. С. 29.

⁴¹ Canadian Foreign Policy and the Law of the Sea. Eds. B. Johnson and M.W. Zacher. University of British Columbia Press. Vancouver. 1977. P. 42. Впрочем, в научной литературе приведено и прямо противоположное по смыслу высказывание канадского должностного лица: как заявил министр Канады по делам Севера и национальным ресурсам в 1956 г. в Палате общин канадского парламента: «Мы никогда не применяли секторальную теорию ко льду. Мы утверждаем, что наш суверенитет действует над всеми арктическими островами. ... На наш взгляд, море будучи в замершем или в своем естественном жидком состоянии, является морем; и наш суверенитет осуществляется над землями и над нашими территориальными водами».- Digest of International Law. Prepared under the direction of M.M. Whiteman. Vol. 2. Washington. 1963. P. 1267-1268. – Цит. по: Саваськов П.В. Правовой режим Арктики. В кн.: Арктика: зона мира и сотрудничества. М. ИМЭМО РАН. 2011. С. 28.

⁴² Не останавливаясь специально на важном вопросе об исторических водах в Арктике, процитируем лишь: «К внутренним водам СССР советская доктрина международного права относит моря заливного типа – Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское, которые являются историческими водными путями нашей страны, на протяжении длительного исторического периода освоены усилиями российских и советских мореходов и имеют первостепенное значение для экономики Советского Союза, его обороны и защиты природной среды в этом районе». – Международное право. Отв. ред. Ф.И. Кожевников. М. 1987. С. 180.

Обобщив доктринальные обоснования прав арктических государств в своем соответствующем секторе, В.Н. Кулебякин констатировал: «По многочисленному признанию юристов-международников, Северный Ледовитый океан и его окраинные моря совершенно отличаются от других океанов и морей и представляют собой специфический случай с уникальными особенностями с точки зрения правового регулирования. Главная особенность, которая отличает Северный Ледовитый океан от других океанов, заключается в том, что его территория, за исключением лишь некоторых районов, постоянно либо большую часть года покрыта льдами. Именно комплекс исторических, экономических, политических, географических, экологических и других факторов позволяет сделать вывод, что арктические морские пространства не могут рассматриваться под тем же углом зрения, что и морские пространства вообще»⁴³. Убедительно не оспорен в юридической литературе вывод о том, что «в Арктике сложился международно-правовой обычай деления ее на сектора между пятью арктическими государствами»⁴⁴. Соответственно, «арктические государства должны и могут принимать соответствующие законодательные акты, касающиеся режима своего арктического сектора без санкций других государств, руководствуясь суверенитетом и другими важнейшими международно-правовыми принципами»⁴⁵. Подчеркнуто: «Указанное секторальное разделение Арктики в момент его осуществления не вызывало каких-либо возражений иных неарктических государств и было де-факто принято»⁴⁶.

В таком контексте главным становится вопрос: насколько такое правовое положение водных и ледяных пространств Арктики, сложившееся в течение столетий, было изменено с подписанием в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву и последующем ее вступлении в силу?

Если обратиться к комментариям к материалам III Конференции ООН по морскому праву, на которой разрабатывалась и была принята Конвенция 1982 г., в том числе тем, которые даны непосредственно членами делегаций государств – участников этой Конференции,

⁴³ Кулебякин В.Н. Правовой режим Арктики. – Международное морское право. Отв. ред. И.П. Блищенко. М. 1988. С. 139.

⁴⁴ Паламарчук П.Г. Цит. соч. С. 121.

⁴⁵ Эфендиев О.Ф. Арктические воды. – В кн. «Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана». Отв. Ред. М.И. Лазарев. М. 1974. С. 190.

⁴⁶ Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. – Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы. Санкт-Петербург. 2007. с. 223.

то обнаруживается, что эти государства *намеренно ушли от широкого обсуждения на ней специфически сложного в географическом и климатическом отношении района Арктики*. К началу этой Конференции международное сообщество, как выше было показано, давно молчаливо признало *особые приоритетные права арктических государств*, те секторальные (меридианные) линии, которые были обозначены в международных договорах таких государств, прежде всего в русско-английской конвенции о границах 1825 г. и в Конвенции об уступке Аляски 1867 г. Эти права уточнялись и развивались, прежде всего, в рамках принятия *национальных правовых актов* таких государств (прежде всего, Канадой, Российской Империей, Советским Союзом), а также последующей их договорной практикой (Соглашение о сохранении белых медведей, 1973 г., заключенное пятью арктическими государствами). Было и достаточно тесное *межгосударственное двустороннее сотрудничество в области изучения и сохранения природы этих районов* – прежде всего, на основе международных *соглашений арктических государств*. Отметим, что эти действия осуществлялись с учетом *пределов ранее обозначенных арктических полярных пространств*, прежде всего Советского Союза и Канады. Вместе с тем надо констатировать, что одно из пяти арктических государств – США – весьма последовательно возражало против *национально-законодательного регулирования* Канадой и Советским Союзом *судоходства* вдоль своего арктического побережья, не протестуя, однако, против *природоохранных актов*, применимых и к арктическим пространствам за пределами государственной территории.

Следует особо обратить внимание и на то, что на III Конференции ООН по морскому праву *функционировала в конфиденциальном формате так называемая «пятерка»* государств. В нее входили *пять арктических государств*, берега которых выходили к морям Арктики (Канада, Норвегия, Дания, США, СССР). По ходу Конференции эти государства на своих заседаниях, как свидетельствуют участники делегации от СССР, обсуждали вопросы, затрагивающие интересы в Арктике. Было достигнуто *неформальное согласованное понимание того*, что интересам «пятерки» арктических государств соответствует линия на то, чтобы *«гасить» все попытки обсуждения на Конференции проблемы статуса Арктики*. Встречи «пятерки» проходили на разном уровне. Известно также, что проблемы Арктики стояли в поле зрения при двусторонних встречах с канадцами, другими членами «пятерки» (как на рабочем дипломатическом, так и на государственном уровнях). Понятно, что

публикаций советских участников о подобных встречах представителей «пятерки» нет, да и быть не могло в том политико-государственном контексте. Но документальным подтверждением консультаций «пятерки» арктических государств является, в частности, публикация канадского специалиста А. Моррисона⁴⁷. Он отмечает, что при всех климатических аналогах Арктики и Антарктики, правовой режим последней не вдохновил руководителей арктических государств к заимствованию элементов такого режима и их применению в Арктике: «Рассматривая Антарктику для вдохновения и заимствования, с точки зрения схожести физических условий, а также потенциала правового режима, созданного Договором об Антарктике, руководители арктических государств, похоже, отказались от заимствования определенных аспектов этого режима, имея негласную договоренность о том, что путь «общего наследия», который характерен для Договора об Антарктике, им не приемлем (the leaders of the Arctic countries appear to have dismissed certain aspects of that regime, having reached an unspoken agreement that the path of “common heritage” followed in the case of the Antarctic Treaty is not one they wish to follow)»⁴⁸. Реальность в том, что правовые режимы Антарктики и Арктики различны, что неудивительно: «во многих отношениях каждый из этих районов существенно отличается один от другого»⁴⁹.

Есть и другие научные публикации, свидетельствующие о стремлении основных арктических участников III Конференции по морскому праву не привносить в Арктику ни элементы договорного режима Антарктики, ни того глобального режима для «не столь ледовитых» океанов, который согласовывался в ходе Конференции – то есть сохранить *тот региональный статус ледяных образований и морских районов Арктики*, который сложился до начала Конференции. Так, канадские специалисты Б. Бузан и Д. Мидлмисс пишут, как делегация Канады на Конференции интенсифицировала свою деятельность, «работая со странами Севера» (working with the North States)⁵⁰. В этой же книге,

⁴⁷ А. Моррисон является Исполнительным Директором канадского института стратегических исследований в Торонто. Он был министром-советником в Постоянной Миссии Канады при ООН с 1983 по 1989 гг.

⁴⁸ Morrison A. Coming in from the Cold War: Arctic Security in the Emerging Global Climate: A View from Canada. P. 49.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Buzan B.G., Middlemiss D.W. Canadian Foreign Policy and Exploitation of the Seabed. – Canadian Foreign Policy and the Law of the Sea. Eds. B. Johnson and M.W. Zacher. University of British Columbia Press. Vancouver. 1977. P. 36.

изданной в 1977 г. (т.е. в период работы III Конференции ООН по морскому праву), вновь подчеркнута, со ссылкой на документы канадского парламента, официальная позиция Канады в отношении статуса вод во всем «Канадском архипелаге»: «Канада считает воды в пределах Канадского архипелага водами Канады»⁵¹.

Итак, нет *убедительных подтверждений* того, что на III Конференции ООН по морскому праву согласованная *воля пяти арктических государств* состояла в том, что высокоширотная Арктика *должна стать объектом будущей Конвенции по морскому праву*. Напротив, есть свидетельства того, что понимание этих государств было иным: оба полярных региона – Арктика и Антарктика – деликатно исключались из *специального рассмотрения* на Конференции; тем самым они и не рассматривались как *объекты Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.*, причем на вполне логичных, убедительных основаниях – и Антарктика, и Арктика *уже имели свой сложившийся специфический для каждого из этих регионов правовой статус (договорный – в первом случае и обычно-правовой – во втором)*.

Это, разумеется, не означало *неприкосновенность* сложившегося правового положения Северного Ледовитого океана. Прогрессивное развитие международного права – его имманентное свойство. Развитие правовых режимов полярных районов Земли – это тоже реальность. В Антарктике отношения государств регулируются договорными нормами международного права, развитие такого регулирования зиждется на системе Договора об Антарктике 1959 г., и эта система развивается, в том числе и с учетом результатов работы III Конференции ООН по морскому праву. Такой учет не мог не иметь место и в Арктике, хотя ее правовой режим представлен главным образом *обычными нормами международного права*, формирующимися под влиянием национального законодательства, договорно-правовой практики арктических государств, согласия других государств, в т.ч. молчаливого. Исторические правооснования этих государств в Арктическом регионе, исключительно суровый климат здесь, интересы безопасности, хрупкость окружающей среды на Севере, огромные финансовые расходы, связанные с освоением арктических районов, поддержании береговой инфраструктуры, проведением научных исследований и предопределили эту *юридическую специфику*,

⁵¹ Buzan B.G., Johnson B. Canada and the Third Law of the Sea Conference: Strategy, Tactics, and Policy. – Canadian Foreign Policy... P. 257.

этот приоритетный характер *прав арктических государств* и их *первоочередную ответственность* за состояние региона.

Вместе с тем, повторим, и на это сложившееся правовое положение находящихся к северу от Северного полярного круга морских районов, значительная часть круглый год которых покрыта льдами, не могли не оказать влияние значимые события – принятие в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву⁵², ее подписание и вступление в силу в 1994 году для 60 государств, последующий поступательный рост числа государств – участников этой Конвенции, особенно после существенного изменения в 1994 г. правового режима управления минеральными ресурсами морского дна за пределами континентального шельфа. Это несмотря на охарактеризованные выше фундаментальные особенности правового положения Арктики, несмотря на отмеченное намерение арктических прибрежных государств не рассматривать эти полярные регионы в качестве специального объекта нового международного договора – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Это влияние обусловлено, *во-первых*, тем, что большинство норм Конвенции 1982 г. о морских пространствах, находящихся под суверенитетом прибрежных государств (т.е., применительно к Арктике, о внутренних морских водах и территориальном море) являются одновременно и *обычными нормами* международного права и в этом качестве исполняются и государствами, не являющимися участниками Конвенции 1982 г. *Во-вторых*, нормы этой Конвенции 1982 г. о *200-мильной исключительной экономической зоне*, будучи относительно новыми (таких норм не было в Женевских морских конвенциях 1958 г.) *также относятся* большинством специалистов к *обычным нормам международного права*. *В-третьих*, Конвенцией предусмотрен отдельный раздел – «*Покрытые льдом районы*» в Части XIII («Защита и сохранение морской среды»).

Одновременно следует предупредить об ошибочности механического (вне общего международного права) применения Конвенции 1982 г. к регулированию всех отношений арктических государств, в т.ч. с не участвующим в Конвенции государством, как это предлагается, например, в большинстве документов НАТО и Европейского союза (далее также – ЕС). В базовом документе ЕС – «Европейский союз

⁵² Текст Конвенции был принят при следующем «раскладе» голосов: 130 государств – «за»; 4 государства – «против»; 17 государств – «воздержались». Из пяти арктических прибрежных государств три голосовали за принятие текста Конвенции: Норвегия, Дания, Канада.

и арктический регион» – акцент делается именно *на глобально-договорной уровень* праворегулирования отношений государств в Арктике, на *абсолютизацию применимости* к Арктическому региону *Конвенции 1982 г.* Согласно документу, в международно-правовых нормах об Арктике «основу составляют положения Конвенция ООН по морскому праву». На этом основании ЕС весьма упрощенно констатирует (не утруждая себя доктринальными мнениями в России, в других арктических прибрежных государствах): «За пределами национальной юрисдикции в Северном Ледовитом океане находятся районы открытого моря и морского дна, которое управляется международным органом по морскому дну». То есть ЕС даже не допускает, что пять арктических государств вправе разграничить между собой все районы дна мелководного, полузамкнутого Северного Ледовитого океана как их континентального шельфа на основе международного права (обычных норм; положений ст. 6 Конвенции о континентальном шельфе; или ст. 83 Конвенции 1982 г.). В этом случае в Арктике не будет международного района морского дна. Напротив, ЕС заинтересован в том, чтобы Россия, другие арктические государства исполняли другую статью Конвенции 1982 г. – ст. 76, ограничив свой шельф по критериям, в ней установленным, отделив в Арктике международный район морского дна – практически, для консорциума западных компаний.

Далее, документ ЕС поучает арктические государства: «Никакая страна или группа стран не имеют суверенитета над Северным полюсом или над Северным Ледовитым океаном»⁵³. Следует отметить, что ни одно из арктических государств и не заявляло о «суверенитете над Северным полюсом» или тем более над всем этим океаном. Поэтому – это отважное поучение в интересах европейского обывателя – возможно, сугубо для «внутреннего потребления» (растущей и хорошо оплачиваемой евробюрократии надо оправдывать свое содержание). Но общая жесткая линия ЕС на создание в Арктике, на основе Конвенции 1982 г., международного района морского дна (за счет шельфа России) развивается и на концептуальном уровне. В репрезентативной книге «Европейский Союз и Арктика. Политика и действия» авторы книги пишут, ссылаясь на позицию Европарламента, о важности для ЕС предложить «меры по защите арктических вод, имея в виду международную квалификацию Арктики как охраняемый район (a protected area), подобно

⁵³ The European Union and the Arctic Region. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council.

Антарктике, и его обозначение «природным резервом для мира и науки» (a natural reserve devoted to peace and science)»⁵⁴.

Последующая правовая практика, прежде всего арктических государств, показала неодинаковые векторы решения вопроса о правовом положении высокоширотных арктических вод, находящимися за пределами национальной юрисдикции, в том числе и круглогодично спаянными льдами. Это обусловлено, прежде всего, тем, что начиная с 1997 г. для России, Норвегии, Дании (о. Гренландия) и Канады вступил в силу универсальный международный договор – Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. С одной стороны, Конвенция 1982 г. не предусмотрела, как отмечено, для арктических вод каких-либо исключений. Соответственно, если исходить из ее применимости к водным районам и ледяным пространствам Северного Ледовитого океана, то за пределами 200-мильных исключительных экономических зон пяти арктических прибрежных государств *находится район открытого моря*. С другой стороны, как было отмечено, арктические прибрежные государства на III Конференции по морскому праву «гасили» попытки специально рассматривать на ней вопрос об Арктике, тем более упоминания о ней в Конвенции 1982 г. В книге, западных юристов-международников, вышедшей значительно позднее принятия Конвенции 1982 г., отмечено: *«Подлинного регионального режима в Арктике не сложилось, несмотря на общие проблемы, стоящие перед арктическими государствами. Вместо этого морское право применялось к полярному северу посредством национальных подходов (Instead, the law of the sea for the polar north has been applied through national approaches). То есть правительство каждого арктического государства рассматривает, принимает и осуществляет посредством национального законодательства такие юридические правила и нормы, которые, по его мнению, лучше всего служат его национальным интересам в его полярных морях (the government of each Arctic State considers, adopts and implements through national legislative means those legal rules and norms that it feels best serve its national interests within the context of its own polar seas). Таким образом, по мере возникновения и развития в XX веке принципов морского права они принимались и применялись каждым арктическим государством по-своему в его северных водах (they were adopted and applied by each Arctic State, in its own way, to its own northern waters)»*⁵⁵.

⁵⁴ A. Airoldi. The European Union and the Arctic. Policies and Actions. ANP 2008:729. Nordic Council of Ministers. Copenhagen. 2008. P. 63.

⁵⁵ Rothwell D.R. and Joyner C.C. Op. cit. P. 1.

В порядке осторожного научного прогноза можно предположить, что практика арктических государств пойдет по пути развития эффективного *регионального правового режима* сохранения и защиты морской среды в Северном Ледовитом океане, в том числе и над районами континентального шельфа, а также поиска, спасания людей⁵⁶, реагирования на чрезвычайные ситуации, сохранения морских живых ресурсов и рационального управления ими. Отмечено «существенное усиление тенденции развития самого широкого регионального сотрудничества, терпеливый поиск взаимоприемлемых решений путем переговоров на основе норм международного права».⁵⁷ Этот региональный подход обусловлен применимым *общим международным правом*, стержень которого составляют, как известно, *обычные нормы*.

Вместе с тем, в части, не охватываемой этим специальным правовым режимом Арктического региона, будет, видимо, поддерживаться *универсальный* уровень договорно-правового регулирования, созданный прежде всего Конвенцией 1982 г. Несмотря на то, что одно из арктических государств – США – не является участником Конвенции 1982 г., многие ее нормы – о внутренних морских водах, территориальном море, исключительной экономической зоне – являющиеся *также обычными нормами* современного международного права, уже реализованы в Северном Ледовитом океане. Это, разумеется, не относится к правовому режиму *дна Северного Ледовитого океана*: как известно, официальная позиция США состоит в том, что Часть XI Конвенции 1982 г. (о Районе – международном районе морского дна, «общем наследии человечества») не является обычным международным правом; соответственно, не являются обычно-правовыми нормами и конвенционные положения о границе между Районом и континентальным шельфом прибрежного государства (критерии установления такой границы предусмотрены в статье 76 Конвенции 1982 г.). Игнорировать эту правовую реальность невозможно. Поэтому в рамках *регионального согласования* арктическим государствам предстоит установить внешние границы арктического шельфа (*delineation*) и осуществить его делимитацию (*delimitation*) именно на основе *общего международного права*; а не сугубо на основе одной из договорных норм – упомянутой ст. 76. В этом смысле

⁵⁶ Успешный пример – заключение арктическими государствами в 2011 году Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике.

⁵⁷ Лавров С.В. Нуукская Декларация: новый этап сотрудничества арктических государств. – Арктика: экология и экономика. № 3.2011. С. 4-5.

целесообразна *модернизация правовой позиции России*, по сравнению с той, которая обозначена в 2001 г. в ходе неудачного «представления» соответствующих данных согласно ст. 76.

**Нуукская декларация
по случаю Седьмой Министерской сессии
Арктического совета
12 мая 2011 года, Нуук, Гренландия**

Министры, представляющие восемь арктических государств, собравшиеся в г. Нуук, Гренландия, на Седьмую Министерскую сессию Арктического совета, совместно с представителями шести организаций Постоянных участников Арктического совета,

признавая значимость поддержания мира, стабильности и конструктивного сотрудничества в Арктике,

вновь подтверждая приверженность Арктического совета содействию охране окружающей среды и устойчивому развитию Арктики,

приветствуя возросшее сотрудничество между арктическими государствами и народами для реагирования на новые вызовы и возможности,

признавая, что Арктика в первую очередь является населенным регионом с разнообразными экономическими системами и обществами, и важность продолжения устойчивого развития сообществ Арктики, **признавая** права коренных народов и интересы всех жителей Арктики, и **подчеркивая** постоянное участие коренных народов и сообществ как фундаментальную сильную сторону Совета,

признавая, что быстро меняющиеся обстоятельства, в частности, изменение климата, привели к увеличению вызовов и возможностей и их усложнению, и **подчеркивая** важность укрепления Арктического совета для реакции на эти изменения,

настоящим:

УКРЕПЛЕНИЕ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА

Объявляют о Соглашении о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике как первом юридически обязательном соглашении, заключенным под эгидой Арктического совета,

Принимают решение продолжать работу Арктического совета по поиску путей борьбы с возникающими в Арктике вызовами с применением широкого спектра подходов,

Принимают решение усилить способность Арктического совета отвечать на вызовы и возможности в Арктике путем создания в Тромсе, Норвегия, постоянного секретариата Арктического совета, в дальнейшем именуемого «Секретариат», который должен быть готов к работе не позднее начала председательства Канады в Арктическом совете в 2013 году,

Принимают решение о создании целевой группы для реализации решений по укреплению Арктического совета, включая любые договоренности, необходимые для создания Секретариата, и **утверждают** состав и мандат целевой группы как они приведены в Докладе 2011 года Старших должностных лиц по Арктике (Докладе СДЛ),

Утверждают рекомендации Старших должностных лиц по Арктике касательно роли и критериев наблюдателей в Арктическом совете в соответствии с Приложениями к Докладу СДЛ и **принимают решение** о применении данных критериев для оценки ожидающих заявителей на получение статуса наблюдателя,

Утверждают Руководство по информационно-разъяснительной работе, содержащееся в Докладе СДЛ, и **поручают** СДЛ разработать Стратегический план информационной работы Арктического совета.

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА

Человеческое измерение

С удовлетворением отмечают и приветствуют приоритет вопросов здравоохранения в период председательства Дании, **принимают к сведению** встречу министров здравоохранения стран Арктического региона, состоявшуюся в Нууке в феврале 2011 года, **признают** сохраняющиеся вызовы в сфере здравоохранения, и **отмечают** необходимость укрепления физического и душевного здоровья, благополучия и расширения возможностей коренных народов и жителей Арктики,

Отмечают потребность во всеобъемлющем обзоре человеческого развития в Арктике и **призывают** оценить текущее состояние в сфере человеческого развития в Арктике и его взаимосвязь с изменением климата и другими факторами, влияющими на сообщества Арктики,

Изменение климата и охрана окружающей среды

Признают, что существенное сокращение выбросов углекислого газа и других парниковых газов является основой действенных усилий по противодействию глобальному изменению климата,

С удовлетворением приветствуют полный доклад по оценке состояния арктической криосферы: «Снег, Вода, Лед и Вечная мерзлота в Арктике» (SWIPA), **с обеспокоенностью отмечают** ускорение изменений в основных компонентах криосферы и глубокие местные, региональные и глобальные последствия наблюдаемых и ожидаемых изменений, **подчеркивают** потребность в перспективной направленности арктического сотрудничества с целью укрепления устойчивости Арктики к внешним воздействиям и лидирующей роли Арктического совета в деле сведения к минимуму воздействия изменения климата на человека и окружающую среду, и **поручают** Старшим должностным лицам по Арктике рассмотреть возможности наилучшего развития рекомендаций SWIPA в дальнейшей работе Арктического совета,

Приветствуют доклады Арктического совета по нестойким соединениям, способствующим изменению климата (SLCF), которые позволяют существенно улучшить понимание проблематики черного углерода (сажи), призывают арктические государства к реализации, исходя из условий этих стран, соответствующих рекомендаций по сокращению эмиссий сажи, **поручают** Целевой группе и экспертной группе Арктической программы мониторинга и оценки (АМАР) продолжить их работу, сосредоточившись на проблемах метана и тропосферного озона, а также, где это необходимо, и на дальнейшей работе по проблеме сажи, и представить отчет на следующей Министерской встрече в 2013 году,

Принимают решение о создании Руководящей группы проекта по нестойким соединениям-загрязнителям, способствующим изменению климата, которая выполнит циркумполярные демонстрационные проекты, направленные на сокращение выбросов сажи и других SLCF,

Отмечают с обеспокоенностью, что, как указано в докладе «Оценка ситуации со ртутью в Арктике», подготовленном Рабочей Группой «Программа мониторинга и оценки в Арктике» (АМАР), уровни содержания ртути продолжают возрастать, угрожая здоровью населения и природе в определенных районах Арктики, и **поддерживают** ведущиеся межправительственные переговоры в рамках Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), направленные на заключение

глобального соглашения по ртути, которое приведет к существенно-му снижению использования и выбросов ртути в мире,

Приветствуют действия в поддержку выполнения Стокгольмской Конвенции и протоколов по стойким органическим загрязнителям и тяжелым металлам Конвенции ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (LRTAP) и **призывают** государства продолжать работу по сокращению выбросов и подписанию, ратификации и ускорению выполнения этих Конвенций и Протоколов.

Вновь подтверждают важность использования традиционных знаний коренных народов и инициатив по укреплению потенциала при планировании и реализации мер, направленных на адаптацию к изменению климата, **признают**, что изменение климата и прочие негативные факторы оказали влияние на традиционные формы жизнедеятельности, продовольственную и физическую безопасность коренных народов Арктики и других жителей и сообществ Арктики,

Подтверждают приверженность всех арктических государств совместной работе и взаимодействию с другими странами в целях реализации договоренностей, достигнутых в Канкуне, до начала переговоров по климату в этом году в Дурбане, ЮАР, и в этом контексте **призывают** все Стороны РКИК ООН предпринять срочные меры для выполнения долгосрочной задачи сдерживания повышения глобальной средней температуры в пределах 2 градусов по Цельсию по сравнению с уровнем доиндустриальной эпохи,

Принимают решение о создании группы экспертов по экосистемному управлению окружающей средой в Арктике (ЕВМ) для выработки рекомендаций по дальнейшим мероприятиям для возможного рассмотрения СДЛ до окончания председательства Швеции,

Поручают СДЛ рассмотреть потребность в интегрированной оценке многосторонних факторов изменений в Арктике как инструмента для коренных народов, населения Арктики, правительств и субъектов экономической деятельности для подготовки к будущему, и на основе такого анализа составить рекомендации для рассмотрения на уровне заместителей министров государств Арктического совета на их следующей встрече, посвященные возможной подготовке документа об оценке арктических изменений, включая доклад об устойчивости Арктики к внешним воздействиям.

Арктическая морская окружающая среда

Принимают решение о создании Целевой группы, подотчетной СДЛ, для разработки международного документа в сфере готовности и реагирования на морские нефтяные загрязнения в Арктике, и **предлагают** Рабочей группе по предотвращению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации (EPPR) и другим соответствующим рабочим группам составить рекомендации и/или обобщить наилучшую практику по предотвращению морских нефтяных загрязнений; предварительные или итоговые результаты должны быть представлены обеими группами совместно на следующей Министерской встрече в 2013 году,

Приветствуют доклад EPPR «Анализ поведения нефти и других опасных веществ в арктических водах» (BoHaSa) и его вклад в понимание поведения нефти и других опасных веществ в Арктике, и **призывают** СДЛ рассмотреть его выводы и рекомендации для будущих мероприятий Арктического совета,

Признают важную роль Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике для безопасного транспорта и укрепления сотрудничества в оказании помощи людям в беде в Арктике,

Призывают к скорейшему завершению работы Международной морской организации над созданием обязательного полярного кодекса для судов,

Приветствуют прогресс, достигнутый по линии проекта Обзора Северного ледовитого океана (AOR), в рамках которого рассматриваются существующие глобальные и региональные меры, имеющие отношение к морской окружающей среде Арктики, и **ожидают** представления итогового доклада проекта AOR в 2013 году, в частности, вариантов и возможностей наращивания глобальных и региональных усилий по сохранению и устойчивому использованию арктической морской окружающей среды,

Наука и Мониторинг

Признают значение проекта «Поддержание сетей наблюдений в Арктике» (SAON) как важнейшего наследия Международного полярного года для усиления научного наблюдения и обмена данными, и **принимают** рекомендации СДЛ по текущему управлению SAON, содержащиеся в Докладе СДЛ,

Признают, что Международный полярный год (МПГ) стал крупнейшей на сегодняшний день циркумполярной программой научных исследований, и **приветствуют** проведение в 2012 году в Монреале конференции «От знания к действиям» как заключительного мероприятия МПГ, и возможность, предоставляемую конференцией, по превращению знаний и научных результатов в политические решения, на которых будут основаны наши дальнейшие действия в области охраны окружающей среды и обеспечения благополучия населения Арктики,

Принимают решение поручить СДЛ рассмотреть максимальное закрепление итогов МПГ путем поддержки предложения по организации Международного полярного десятилетия в свете быстрого изменения климата Арктики и потребности в дальнейших координированных исследованиях окружающей среды Арктики и ее человеческого измерения,

Приветствуют вклад Доклада 2010 года о тенденциях в биологическом разнообразии в Арктике в понимание потенциала адаптации природы и живых ресурсов Арктики к глобальным и региональным стресс-факторам, и **ожидают** научной оценки и политических рекомендаций от Оценки арктического биоразнообразия (АВА), завершение которой намечено на 2013 г.,

Поздравляют Арктический университет (UArctic) с десятилетием, **признают** его вклад в развитие специализированного образования, направленного на создание потенциала и приумножение традиционных и научных знаний, имеющих значение для коренных народов, сообществ и политиков Арктики, а также **призывают** к оказанию Арктическому университету постоянной поддержки,

ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ

Принимают рекомендации Доклада СДЛ Министрам и **поручают** СДЛ рассматривать и при необходимости корректировать мандаты рабочих групп и целевых групп Арктического совета, а также их рабочие планы на 2011-2013 гг.,

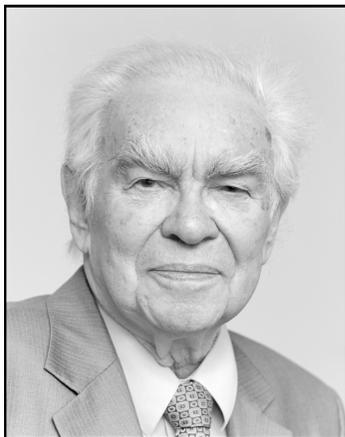
Вновь подтверждают потребность в финансировании циркумполярного сотрудничества, равно как и важность обеспечения необходимого финансирования Постоянных участников для поддержки их подготовки и участия в Арктическом совете, рабочих и целевых группах и проектах Арктического совета,

Отмечают встречу министров окружающей среды арктических государств, состоявшуюся в июне 2010 года, и встречу министров здравоохранения Арктических государств, состоявшуюся в феврале 2011 года, и **приветствуют** проведение дальнейших встреч высокого уровня,

Приветствуют дальнейшее сотрудничество с другими соответствующими организациями,

Благодарят Королевство Дания за председательство в Арктическом совете в 2009-2011 годах и **приветствуют** предложение Королевства Швеция стать председателем Арктического совета на период 2011-2013 годов и провести у себя Восьмую Министерскую сессию в 2013 году.

НЕКРОЛОГ

Памяти профессора Игнатенко Г.В.

19 января 2012 г. скончался доктор юридических наук, профессор, почетный профессор УрГЮА и Национального университета им Д.А. Кунаева (г. Алматы, Казахстан), заслуженный деятель науки Российской Федерации Геннадий Владимирович Игнатенко.

Геннадий Владимирович родился в 1927 г. в Хабаровске. В 1952 г. окончил с отличием юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, был принят в аспирантуру. После защиты в 1956 г. кандидатской диссертации работал в Хабаровске преподавателем факультета ВЮЗИ. В 1961 г. приглашен на работу в Свердловский юридический институт. В апреле 1968 г. защитил докторскую диссертацию. С 1971 по 1998 гг. – заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права. С 1964 г. – член Советской (Российской) ассоциации международного права, многократно избирался членом исполнительного комитета Ассоциации, с 2000 г. – вице- президент Ассоциации. Инициатор создания «Российского юридического

журнала», в 1993-2007 гг. – его главный редактор, позже – член редколлегии.

За 27-летнее пребывание профессора Г.В. Игнатенко в должности заведующего кафедрой им была создана мощная научная школа по исследованию наиболее значимых проблем международного права. Основные направления научных исследований – актуальные проблемы современного международного права, вопросы международной правосубъектности, соотношения международного и внутригосударственного права. При научном руководстве и консультировании Геннадия Владимировича было защищено около 30 кандидатских и 7 докторских диссертаций. Огромное внимание он уделял подготовке вузовских учебников «Международное право», последний из которых за период с 1999 года выдержал пять изданий. Геннадий Владимирович – автор, соавтор и ответственный редактор около 200 научных публикаций. Награжден орденом «Знак Почета», Орденом Дружбы, медалями «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда», «200 лет МВД России», медалями им. А.Ф. Кони, Г.И. Тункина, знаком «100-летие города Хабаровска», премиями Ф.Ф. Мартенса и Гуго Гроция, имеет почетные звания заслуженного деятеля науки РСФСР и почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, награжден почетным знаком «За особые заслуги перед УрГЮА».

Геннадий Владимирович – прекрасный человек и выдающийся ученый. Был Учителем в самом высоком смысле этого слова. Его отличала высокая эрудиция, новизна суждений, неординарность мышления; он всегда был искренне увлечен своей работой. Он был высокоинтеллигентным, чутким, удивительно жизнелюбивым человеком с превосходным чувством юмора.

Светлая память о Геннадии Владимировиче Игнатенко навсегда сохранится в наших сердцах.

Уральская государственная юридическая академия

Редакция Московского журнала международного права